ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Языкъ нашъ отъ стеченія многихъ причинъ около вѣка, мало по малу началъ удаляться отъ своего первоначальнаго свойства, заимствуя свое составленіе и реченія отъ Французскаго, отъ чего должны мы стараться отвратить его, и старинныя наши книги положить за основаніе нашего слова, допущая изъ учиняемыхъ въ послѣдствіи прибавленій токмо такія, кои явнымъ образомъ могутъ исправить его недостатки, и бывъ непротивны свойству нашего языка, безтрудно сливаются съ природнымъ нашимъ нарѣчіемъ.

Iohnson; Preface to the English Dictionary.

РАЗСУЖДЕНІЕ
О
РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Сочинено

Евстафьемъ Станевичемъ.

ЧАСТЬ II.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано въ Типографіи Ивана Глазунова,
1808 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Приступимъ теперь къ главному содержанію разсматриваемой здѣсь книги. Въ первой части я распространился о томъ, о чемъ сочинитель оной только слегка коснулся, довольствуяся показать намъ источникъ нашихъ заблужденій касательно языка нашего: а въ сей, я намѣренъ предложить сколь справедливы его умствованія о красотахъ нашей словесности; когда онѣ не искажены чужеязычіемъ. Но прежде чемъ приступлю къ сему дѣлу, я приведу мнѣніе Цицерона, жалующагося также на поврежденіе языка Латинскаго. „Есть и такіе, „пишетъ онъ къ Бруту, кои научась по Гречески, „презираютъ сочиненія Латинскія, и за лучшее „почитаютъ терять время за чтеніемъ Греческихъ, „нежели Латинскихъ писателей.“ — Въ другомъ мѣстѣ разсуждаетъ онъ: „И такъ весьма трудно „угодить тѣмъ, которые презираютъ Латинскія „сочиненія, и въ которыхъ то особливо мнѣ ка„жется быть удивительно, что и при самыхъ важ„ныхъ дѣлахъ не увеселяетъ ихъ отечественное „слово.“

Умствующій такимъ образомъ Цицеронъ о своихъ современникахъ, не тоже ли говоритъ, что и сочинитель *разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*? Сей самый Цицеронъ, избавитель своего отечества и величайшій витія своего времени, не взирая на обширныя его познанія и глубокія въ языкѣ свѣденія, не презиралъ и самыхъ посредственныхъ дарованій писателей, лишь бы они не повреждали чужеязычіемъ своего отечественнаго нарѣчія; и въ семъ случаѣ онъ оставилъ намъ весьма прекрасный урокъ въ сихъ словахъ: „Чтожъ „касается до меня, говоритъ онъ, то я не почи„таю того довольно ученымъ, кто не имѣетъ понятія „о природныхъ Латинскихъ сочиненіяхъ. . . . . И такъ теперь остается спросить, кто заслужи-

ваетъ къ себѣ болѣе вѣры, избавитель-ли Отечества, гремѣвшій краснорѣчіемъ посреди самодержавнаго Сената, и поражавшій единымъ словомъ своимъ враговъ Рима, или безумные ненавистники природнаго своего языка?

Подобно Цицерону, сочинитель о старомъ и новомъ слогѣ, разсуждаетъ о своемъ языкѣ и сочинителяхъ. Подобно ему онъ вооружается противу тѣхъ, кои пристрастясь къ чужеязычію, не брегутъ о своемъ нарѣчіи тогда, какъ ихъ все обязываетъ упражняться въ немъ; и любовь къ отечеству; и выгоды отъ него ими получаемыя; и служеніе ему, на которое они должны предуготовлять себя; и тѣ надежды, которыя подаютъ они каждому гражданину, когда случай и щастіе возводятъ ихъ на степень отличныхъ почестей. Также востаетъ онъ и противу тѣхъ писателей, которые хотя и получили нѣкоторое познаніе и навыкъ въ языкѣ своемъ, но будучи ослѣплены своимъ дарованіемъ, не стараются почерпать изъ самаго источника языка своего красотъ и силы своихъ рѣченій. Основывая все свое искуство на одномъ познаніи, какое стяжали они въ своемъ младенчествѣ, и отъ малаго чтенія книгъ на природномъ ихъ языкѣ, они часто затрудняются въ пріисканіи нужныхъ словъ для объясненія мыслей иностраннаго писателя, или своихъ собственныхъ; а потому и заключаютъ, что сей недостатокъ происходитъ отъ бѣдности языка, а не отъ скудости ихъ знанія; почему и стали составлять слова по своему произволу, или по составу того языка, съ котораго они переводили. Въ первомъ случаѣ не имѣя яснаго и полнаго понятія о коренныхъ словахъ своего языка, они сочиняли ихъ на удачу, и кто изъ нихъ чѣмъ менѣе былъ искусенъ въ словопроизвожденіи, тотъ болѣе другихъ и заблуждался. Отъ чего произошло, что сколько было сочинителей и переводчиковъ, столько составлялось и словъ, объясняющихъ одну и туже вещь, смотря по образу понятія, какое имѣлъ на тотъ разъ изъяснитель оной вещи. Въ другомъ случаѣ, пріучивъ съ младенчества свой слухъ и умъ къ чужому нарѣчію, они привыкли выражать по немъ и свои мысли; и не находя, какъ имъ мнилось, равносильнаго на своемъ языкѣ слова, соотвѣтствующаго иностранному, они переводили его

по точному онаго знаменованію на томъ языкѣ, чѣмъ *обезобразивъ языкъ свой*, какъ говоритъ сочинитель о слогѣ, *отнимали у него всю красоту, силу*, и *дѣлали его невразительнымъ*. Вотъ на что онъ жалуется! Однако жалуясь, не оставляетъ насъ въ неизвѣсности и затрудненіи какъ пособить злу сему. Онъ предлагаетъ намъ средства, достойныя гражданина любящаго и чтущаго свое отечество. Показавъ заблужденіе наше и причину онаго, онъ обращаетъ насъ къ источнику Славенскаго слова, отъ куда первѣйшіе между нашими писателями почерпали все богатство своего краснорѣчія. — Онъ говоритъ намъ, читайте Славенскія книги, не презирайте своихъ писателей, отличившихся красотою и великолѣпіемъ слога; а ему на то отвѣтствуютъ, что ихъ весьма не много, и что они не могутъ научить насъ. Но онъ совѣтуетъ подражать имъ, послѣдовать за ними и собою умножить число ихъ. Прибавляя капли къ каплямъ, говоритъ Арабская пословица, составишъ Океанъ. Естьли мы, имѣя уже образцы ихъ краснорѣчія не знаемъ отъ куда научиться, то что сказалибъ мы живши въ ихъ время, когда дѣйствительно, кромѣ Славенскихъ книгъ иныхъ у насъ не было? И что сталось бы съ нашими лучшими писателями, когда бы они подобно намъ разсуждали?

Иностранцы поступали иначе; они всячески радѣли о томъ, какъ бы умножить число хорошихъ своихъ писателей; а сіи пеклися о приведеніи въ совершенство языка своего (1). Въ семъ дѣлѣ они достойны быть примѣромъ нашего подражанія. Сначала и у насъ будетъ ихъ мало, какъ предъ тѣмъ ихъ и вовсе не было; но потомъ можетъ быть ихъ болѣе. Нужно одно хотѣніе и прилѣжаніе. Впрочемъ не о маломъ числѣ писателей идетъ дѣло. Презирающіе языкъ Славенскій не то хотятъ сказать, что таковыхъ сочинителей у насъ мало, но что не откуда научиться языку природному; а въ семъ-то они и ошибаются. Не много было у насъ писателей для обогащенія насъ мыслями, отвлеченными понятіями и разными другими сочиненіями, какими похваляются Государства чужестранныя: но малое число ихъ не показываетъ еще несовершенства языка нашего. Языкъ нашъ богатъ самъ по себѣ; умѣйте сами

мыслить и умствовать, то вы найдете въ немъ всѣ слова нужныя для объясненія вашихъ понятій.

До Кантемира, Ломоносова и другихъ нашихъ писателей не было много такихъ словъ, которыя потомъ искусно ими составлены; но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы слова сіи не существовали въ языкѣ нашемъ; а иначе откуда бы они ихъ почерпнули? Ихъ не было въ *сложности*, но былъ ихъ корень. Не было у насъ *любомудріе*, но были *любить* и *мудрость*; не было *окружность*, которое слово сначала по незнанію согласно съ иностраннымъ наименованіемъ называли *Сиркумференція*, но было *округъ* и глаголы *кружить*, *окружить*; не было *поперешникъ*, вмѣсто котораго также переводили *діаметръ*, но имѣли слово *поперегъ*: первый, который сталъ о языкѣ умствовать, примѣтилъ, что черта, незываемая діаметръ, лежитъ поперегъ круга, остроумно переименовалъ діаметръ въ *поперешникъ*, и тѣмъ обогатилъ наше слово. Въ новѣйшіе времена вздумалось кому-то перевести горизонтъ *небосклономъ*, отъ представленія, что небо какъ бы склоняется тамъ, гдѣ нашъ взоръ при возрѣніи на небо упирается въ той точкѣ, въ которой оно какъ будто пересѣкается на двое. Слово сіе довольно объясняетъ описываемую имъ вещъ и довольно удачно составлено: но старинное слово *обзоръ* несравненно лучше сіе выражаетъ, представляя моему воображенію все пространство мною обозрѣваемаго неба, склоняющагося по всюду, гдѣ земной поперешникъ пересѣкаетъ оное, или паче кругъ отдѣляетъ видимое полукружіе неба отъ незримаго. Удерживая старинное слово *обзоръ*, мы можемъ усыновить и новое *небосклонъ*, и употреблять то и другое удачно, смотря по приличію слога. Такъ составлять слова похвально: ибо всякое такое словосоставленіе показываетъ мнѣ человѣка мыслящаго и обдумывающаго свое дѣло. Но переводить revolution переворотомъ, scenes interessantes занимательными сцѣнами, и сему подобныя рѣченія, смѣшно и безразсудно, а за остереженіе насъ отъ такого несообразнаго съ свойствомъ языка нашего составленія словъ, сочинитель о слогѣ, не токмо не заслуживаетъ отъ насъ укоризны, но достоинъ еще похвалы и благодарности: ибо всякое такое дикословіе служитъ къ безобразію нашей словесности, и

сей *путь*, какъ говоритъ тотъ же сочинитель, *не во храмъ краснорѣчія ведетъ насъ, но въ вертепъ невразумительнаго вранья*. Не тотъ языкъ хорошъ, которой теменъ для большой части читателей, но тотъ, который и самому простому и не ученому человѣку понятенъ. Скажите кому нибудь изъ Русскихъ *любомудріе*, *обзоръ*, *небосклонъ*, даже и безъ всякой связи съ цѣлой рѣчью, онъ пойметъ васъ: но чтобы понять *трогательныя сцѣны* и *ваши перевороты*, то для сего непремѣнно потребно знаніе языка Французскаго. При словѣ *небосклонъ* я тотчасъ воображу склоняющееся небо: но при словѣ *переворотъ*, я ничего яснаго не могу себѣ представить: ибо глаголъ *переворотить*, отъ куда произвели и *переворотъ*, служитъ къ выраженію весьма низкихъ понятій и употребляется въ весьма ограниченномъ и тѣсномъ знаменованіи.

Такое же понятіе родится въ насъ и при опредѣленіи всѣхъ словъ, справедливо осмѣянныхъ сочинителемъ книги о старомъ и новомъ слогѣ. Для того-то должно быть крайнѣ осторожну въ составленіи оныхъ. Мы поступимъ весьма неблагоразумно, когда не станемъ учиться у нашихъ предковъ составленію словъ, почитая ихъ въ семъ невѣжами. Предки наши жившіе въ тѣ времена, когда корни словъ не были еще потеряны, когда знаменованіе отъ нихъ произшедшихъ не было ослаблено, перемѣнено или испорчено смѣшеніемъ народовъ и ихъ нарѣчій, или другими посторонними обстоятельствами, произведшими перемѣну въ Государствѣ, могли и безъ дальнаго умствованія гораздо легче и притомъ правильнѣе, чемъ мы, удаленные отъ корней словъ своихъ, составлять нужныя имъ слова и рѣчи. ,,Первоначальные языки, говоритъ Кондильякъ, ,,хотя ограниченные, были несравненно лучше со- ,,ставлены, нежели наши: они имѣли еще и ту вы- ,,году, что очевидно показывали начало и постепен- ,,ное приращеніе пріобрѣтенныхъ познаній, кои вели ,,къ изобрѣтенію. Но гдѣ и когда существовали ,,сіи народы? . . . (*). Естьли бы сей глубокомысленный умствователь зналъ языкъ Русской въ Славенскомъ его нарѣчіи, то безсомнѣнія онъ не

(*) См. La Langue des Calculs.

сдѣлалъ бы сего вопроса, нашедъ и сей народъ и сей языкъ въ Россіи. Но оставляя сію догадку, и убѣждаяся истинною словъ сего ученаго Мужа, повѣримъ нашимъ предкамъ въ томъ, что ихъ разборчивость въ пріисканіи нужныхъ имъ словъ была несравненно вѣрнѣе нашей.

Естьли мы затрудняемся въ переводахъ, или въ объясненіи собственныхъ нашихъ мыслей, то не жалуяся на недостатокъ языка своего, спросимъ у самихъ себя, вникали-ли мы въ него съ должнымъ прилѣжаніемъ? И встрѣчающіяся затрудненія, стѣсняющія наше дарованіе, не показываютъ ли паче недостатка нашего знанія въ языкѣ, нежели недостатка въ самомъ языкѣ? Говорятъ еще: *сочинитель хочетъ, кажется, обратить насъ къ древнему нашему нарѣчїю.* Что-же тутъ худаго? А впрочемъ я нигдѣ не находилъ въ его книгѣ сего желанія. Не противъ употребляемаго нынѣ нарѣчія востаетъ онъ, когда приводитъ намъ въ образецъ лучшіе примѣры изъ многихъ прославившихся нашихъ писателей, и совѣтуетъ имъ послѣдовать. Не противъ языка, коимъ нынѣ говорятъ, онъ пишетъ, когда самъ его употребляетъ въ наученіе насъ оному. Отъ куда же противники его взяли сію мысль, что онъ сего желаетъ? Желать, чтобы говорили и писали по Русски по свойству языка Русскаго, не значитъ, желать обратить насъ къ древнему нашему нарѣчію, естьли писатель сей разумѣлъ подъ симъ то нарѣчіе, какимъ говорили за нѣсколько сотъ лѣтъ прежде. О семъ нигдѣ не говоритъ сочинитель о слогѣ; да сего не могло ему притти и въ голову: ибо сіе было бы сколько не возможно, толико и безполезно. Не возможно потому, что надлежало бы тогда перемѣнить образъ мыслей цѣлаго народа, побѣдить его привычки и навыкъ изъясняться на иномъ нарѣчіи, а не на томъ, которой сталъ ему природнымъ. Такое дѣло не есть дѣло единаго человѣка. Безполезно же потому, что настоящій нашъ языкъ есть тотъ же, которымъ говорили наши предки съ нѣкоторой только отмѣной въ нарѣчіи.

Языкъ есть ни что иное, какъ одно хранилище множества словъ, выдуманныхъ и составленныхъ соединившимися въ общество людьми въ облегченіе своихъ нуждъ и недостатковъ. Сначала

слова сіи не имѣли никакихъ правилъ для своего составленія; потомъ частое употребленіе оныхъ опредѣлило обороты рѣчей и выраженій; мало по малу составлялись для него постоянныя и непремѣнныя правила и симъ образомъ языкъ установлялся. Время могло измѣнять его нарѣчіе, но языкъ всегда оставался тотъ же въ своей сущности. Перемѣняется языкъ тогда, когда нѣсколько языковъ смѣшиваются вмѣстѣ, и перемѣняютъ такъ сказать, первобытное существо его (2): но сіи перемѣны сопровождаются всегда общими бѣдствіями. Греческій языкъ перемѣнился съ покореніемъ цѣлой Греціи. Языкъ Латинскій изчезъ съ опустошеніемъ всей Италіи. Тогда не токмо вошло множество словъ чуждыхъ онымъ языкамъ, но и самое свойство языка измѣнилося: съ непрестаннымъ употребленіемъ чужихъ словъ, народъ забывалъ свои собственныя; а составляя свои рѣчи изъ словъ чужихъ, онъ принималъ нечувствительно свойства и правила языка чужаго. Тоже послѣдовало бы, можетъ быть, и съ Русскимъ языкомъ, когда бы иго Татарское продолжилося. Съ освобожденіемъ народа и языкъ уцѣлелъ; и я не знаю для чего мы отдѣляемъ языкъ Славенскій отъ Русскаго, и почему языкъ нашъ не тотъ, которымъ говорили наши предки? Свойства и главныя правила языка тѣже, слова тѣже; въ чемъ же состоитъ сія перемѣна? Въ измѣненіи ли нѣкоторыхъ окончаній и не употребленіи иныхъ словъ? Сіе показываетъ только не большое измѣненіе нарѣчія въ видѣ, а не въ существѣ самаго языка: ибо между нарѣчіемъ и языкомъ есть такая разность, какая есть между веществомъ и его измѣняющимися образами. Можно изъ воску дѣлать всякія изображенія и давать симъ различные виды; но воскъ останется воскомъ. Сіе самое можно сказать и о нашемъ языкѣ. До Кантемира и Прокоповича нарѣчіе было иное, нежели какое при нихъ употреблялось; со временъ же Ломоносова и Сумарокова оно опять не много измѣнилось; и сіе ничего другаго не показываетъ, кромѣ того, что иныя слова стали менѣе употребительны, а другія болѣе; а иныя по не благоразумію нашему и вовсе оставлены; или, что нѣкоторыя окончанія словъ перемѣнились, стали кратче и бли-

же къ нашему понятію и слуху: Однако языкъ нашъ остался все тѣмъ же языкомъ Славенскимъ.

Правда, перемѣна въ нарѣчіи показалась намъ столь ощутительною, что мы вздумали раздѣлить свой языкъ на два языка, изъ коихъ одинъ назвали Славенскимъ, оставшимся въ священныхъ книгахъ; а другой Россійскимъ, или простонароднымъ, нынѣ всѣми употребляемомъ. Такое раздѣленіе столь же справедливо, какъ и то, когда бы кого почли за другова человѣка потому, что вчера на немъ было платье синяго цвѣту, а сего дни чернаго. На сіе-то раздѣленіе весьма справедливо востаетъ сочинитель разсматриваемой книги. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, естьли Славенскій языкъ отдѣлить отъ „Россійскаго, то изъ чего же сей послѣдній состоять будетъ? Развѣ изъ однихъ Татарскихъ словъ, „какъ то: *лошадь, кушакъ, коллакъ, сараи* и проч; „да изъ площадныхъ и низкихъ, какъ то: *калякать*, „*кочениться, хохлиться*, и тому подобныхъ, да изъ „чужестранныхъ, какъ то: *Гармонія, элоквенція, серїозно, авантажно* и проч:" По какой же причинѣ мы чуждаемся языка Славенскаго, когда почти ничего безъ него сказать не умѣемъ? „Мы въ простомъ слогѣ и разговорахъ вмѣсто: *я умѣю читать* не говоримъ нынѣ (продолжаетъ тотъ же сочинитель): *азъ есмь книжникъ*; или вмѣсто: *слуга! вели мнѣ осѣдлать лошадь*, не скажемъ: *чадо! повели мнѣ осѣдлать коня*." Оба сіи приведенныя примѣра показываютъ только измѣненіе нарѣчія, а не перемѣну языка. И дѣйствительно, возьми всѣ слова порознь, и всѣ онѣ будутъ Славенскія, или Русскія, какъ вы называете, исключая введенныхъ изъ другова языка, коихъ такъ мало, что не стоитъ ради ихъ раздѣлить одинъ и тотъ же языкъ на два.

И такъ и не принимая нарѣчія нашихъ предковъ мы не можемъ однако отвергать ихъ языка, „который есть, по словамъ сочинителя книги о „слогѣ, корень и основаніе Россійскаго языка; и который сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, „красоту." Иное дѣло съ языками иностранными, составленными изъ многихъ другихъ языковъ. Не имѣя корней многихъ словъ своихъ, всякое знаменованіе оныхъ силою только частаго употребленія дѣлается ясно и вразумительно; и народы, ими говорящіе, долговременною токмо привычкою

пріучаютъ разумъ свой привязывать къ нимъ понятія о разныхъ вещахъ и предмѣтахъ. Почему они принуждены бываютъ, или давать каждой вещи особое слово, неимѣющее своего корня, и потому не дѣлающее ни какой связи въ мысляхъ; или прилагаютъ одно слово къ разнымъ предмѣтамъ. Въ обоихъ сихъ случаяхъ двусмысліе и темнота непремѣнно должны родиться. Нашъ же языкъ не имѣетъ изъ сихъ двухъ случаевъ недостатка послѣдняго; и хотя для ясности и требуетъ на каждую мысль и вещь особаго слова, и повидимому могъ бы обиліемъ оныхъ затруднить нашу память: но онъ становится весьма понятнымъ по той причинѣ, что имѣетъ коренныя слова свои. По большой части отъ одного корня рождаются множество различныхъ словъ объясняющихъ разныя вещи. Отъ сего произходитъ, что слова сіи, хотя рознятся по звуку и своему знаменованію, имѣютъ нѣчто въ себѣ такое, что имъ всѣмъ есть общее, сближающее ихъ между собою.

Изъ сего явствуетъ, что не взирая на великое по видимому множество словъ, какія могли бы къ обогащенію языка нашего составиться, въ существѣ ихъ весьма не много. Нужно только быть совершенно свѣдущу въ корняхъ оныхъ, и искусну въ составленіи, то никогда ни какого замѣшательства не послѣдуетъ ни въ мысляхъ, ни въ опредѣленіи оныхъ смысла. Сіе столь справедливо, что естьли бы удачно составленное слово произнесено было въ первый только разъ, то и тогда не произвело бы оно въ нашемъ понятіи ни какого замѣшательства. Изобиліе словъ, не имѣющихъ корня, обращается языку въ тягость и помрачаетъ ясность его; когда же богатство языка изъ него самаго извлекается и почерпается, тогда слова составляютъ его красоту, силу и великолѣпіе. Языкъ есть тоже, что и наука числительная, въ которой помощію не многихъ простыхъ единицъ производятъ самыя трудныя выкладки и доходятъ до высочайшихъ истинъ.

Весьма справедливо умствуетъ Кондильякъ, когда говоритъ: „языки безпути обременены сло-„вами, каковый недостатокъ примѣчается наипаче „въ языкахъ новѣйшихъ. Вмѣсто того, что бы

„посредствомъ сходства (возсловія, Analogie) соста-
„влять ихъ особенно, мы заимствуемъ свои выра-
„женія изъ другихъ языковъ, куда они внесены
„были также изъ разныхъ другихъ, коими не гово-
„рятъ болѣе. Чуждыя же языку слова не имѣютъ
„ни какого между собою сходства; а какъ тогда не
„легко употреблять ихъ въ разныхъ смыслахъ, то
„мы заимствуемъ оныя изъ всѣхъ языковъ, и по-
„добно варварамъ всюду похищаемъ. Наши языки
„ничего не показываютъ кромѣ остатковъ, сохра-
„нившихся отъ опустошенія и раззоренія, и похо-
„дятъ на наши царства. Все будетъ худо, когда
начало худое."

„Самый совершенный языкъ былъ бы тотъ,
„который ни откуда ни чего не заимствуя, одному
„бы сходству былъ обязанъ всѣми выраженіями,
„употребленіемъ въ него введенными; и я думаю
„что сей языкъ съ весьма малымъ числомъ воз-
„можныхъ словъ могъ бы объяснять величайшее
„число возможныхъ понятій. Но поелику мы сочли
„себя ученѣе потому, что стали говорить сообра-
„жаясь съ языками названными нами учеными, то
„и поступили, при составленіи нашихъ языковъ, съ
„оными такъ, какъ будто бы хотѣли мы соста-
„вить нѣкое странное нарѣчіе. Намъ показалось,
„что для объясненія наукъ пристойнѣе употреб-
„лять слова не французскія; и науки по той уже
„одной неудобности сдѣлались труднѣе, что въ не-
„обходимости стали выучивать цѣлый словарь, изъ
„такихъ словъ составленный. Естьли бы говорили
„для того только, чтобъ разумѣть другъ друга;
„то безъ сомнѣнія не стали бы неизвѣстными
„словами изображать новыхъ понятій."

Какое иное заключеніе вывести изъ сего мнѣ-
нія, какъ не сіе, что несравненно похвальнѣе мы-
слить и разсуждать на своемъ природномъ языкѣ,
какъ бы скуденъ онъ ни былъ, нежели вносить въ
него слова чужестранныя? Лагарпъ также на сіе
жалуется; онъ говоритъ, что введеніе такихъ
словъ обременяетъ безполезно языкъ, затмѣваетъ
смыслъ рѣчи, затрудняетъ учащихся, и уноситъ у
нихъ время на изученіе словъ имъ незнакомыхъ и для
произношенія трудныхъ, какое время могли бы они
употребить на изученіе самой науки, оными объя-
сняемой. Но не зная средствъ какъ пособить се-

му, потому-ли что языкъ Французскій не можетъ по бѣдности своей безъ нихъ обойтися, или что слова сіи утверждены и усыновлены великими писателями, онъ совѣтуетъ слѣдовать необходимости и всеобщему употребленію. Отъ сего произошло, что во Франціи почти всѣ лучшіе писатели жаловались на недостатокъ языка своего. Со всѣмъ противное сему у насъ. Прославившіеся предъ всѣми познаніемъ языка своего, не токмо не почитали его скуднымъ, но еще тѣмъ паче восхищались, тѣмъ вяще поражались его силою, обиліемъ, красотою и великолѣпіемъ, чѣмъ глубже въ него вникали. Гремѣвшіе подобно Пиндару на лирѣ, воздыхавшіе съ Тибуломъ томно въ страсти, или прославившіе съ Анакреономъ любовь, или плѣнившіе насъ съ Гораціемъ сладостію струнъ своихъ, или съ Апулеемъ обворожившіе наше воображеніе прелестію своихъ вымысловъ, всѣ они равно превозносили неизсѣкаемое богатство языка Русскаго; и естьли въ чемъ затруднялись, то не языкъ, но свое незнаніе въ томъ обвиняли. Однако великіе сіи писатели, несравненно другихъ превосходившіе въ немъ своимъ искуствомъ, не могли его обнять совершенно; да кажется сіе дѣло, толико само по себѣ трудное, медлительное и утомительное, не было постоянною и непремѣнною ихъ цѣлію. Правда, они болѣе нежели другіе въ языкѣ упражнялись, болѣе отъ природы получили творческаго дара: но чтобы они посвятили себя на разысканіе его корней и словопроизводства и вникали бы съ свѣтильникомъ умствованія въ его составленіе, того не видно въ ихъ твореніяхъ. Всѣ они слегка токмо сему касалися. Такого человѣка не достаетъ еще нашей словесности. Первый опытъ сего сдѣлалъ Сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, и ему неоспоримо потомство будетъ обязано за сохраненіе цѣлости языка нашего. Ломоносовъ, Сумароковъ и другіе любители словесности нашей упражнявшіеся въ ней съ успѣхомъ, чувствовали сильно красоты ея, и оставили по себѣ хорошія образцы краснорѣчія, но они не показали намъ средствъ, какъ достигать до оныхъ. Сочинитель же разсматриваемой книги, защищая языкъ свой, научаетъ и способу какъ упражняться въ немъ съ похвалою.

Дѣйствительно, умствованіемъ только о усовершенствованіи языка своего, научатся составлять правыя о всемъ понятія и приведутъ въ совершенство другія науки, которыя, говоря языкомъ отвлеченнымъ, тамъ только пускаютъ глубоко свои корни, гдѣ земля, на коей посаждены онѣ, рачительно удобрена: а земля сія, есть языкъ приведенный въ совершенство. Не имѣя языка основаннаго и утвержденнаго на неизмѣнныхъ и не преложныхъ правилахъ, какъ научиться разсуждать здраво; а не умѣя здраво разсуждать, какъ успѣть въ другихъ наукахъ? Такія заключенія непремѣнно слѣдуютъ одно изъ другова. Кто не будетъ знать, какъ должно, языка своего, тотъ не будетъ въ состояніи объяснить и своей мысли яснымъ и понятнымъ образомъ, вразумительнымъ для другаго; и естьли онъ самъ не впадетъ въ заблужденіе, то другихъ введетъ въ оное. Языкъ служитъ всему началомъ, или основаніемъ; для содѣланія же его совершеннымъ, нужно добираться до коренныхъ словъ его, (3) а ихъ не иначе отыскать можно какъ лишь посредствомъ чтенія священныхъ и старинныхъ книгъ нашихъ, что доказываетъ и Сочинитель о слогѣ согласно со мнѣніемъ лучшихъ нашихъ писателей (4). И по истиннѣ, какъ можно научиться хорошо разсуждать, когда при каждой мысли будемъ затрудняться въ способахъ яснѣе и вразумительнѣе ее выразить? Что бы передать свои мысли, нужно знать природный языкъ свой, который также не дается намъ безъ упражненія. Правда, чтобы познать какъ можно совершеннѣе свойства, правила и составленіе языка своего, то на сіе потребно цѣлой жизни нашей; а на таковой многодѣльный трудъ не много сыщется охотниковъ; но за то, естьли сыщется такой любитель словесности, то тѣмъ достойнѣе нашей благодарности.

Я сказалъ выше сего, что языкъ нашъ бѣденъ, но сіе въ томъ разумѣ, что языки не составленные изъ многихъ нарѣчій, подобны многолиственнымъ древесамъ, произрастшимъ отъ единаго семяни. И въ семъ случаѣ онъ будетъ богатъ производными словами, получающими всю свою прочность и красоту отъ своего корени. „Ибо не тотъ „языкъ хорошъ, какъ говоритъ Кондильякъ въ

„своей логикѣ, которымъ можно говорить о вели-
„комъ числѣ вещей съ толикимъ же замѣшательствомъ: но тотъ, которымъ говорить можно ясно, хотя о маломъ числѣ вещей“ . . . .

Изъ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ языковъ одинъ Русской имѣетъ то преимущество, что при всемъ своемъ необъятномъ богатствѣ производныхъ словъ, онъ близокъ къ своему источнику; и естьли бы не мы сами своимъ небреженіемъ потѣряли корни нѣкоторыхъ словъ, то безсомнѣнія не осталось бы ни одного такого, которое не могло бы опредѣлиться со всею точностію раздробленія въ первоначальномъ его знаменованіи, и даже перехожденіи.

Малое число коренныхъ словъ нашихъ, осыпаны, какъ говоритъ Сумароковъ, производными; что въ обоихъ случаяхъ составляетъ истинную красоту языка: ибо здѣсь примѣчается дѣйствіе самой природы, употребляющей одну причину для неисчетныхъ дѣйствій и сцѣпляющихся между собою послѣдствій. Тако отъ единаго семяни возросшій дубъ, утвержденный на своемъ корени, красуется множествомъ своихъ вѣтьвій, между тѣмъ какъ отъ его же корени, восходятъ паки юныя лѣторасли, имѣющія со временемъ составиться также великолѣпными дубами и быть прародителями множества древесныхъ поколѣній.

From a small acorn, see! the oak arise,
Supremely tall, and tow'ring to the skies!
Queen of the groves, her stately head she rears,
Her Bulk increasing with the length of years.

то есть:

Отъ малаго зерна уже тамъ дубъ возросъ
Высокъ, красивъ, свой верьхъ до облакъ онъ вознесъ;
И ставъ владыкой кущъ, гордится красотами,
И паче укрѣпясь, онъ множится съ лѣтами.

Въ нашемъ языкѣ каждое почти слово имѣетъ свое многочисленное семейство, отъ коего произрасли новыя; а всѣ онѣ составили нѣкое родственное между собою сословіе, обширное и многоплодное племя, древо многолиственное. Правда, время перемѣнило ихъ такъ, что сей родона-

чальный союзъ ихъ чувствительнымъ образомъ измѣнился, однако сіе не препятствуетъ усматривать нѣкое взаимное ихъ между собою согласіе, коимъ обязаны онѣ тому токмо, что имѣютъ всѣ одно происхожденіе. Самое существованіе ихъ, уцѣлевшее отъ всѣхъ превратностей, бывшихъ въ продолженіе толикихъ вѣковъ съ народами, тому же обязано. Тако любовь и дружество, будучи соединены въ сердцахъ по сходству взаимныхъ ихъ чувствій, крѣпко противустоятъ всѣмъ случаямъ и пораженіямъ рока; но гдѣ сего согласія въ душахъ не существуетъ, тамъ, отъ самаго ихъ раздѣленія, они ослабѣваютъ и разрушаются при малѣйшемъ нещастіи. „Но естьли языки, говоритъ „Риваролъ, подобны народамъ, то весьма справе„дливо также и то, что слова подобны людямъ. „Имѣющіе въ обществѣ семейства и пространныя „связи, имѣютъ также и больше твердости. Такъ „точно и слова; имѣющія множество произ„водныхъ и состоящія со многими вмѣстѣ, суть „начальныя слова въ языкѣ и никогда не старѣютъ; „напротивъ того слова одинакія, или безъ сход„ства, умираютъ подобно людямъ не имѣющимъ о „себѣ добраго имени, ниже подпоры„ . . . . Такъ можемъ мы почти во всѣхъ иностранныхъ писателяхъ найти похвалы языку нашему хотя они и не собственно о немъ писали. Ибо желая составить въ своемъ понятіи нѣкое совершенное умоначертаніе о языкѣ, они мысленно достигали до сего совершенства; а какъ всякое такое совершенство, въ наукахъ и художествахъ, изъ самой природы почерпается, то они къ ней и обращалися, которая была первою нашею наставницею. Все что они ни говорили о совершенствахъ такого языка, какой имъ составить желалось, все то дѣйствительно находится въ нашемъ.

Достойно однако примѣтить, что естьли они похваляли его не вѣдая его, то называли грубымъ и варварскимъ, когда слышали нѣкоторыя слова, въ коихъ попадались ихъ слуху буквы не существующія въ ихъ азбукѣ. Однако Гюмъ называлъ его пріятнымъ и сладкогласнымъ: The Moscovite soft and musical. Плѣнялись имъ нѣкоторыя Французы, научившіеся ему. Волтеръ же называлъ его варварскимъ. Многіе повторяли за нимъ тоже. Сло-

вомъ, исключая не многихъ иностранцевъ, другіе всѣ заключали о немъ невыгодно потому, что звуки нѣкоторыхъ буквъ были для нихъ новы, а слѣдственно по той же самой причинѣ и дики, отъ чего у нихъ и понятіе о нашемъ языкѣ раждалось такое же. Русскіе помѣшавшіеся на Французскомъ языкѣ, а особливо на всемъ томъ, что сказано Волтеромъ, заблуждавшимъ на счетъ языка нашего также какъ и на счетъ земли нашей и исторіи, начали говорить тоже, и отвыкнувъ отъ онаго изъ дѣйства, стали въ немъ находить тѣже недостатки и пороки. Сіе ихъ мнѣніе еще болѣе подтвердилось тѣмъ, что всякой разъ, когда случалось имъ написать или сказать что нибудь трудное по Русски, они того не умѣли, хотя тожъ самое легко выражали на Французскомъ. Какого больше еще доказательства невѣжѣ? Сего довольно, чтобы бранить языкъ свой. Ибо, что онъ невѣжа въ отечественномъ словѣ, тому онъ не повѣритъ: главное свойство невѣжи есть то, что бы бы отнюдь не видѣть даже самыхъ грубыхъ въ себѣ недостатковъ. Не видя-же своего недостатка, а чувствуя оный при обьясненіи чего нибудь на своемъ природномъ языкѣ, онъ заключаетъ изъ того со всею увѣренностію, что сей недостатокъ не въ немъ, но въ самомъ языкѣ находится. Когда достало у него дарованія, думаетъ онъ, обьяснить мысль свою на чужомъ нарѣчіи, то какъ не стало бы его при обьясненіи на своемъ, когда бы не языкъ тому былъ виною? Вотъ самой легкой способъ невѣжъ ласкать своему самолюбію: но оставляя упорство ихъ, обратимся къ дѣлу.

Отъ чего языкъ нашъ иностранцамъ кажется грубымъ и дикимъ? Не отъ частаго ли повторенія буквъ Щ, Ы, Ч, и другихъ, коихъ выговоръ для нихъ труденъ? Не сіи ли буквы оскорбляютъ нѣжность ихъ слуха? Однако, естьли бы они хорошенько размыслили, то бы скоро согласились, что сіе не токмо не можетъ причесться языку въ порокъ, но паче красоту и богатство его составляетъ. Тотъ ли языкъ совершеннѣе, который удобенъ выразить всѣ звуки и во всемъ подражать природѣ, или тотъ, который ограничивается подражаніемъ нѣкоторымъ токмо звукамъ? И должны ли мы обвинять нашъ языкъ за то, что иностра-

нецЪ не можетЪ своимЪ горломЪ вывести всѣхЪ тѣхЪ измѣненій голоса, какія производитЪ Русской, у котораго орудіе сіе вЪ большомЪ совершенствѣ? Уже-ли и за самый недостатокЪ, причиняемый иностронцамЪ ихЪ воспитаніемЪ, станемЪ обвинять языкЪ нашЪ? и за то, что ихЪ языкЪ состоитЪ почти изЪ одного мягкаго произношенія, ужели должны мы жалѣть о томЪ, что вЪ нашемЪ языкѣ, при мягкости произношенія, какое находится у иностранцевЪ, есть и нѣкоторая твердость? Сіе весьма походило бы на то, когда бы иной завидуя нѣжному голосу кастрата, сталЪ жалѣть для чего и онЪ не кастратЪ? СЪ такими разсужденіями, по истиннѣ, мы не токмо не прославимЪ словесности нашей и не сравнимЪ ее сЪ цвѣтущимЪ состояніемЪ словесности другихЪ народовЪ, но и послѣднее забудемЪ. Для показанія, сколь безумно, ради нѣкоторыхЪ буквЪ, почитаютЪ нашЪ языкЪ варварскимЪ, то стоитЪ спросить по рознь иностранцевЪ; тогда вы увидите, что Италіанцу и Агличанину не покажется дикимЪ нашЪ Ч, потому, что и у нихЪ находится звукЪ этой буквы; на противЪ того Французу и Нѣмцу онЪ такимЪ представится, за тѣмЪ, что вЪ ихЪ азбукѣ ни одна буква не имѣетЪ сего произношенія. ИталіанецЪ и АгличанинЪ не назовутЪ Ч грубою буквою, но за то Ы и Щ, таковыми имЪ покажутся, а Французу и Нѣмцу и то и другое. ПредположимЪ теперь, что буква Ы у ФранцузовЪ находилась бы вЪ азбукѣ, тогда выговаривая ее легко и удобно, они признали бы наши Ы пріятною буквою, такЪ какЪ не преминули бы отвергнуть и опорочить другія буквы, трудныя для ихЪ выговора.

Сіе ясно показываетЪ, что народы судятЪ не столько по внушенію прямаго разсудка, сколько по одному навыку, вовлекающему ихЪ вЪ пристрастіе. Не рѣдко ухо и глаза, чрезЪ сообщенныя ими впечатлѣнія, торжествуютЪ надЪ самымЪ разумомЪ и даже истинною, что по нещастію такЪ часто во всѣхЪ поступкахЪ человѣческихЪ примѣчается. Сіе происходитЪ всегда отЪ лѣности, уклоняющей насЪ гласомЪ Сирены отЪ всякаго труда, безЪ котораго ни какое изслѣдываніе не можетЪ быть вѣрно. Впечатлѣнія раждаютЪ вЪ насЪ привычки, привычки питаютЪ упорство, упорство распола-

гаетъ къ бездѣйствію, бездѣйствіе къ лѣности, лѣность услаждаетъ самолюбіе, а самолюбіе водворяя въ насъ пристрастіе, возбуждаетъ на всѣ несправедливости. Гдѣ же тутъ мѣсто разсудку, которому надлежитъ бороться съ самолюбіемъ, побѣждать пристрастіе, превозмогать лѣность, возбудить бездѣйствіе, пресилить упорство, ослабить привычки и истребить вредныя впечатлѣнія? На таковое умствованіе потребно обращать свое вниманіе всякому, то желаетъ судить о чемъ; не судить поверхностно, но доходить до самаго начала. Тогда лишь перестанутъ разсуждать ложно о какой бы то ни было вещи, не токмо о языкѣ природномъ, котораго любить заставляетъ насъ все, что для человѣка есть священнаго; и безъ котораго мы не можемъ искренно и въ полной мѣрѣ любить отечества.

Обращаяся къ существу дѣла и показавъ нелѣпость умствованій подражателей Французовъ, представимъ себѣ, для сугубой ихъ улики и заслуженнаго ими посрамленія, въ какомъ изъ новѣйшихъ народовъ было подобное нашему чудо, чтобы каждый писатель, одаренный творческимъ разумомъ, когда начиналъ въ первые говорить о чемъ, говорилъ съ такою-же всегда силою, блескомъ и краснорѣчіемъ, какъ и другіе знаменитые писатели у народовъ чуждыхъ? Что же значитъ доведенный до совершенства языкъ ихъ, для котораго столь многими учеными людьми понесены труды неисчетныя, предъ нашимъ, которой и въ самой своей грубости, какъ они мыслятъ, не токмо не уступилъ ни въ чемъ языку ихъ, но во многомъ и превзошелъ еще? И естьли слово, какъ говоритъ Ривароль, есть *одежда* мысли, то по истиннѣ, не было блистательнѣе и великолѣпнѣе той, въ какую Россійское слово ее наряжало, когда великіе наши писатели произносили оное. Не было ни одного дѣйствія природы, котораго не изобразили бы они со всею силою и точностію, ни одного сердечнаго движенія, котораго не представили бы съ новою прелестію и вѣрностію. Не было такого отвлеченнаго понятія, котораго бы не передали они со всею ясностію и важностію, ни толь высокой мысли, которой не украсили бы богатствомъ своего воображенія- Слогъ ихъ, наподобіе цвѣтовъ, убирающихъ собою луга, гдѣ яркія ихъ

краски одна изъ другой переливаются, красивъ и великолѣпенъ; или гремитъ съ перунами или звукоподражая всѣмъ отзывамъ природы, повсюду соревнуетъ ей: тако одѣтый крѣпостію силы и мужества юноша, сіяетъ нѣжными красотами молодости, и симъ щастливымъ и рѣдкимъ соединеніемъ даровъ природы, отличается равно отъ тѣхъ, кои при прелестяхъ скудны мужествомъ, или при мужествѣ не имѣютъ нѣжности.

Естьли отличные наши писатели были толико удачны въ изображеніи на языкѣ своемъ всѣхъ своихъ мыслей и чувствованій, то отъ чего сіе, спрашиваю, естьли не отъ существеннаго его богатства? Ни одинъ изъ нихъ ничего не приложилъ къ нему, но все обрѣлъ въ немъ. Всякой разъ, когда появлялся, такъ сказать, Зодчій языка, онъ находилъ вещества готовыя, ожидавшія только зиждущаго ума и искусныхъ рукъ для возвышенія себѣ памятника славы во храмѣ словесности, среди племенъ Славенскихъ. Съ какимъ языкомъ случалось такое чудо? И не доказываетъ ли сіе, что языкъ нашъ давно былъ образованъ, но что въ свою чреду, какъ и всѣ вещи на свѣтѣ пришелъ въ упадокъ, повинуяся въ томъ превѣчнымъ законамъ природы, искони вѣковъ вселенною управляющимъ? „Языкъ „богатый, справедливо говоритъ Ривароль, никогда „небылъ языкомъ народа непросвѣщеннаго и бѣдна„го.“ Сіе сказать можно и о нашемъ. Ни какой языкъ не можетъ процвѣтать, когда купно съ онымъ и народъ, говорящій имъ, не процвѣтаетъ. Но процвѣтать народу безъ наукъ, искуствъ и художествъ не возможно, такъ точно какъ и симъ не льзя существовать, когда нѣтъ въ народѣ промышленности и богатства. Одно сіе изъясненіе и свидѣтельство можетъ лишь рѣшить сію загадку, отъ чего славные наши писатели, какъ будто по какому нибудь вдохновенію, стали съ нами говорить языкомъ во всѣхъ отношеніяхъ божественнымъ. До Ж. Б. Руссо у Французовъ было много хорошихъ писателей: но онъ почитается первымъ у нихъ Лирикомъ; кто же предшествовалъ Ломоносову, превзошедшему его во многихъ одахъ? Ла Фонтенъ, обязанный также своимъ предшественникамъ, и толико почитаемый ради простоты, плавности и пріятности слога, уступитъ Богдано-

вичу въ Душинькѣ, и малымъ развѣ чемъ превзойдетъ Сумарокова въ басняхъ, какъ и сей ни въ чемъ не уступитъ въ Идиліяхъ и Эклогахъ лучшимъ въ семъ родѣ писанія Французскимъ сочинителямъ.

И такъ единственно издревле сохранившемуся богатству языка нашего обязаны мы тому, что имѣемъ столь хорошихъ писателей. Да и впредь всѣ тѣ, кои изъ него единаго станутъ заимствовать богатство словъ, великолѣпіе слога, силу рѣченій, красоту и составленіе оборотовъ, равнымъ образомъ съ похвалою отличатся между своими соотечественниками; какъ напротивъ того презирающіе черпать изъ сего источника, рано или поздно останутся сами въ презрѣніи, и предадутся справедливо забвенію вмѣстѣ съ ихъ писаніями.

Основываяся на правилахъ изъ свойства языка почерпнутыхъ, мы не стали бы такъ заблуждать относительно къ отечественной своей словесности. Мы не говорили бы тогда, „удержать языкъ „въ одномъ состояніи не возможно: такова чуда не „бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не пере„мѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фо„кіоновъ и Демосфеновъ должны какъ чужестранцы „учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на „кафедрѣ Афинской." . . . . Естьли не возможно удержать языка въ одномъ состояніи, то можно, да и должно стараться сохранить его въ цѣлости. Время можетъ причинить въ немъ нѣкоторыя измѣненія, но не перемѣнить его во все, естьли только мы сами не нанесемъ ему удара, посѣкая его у самаго корени. Когда не льзя сохранить первоначальной его силы, то пусть происходитъ въ немъ сія перемѣна, но только не отъ чужеязычія. (5)

Многія слова пришли у насъ въ забвеніе; то есть, тѣ мѣста, которыя наполняли онѣ, стали пусты, и мы почувствовали отъ того недостатокъ; однако вмѣсто того, чтобы отыскать ихъ, и снова ими наполнить пустыя мѣста, мы за лучшее почли вставить туда слова чуждыя, съ прежними ни какой связи не имѣющія. Кажется, одной пестроты сей было бы достаточно, что бы уколоть умныя наши взоры и отвратить насъ отъ сего безумнаго дѣла; однако повѣрье не токмо что превозмогло надъ здравымъ разумомъ, но заставило еще полю-

бить сіе юродство. Люди не опытные приняли сей способъ научаться языку, потому, что онъ самой легкой и удобной, и отъ большаго труда избавляетъ. Лѣность ухватилась за него обѣими руками, а безуміе наложило печать свою. Всѣ стали охотно подражать сему; и бѣдный нашъ языкъ, изгнанный изъ училищъ, не имѣлъ наконецъ и той отрады, какой въ древности и самыхъ преступниковъ не лишали, что бы найти себѣ убѣжищѣ хотя въ святилищѣ божества, гдѣ до того времени пребывалъ онъ безвредно. Такъ, къ сожалѣнію должно сказать, что учители церкви, долженствовавшіе бы давно вступиться за таковое злоупотребленіе того языка, коего соблюденіе въ чистотѣ, самою вѣрою возложено на нихъ, начали мало по малу оставлять его и проповѣдывать намъ языкомъ не Өеофана и Платона, но нѣкимъ страннымъ нарѣчіемъ. Отъ чего сіе? Отъ того, что мы стали учиться языкамъ иностраннымъ съ большимъ прилѣжаніемъ нежели своему природному. Скорѣе стало найти благомыслящаго и трудолюбиваго иностранца за славенскими нашими книгами, чѣмъ природнаго русскаго. Сіе то забвеніе языка своего скорѣе въ нѣсколько лѣтъ, чѣмъ время въ многіе вѣки, потрясти его можетъ, и даже скорѣе чемъ и самое иноплеменное иго.

По истиннѣ при такомъ всеобщемъ обуяніи умовъ нашихъ невозможно удержать языкъ въ одномъ состояніи. Сіе то время есть благая жатва иностранцамъ: ибо холодность наша ко всему отечественному обращаетъ сердца наши ко всему отъ нихъ приходящему; и то, что отнимаемъ мы у любви къ изученію языка своего, то къ языку ихъ прилагаемъ. Отъ того у насъ иностранцы въ такомъ повѣрьи: и естьли позволятъ мнѣ къ чему примѣнить слова ихъ, вкравшіеся въ нашъ языкъ; то уподобилъ бы я ихъ паукамъ въ нежилыхъ хоромахъ, испускающимъ изъ себя нити для уловленія нещастныхъ насѣкомыхъ; и чѣмъ долѣе тѣ пауки не обметутся, и тѣмъ болѣе они расплодятся, и тѣмъ на большее пространство растянутъ свои паутины: ибо такъ и чужеземныя слова, чѣмъ долѣе потерпятся, тѣмъ глубже укоренятся они; пустятъ новыя отрасли, заглушатъ природныя и даже свойство ихъ измѣнятъ. Такъ, я еще повто-

ряю, ежели не льзя удержать языка въ одномъ состоянiи, то есть, въ одномъ его видѣ, образѣ; то пусть онъ измѣняется, однако вещества и сущности своей не тѣряетъ. Положимъ, что мы употребляемъ слово *наказанiе* не въ томъ значенiи, въ какомъ оно прежде употреблялось, и какое ему почти вездѣ дано въ священныхъ книгахъ. Ибо прежде оно значило не то, что мы теперь подъ нимъ разумѣемъ, то есть, *исправленiе, сѣченiе* и проч: но наученiе, науку, правило, наставленiе; какъ то: *премудрость бо и наказанiе стpахъ господень, и благословенiе его вѣра и кротость.* Здѣсь оно значитъ *ученiе, науку.* Смыслъ сего слова и другихъ такъ низвратился, что я изъ любопытства спрашивалъ у многихъ людей, что значитъ сiе Сирахова изрѣченiе: *и нѣсть искупа наказанныя души.* Выбравъ его нарочно потому, что оно, хотя въ прежнемъ, хотя въ употребляемомъ нынѣ нарѣчiи, все будетъ имѣть какое нибудь значенiе, правильно ли или превратно понимаемое. Всѣ, у коего я ни спрашивалъ, толковали мнѣ не обинуясь, что оно означаетъ, *нѣтъ искупленiя душѣ наказанной*, то есть, *порочной, преступной, заслужившей своимъ развратомъ такое наказанiе, изъ подъ коего искупить ее уже не возможно.* Дѣйствительно, примѣняя поставленныя здѣсь слова къ смыслу настоящаго ихъ знаменованiя, изрѣченiе оное ничего инаго и значить не можетъ. Но у Сираха означаетъ оно, *ничто не можетъ сравниться съ душею наставленною, просвѣщенною, нѣтъ цѣны душѣ наставленной.* У глагола *гони* мы также отняли одно его знаменованiе, и чрезъ то ограничили его употребленiе: ибо мы не говоримъ болѣе; *тѣмже ни единою вещiю вознося, но во всемъ всегда смиренъ буди, смиренная мудрствуй, яко да отъ господа самаго возвышенъ будеши.* Здѣсь *смиренная гони* не то значитъ, что бы мы *смиренная* гнали, яко вещь худую, недостойную любови нашей; но что бы гнались за тѣмъ, достигли, возлюбили и желали быть смиренными. И потому глаголъ *гони* поставленъ здѣсь со всѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ употребляютъ его. Также я могу сказать: *гони добродѣтель, постигни,* и сiе будетъ, подвизайся въ добродѣтели, не упускай ее ни когда изъ виду. Мы не употребляемъ болѣе слова *наведенiе*, значившее бѣдствiя, напасти, болѣзни, злой случай, какъ

то: *смерть и кровь, и ревнїе и оружїе, наведенїе* (les accidens de la vie), *гладъ и сокрушенїе, и раны на беззаконныхъ создана быша сїя вся, и сихъ ради бысть потопъ.* Или; *не уповай на имѣнїя неправедна: ни чимъ же бо упользуютъ въ день неведенїя* (au jour de la calamité). Или, *въ наведенїи величаваго нѣсть исцѣленїя,* rien ne pourra guérir les maux des ſuperbes. Мы не скажемъ также *не продолжай* вмѣсто не отлагай, не откладывай, какъ на примѣръ въ семъ случаѣ: *и не продолжай даянїя требующему.* Слово *садъ* утратило также первоначальное свое значенiе: ибо мы не говоримъ: *садъ бо лукавствїя вкоренится въ немъ,* parceque la tige du péché prendra racine en eux. Другїя слова стали намъ темными потому, что не знаемъ ихъ корней, а иныя производимъ не отъ тѣхъ, отъ коихъ произошли они. Къ послѣднимъ можно причислить прилагательное, пресловутый, истолкованное въ церковномъ словарѣ (да и многими такъ понимаемое), *преизящный, преславный;* однако вникая въ корень онаго, оно не то значитъ, по крайней мѣрѣ въ строгомъ его смыслѣ. Ибо корень онаго не есть *слава, славный,* отъ куда взяли и *преизящный,* но *слово,* отъ коего произошелъ глаголъ *словить,* а потомъ въ измѣнiи его *слыть* (слову, слыву, прослыву, прослыть). Въ священномъ писанiи сказано: *не слови шепотникъ, и языкомъ твоимъ не уловляй;* то есть, берегися быть болтливымъ, словоохотнымъ на счетъ другихъ, берегись *прослыть* такимъ. Слѣдственно *пресловутый* не значитъ *преславный,* но *прослывшїй,* сдѣлавшiйся *извѣстнымъ,* отличнымъ въ народѣ, а потомъ уже славнымъ, преславнымъ. Слѣдственно *вещь* сдѣлавщая кого нибудь, или что нибудь пресловутымъ есть причина; *пресловутость* дѣйствiе оной, а *слава* уже послѣдствiе того, или совмѣщенiе распространившихся въ народѣ слуховъ, или сказанiй о комъ или о чемъ нибудь. (б) Что обьясняется и симъ изрѣченiемъ: *вопросившу же ми совѣтники моя, како бы возможно сїе совершити, иже у насъ цѣломудрїемъ пресловутый, и во благоволенїи неизмѣнный.* Равнымъ образомъ слова *чувствїе* и *молва* имѣютъ у насъ не то уже значенiе, въ какомъ онѣ иногда употреблялися. Послѣднѣе изображало попеченiе, заботы, смятенiе; а первое знаменовало науку, знанiе, ученiе, какъ на примѣръ: *сердце разумнаго стяжетъ чувствїе: стя-*

жать чувство или чувствіе, не иное что значитъ здѣсь, какъ пріобрѣсть знаніе, изострить умъ свой, научиться разсуждать здраво, сдѣлаться способнымъ различать доброе отъ худаго. Однимъ словомъ чувствовать всякой вещи настоящую ея цѣну и достоинство. Слѣдовательно слово сіе служило къ выраженію тогожъ самаго понятія, которое нынѣ выражаемъ мы словомъ *вкусъ*, или по крайней мѣрѣ весьма близкаго къ оному. Предки наши говорили: *сердце мудраго снискетъ чувствіе*, а мы нынѣ скажемъ: умный человѣкъ пріобрѣтетъ вкусъ и знаніе; они говорили: *устнѣ мудрыхъ связуются чувствомъ*, а мы скажемъ: словами мудраго управляютъ знаніе и разборчивость, или вкусъ и свѣденіе. *Молва* принимается у насъ за слухъ, вѣсть, а прежде означало оно безпокойство и проч; какъ то: *о колико мятежно и многопечально житіе суетнаго міра сего! нѣсть ни единаго въ немъ покоя и утѣшенія, точію тяжесть и зѣльное души томѣніе, кійждо бо день влечетъ съ собою молву и мятежъ, и безмѣстныя бѣды*: или, *елико вящее богатство, толико множайшыя молвы и попеченія.* (Дух. Алф.) Или, *Марѳо, Марѳо печешися, и молвиши о мнозѣ.* (7). *Нашествіе* не пріемлется также въ первоначальномъ его знаменованіи, означавшемъ французское слово influence, какъ то показалъ и сочинитель разсужденія о слогѣ; хотя противники его, по своему не знанію, и хотѣли не признать сего, утверждая, что оно представляетъ только *нашествіе непріятелей*, и сему подобное; Сколь ихъ умствованіе ложно, то покажетъ слѣдующее изрѣченіе: *Апостоли не отъ человѣкъ учишася инѣми глаголати языки, но нашествіемъ пресвятаго духа, внезапу различными языки глаголаху.* Такимъ образомъ можно составить цѣлый словарь изъ словъ нами оставленныхъ, забытыхъ, или измѣнившихся въ своемъ коренномъ знаменованіи. И сей-то перемѣнѣ не льзя противустоять, по нещастію: но я скажу здѣсь съ сочинителемъ разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, „не о нарѣчіи дѣло идетъ, о „разумѣ, о силѣ языка.“ Такого роду измѣненія не такъ еще вредны какъ вносимыя чужеязычіемъ: ибо упущенія въ первомъ случаѣ могутъ быть исправлены сочинителемъ съ дарованіями, которой, владѣя отечественнымъ словомъ, можетъ искуства своего силой воскрешать умершихъ, воставлять

упадшихъ, укрѣплять пришедшихъ въ безсиліе, и погребенныхъ въ забвеніи дѣлать извѣстными и причислять ихъ къ обширнымъ и отъ нихъ произшедшимъ племенамъ. (8)

Когда же поврежденіе языка бываетъ отъ изученія языковъ иностранныхъ, тогда всякое исправленіе тѣмъ труднѣе, чѣмъ долѣе продлится сія зараза чужеязычія; а наконецъ и во все невозможною содѣлается, буде ни кто не вызовется излѣчить насъ отъ оной. Въ то время не одинъ уже видъ языка потерпитъ, но и самая сущность и свойство его измѣнятся; и тотъ, кто могъ бы прежде быть ему полезенъ своими дарованіями, увлечется самъ общимъ мнѣніемъ и введеннымъ употребленіемъ. Тогда онъ обратитъ свои способности не на то уже, что бы вникнуть въ первоначальный смыслъ и корень словъ, познать истинное свойство языка своего, и на сихъ познаніяхъ основать красоту и величество онаго; но приложитъ все свое стараніе къ приведенію въ нѣкоторой порядокъ существующаго въ его время нарѣчія. Первое дѣло было бы для него многотрудно, и по его мнѣнію, безполезно; а второе легче и сопряженное съ большими для него выгодами. А наконецъ слухъ, сіе раболѣпствующее привычкѣ чувство, довершитъ надъ его разумомъ побѣду; и чего общее поврежденіе не успѣло, то приведетъ онъ въ исполненіе. Тогда языкъ изчезаетъ, а съ онымъ и труды многихъ вѣковъ. Тогда потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосфеновъ какъ чужестранцы учатся тому языку, которымъ предки ихъ гремѣли на кафедрѣ Афинской. Но Боже упаси Русскую землю отъ сего злонавѣтнаго пророчества.

Цвѣти, цвѣти, дражайшее отечество, любезная Россія! возвеличися паче твоимъ могуществомъ, облекися въ благолѣпнѣйшую еще одежду славы, украсися новымъ вѣнцемъ любви сыновъ твоихъ, утвердися паче твоими законами, приложи лавры къ лаврамъ, и тако пространноцарствуй надъ обширными племенами, въ матернемъ лонѣ твоемъ щастливо опочивающими, подъ охраняющею ихъ твоей десницею безмятежно покоящимися, и питающимися отъ благотворныхъ сосцевъ твоихъ, Царица полвселенныя! Да благоухающій духъ всесожженій тебѣ нашихъ, далече распространится

отъ олтаря твоего, утучненнаго нашими жертвами, и пройдетъ въ страны дальныя, къ языкамъ иноплеменнымъ, и усладитъ ихъ сладостію куренія нашея къ тебѣ любови, толико же чистой, колико нѣдро водъ чисто и прозрачно, когда вѣтры не возмущаютъ, и толико же твердой его, колико твердо основаніе земли. Цвѣти, страна любезная! во племенахъ Славенскихъ, и сохраняя въ чистотѣ и силѣ божественный языкъ ихъ, сама въ немъ сохранися, разширися, утвердися, вознесися, прославися! . . .

Такъ, Боже избави насъ отъ сего пророчества. Было то грозное и во гнѣвѣ небесъ насланное на Россію время, когда предки наши, стоная подъ игомъ Татаръ, могли бы совершенно отстать отъ языка своего, вводя въ него мало по малу слова побѣдителей своихъ, и принятіемъ оныхъ вытѣснить свои народныя, пока наконецъ языкъ Татарскій пожралъ бы или исказилъ всѣ слова наши и намъ отъ существованія нашихъ ниже слабаго какого признака оставилъ бы: но время сіе миновалось! время бѣдъ и золъ миновалось! Языкъ славянъ еще существуетъ, и будетъ существовать доколѣ духъ ревности пребудетъ въ Россіянахъ, въ избранныхъ между ими болярахъ и мудрецахъ. Но гдѣ языкъ Гомеровъ? спрашиваютъ насъ; языкъ Гомеровъ не перемѣнился ли? Что же хотятъ сказать симъ? Уже ли сіе, такъ и языкъ славенскій перемѣнится, изчезнетъ! Безумные поборники чужеязычія! Отколѣ въ васъ неистовое и преступное сіе желаніе видѣть такую перемѣну въ языкѣ вашемъ, и слѣдственно въ вашемъ отечествѣ? *Языкъ Гомеровъ не перемѣнился ли?* Подите, безумцы! въ Афины, нынѣ горестью и рабствомъ уничиженныя, колико прежде пресловутыя своею мудростію и великолѣпіемъ; подите и спросите тамъ у стенящаго надъ развалинами своего отечества Грека, *не перемѣнился ли языкъ Гомеровъ?* Подите въ Афины, говорю я, и въ мысляхъ своихъ представьте себѣ то щастливое прекрасное состояніе Греціи, когда процвѣталъ языкъ Гомеровъ, возвысьтеся до воспѣтыхъ на немъ добродѣтелей Героевъ, и потеките умомъ своимъ отъ сего треблаженнаго времени Греціи, и потомъ вперите ваши взоры на остатки тѣхъ зданій, отъ колѣ нѣкогда износилися законы мудрыя, преклони-

те слухъ вашъ къ стенаніямъ нещастныхъ потомковъ Перикловъ, Фокіоновъ и Демосфеновъ, и слыша страшный стукъ цѣпей, прерывающій глубокое молчаніе рабства, возвратитеся въ свое отечество и скажите намъ, что вы тогда чувствовали? Сіе чувствованіе ваше передайте намъ: ибо оно вѣрнѣе будетъ вашего разсудка, омраченнаго пристрастіемъ.

Языкъ Гомеровъ цвѣлъ въ благословенныя времена Греціи; но когда погибла Греція, тогда погибъ и языкъ Гомеровъ. Уже ли подобной участи ожидать и намъ для того только, чтобы произвесть въ языкѣ какую нибудь перемѣну? Ибо какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины; такъ и перемѣна въ языкѣ не можетъ послѣдовать безъ особеннаго на то содѣйствія обстоятельствъ. Какого же роду сіи обстоятевьства будутъ? Ежели благія, то онѣ не премѣняя языка природнаго, образуютъ его и приведутъ въ совершенство, однако не потрясая его основанія чуждыми и ему не свойственными правилами. Языкъ въ Царствѣ и народѣ процвѣтающемъ самъ собою составляется, расширяется, обогащается и высится. Какія же то обстоятельства, спрашиваю? Не тѣ-ли самыя, которыя приводили въ упадокъ всѣ языки? Не тѣ-ли, которыя перемѣнили языкъ Цицероновъ, погубили языкъ Гомеровъ, и нѣкогда заставили Англію говорить въ судахъ и при дворѣ языкомъ Французскимъ? Прекрасный опытъ нынѣшняго просвѣщенія и умствованія! Впрочемъ, естьли бы Греція по днесь продлила свое существованіе, а не сохранила бы языка Гомера, лучшели бы она сдѣлала? Уже-ли Гомеры какъ дождевые пузыри вдругъ появляются, и ужели превосходныя Поэмы также легко сочинять какъ играть дѣтямъ въ бирюльки? Цѣлые вѣки проходятъ, а Гомеры не являются: великое множество выходятъ сочиненій, а всѣ онѣ вмѣстѣ не стоятъ и страницы изъ Илліады. Что же выиграли бы Греки замѣняя языкъ Гомеромъ такимъ, которой не имѣлъ бы ни его силы, ни важности, ни великолѣпія, ни его совершенства, и какой они дѣйствительно теперь имѣютъ? Кто станетъ настоящему языку ихъ учиться, развѣ имѣющій купеческія съ ними сношенія, между тѣмъ какъ

языку предковъ ихъ охотно желаютъ учиться отличнѣйшія по своимъ дарованіямъ ученые мужи?

Когда потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосфеновъ преторгнутъ оковы своего рабства, тогда, не говоря языкомъ ихъ, станутъ безсомнѣнія ему учиться, дабы познать красоты его и восхищаться произведеніями своихъ знаменитыхъ предковъ. Они захотятъ подражать имъ, но никогда, можетъ быть, въ томъ не успѣютъ; они пожелаютъ произвесть что ни будь подобное Илліадѣ, и всегда, можетъ быть, будутъ только худыми списщиками оной. И такъ, Греки будутъ тогда принуждены, или оставить варварское и стыдъ и срамъ ихъ рабства напоминающее имъ нарѣчіе, и обратиться къ древнему, сладкозвучному ихъ языку или наизученіе его терять свое время. Къ чему же служитъ перемѣна языка? Естьли она не вредитъ, то по крайней мѣрѣ безполезна. Безполезна, когда народы оставляя настоящее нарѣчіе, учатся древнему; когда неоставляя перваго, или учатся послѣднему, дабы почерпнуть изъ него красоты и богатства употребляемаго нарѣчія. Естьли Греція съ Божіею помощію освободится когда нибудь отъ ига и не захочетъ ввести въ народное употребленіе языка Еленскаго (что весьма худо сдѣлаетъ), тогда ученые въ ней люди станутъ почитать его, какъ мы почитаетъ нынѣ Славенскій, и учиться ему такъ точно, какъ мы учимся нынѣ Славенскому. Однако придетъ и то опять время, когда молодые ихъ писатели, не пожелаютъ слѣдовать своимъ писателямъ, на подобіе того какъ поступаютъ теперь наши; и не умѣя отличаться богатстомъ мыслей своихъ, ни похвальнымъ какимъ либо изобрѣтеніемъ, похотятъ отличиться отъ нихъ въ томъ, въ чемъ отличатся такъ легко; то есть, начнутъ писать иначе, нежели ихъ славные писатели; станутъ выдумывать слова того народа, которой въ тѣ времена будетъ надъ всѣми славенъ своимъ просвѣщеніемъ; древній языкъ Гомеровъ станутъ звать грубымъ, потому, что ихъ слухъ отъ него уже отвыкнетъ; слова его будутъ слабы и невразумительны потому, что они потеряютъ ихъ корни; употребленіе иныхъ будетъ дико потому, что ихъ воображеніе перестанетъ оными плѣняться, а разумъ замѣнитъ ихъ

другими, изъ чужаго языка почерпнутыми и силой частаго употребленія въ обычай введенными. Такимъ образомъ, творенія Гомера составлявшія, по словамъ творца Анахарсиса, главное украшеніе всѣхъ вѣковъ, перестанетъ таковымъ быть для самыхъ Грековъ, буде и они захотятъ о языкѣ предковъ своихъ также мудрствовать, какъ мудрствуютъ нѣкоторые изъ нашихъ писателей о языкѣ Славенскомъ. Но дай Богъ, чтобы пророчество мое сбылось токмо въ избавленіи Греціи, къ освобожденію которой лежитъ мое сердце; дай Богъ, чтобы нѣкогда вознесла она главу свою во славѣ, отрясла прахъ рабства, и истребила даже и слѣды варварскаго своего нарѣчія. Да воскресится языкъ Гомеровъ и Демосфеновъ въ устахъ народа, и пребудетъ до толѣ неизмѣненъ, доколѣ небеса благословятъ племена Ахаянъ.

ЕКАТЕРИНА предпочтительно любила языкъ Славенскій, не въ угожденіе новому Ея отечеству, но по выбору Ея разума, по знанію, какое Она въ немъ стяжала; а мы сей самый языкъ или презираемъ, или, мня его быть недостаточнымъ, помрачаемъ словами чуждыми, или по онымъ составленными. Кто же суть сіи преобразители? Естьли то люди, по истиннѣ, съ великими дарованіями, такъ послѣдуемъ за ними не отложно. Но нѣтъ, ни Ломоносовъ, ни Сумароковъ, ни Державинъ, словомъ ни кто изъ первостепенныхъ нашихъ писателей не возмнилъ себя быть толико правымъ, чтобы дерзнулъ принять на себя толико важное дѣло, каково есть преобразованіе языка народнаго. Всѣ они, не взирая на обширныя ихъ свѣденія въ языкѣ и на природныя дарованія, были всегда толь скромны, что жаловались на скудость лишь своихъ познаній, и жалѣли, что дарованія ихъ не довольно велики для обнятія науки отечественнаго слова. Когда-же люди толь рѣдкихъ способностей желая отличиться между своими соотечественниками однѣми только свѣденіями въ наукахъ и въ словесности, ни какъ не смѣли и помыслить о перемѣнѣ языка своего, то кто послѣ нихъ на сіе отважится? Однако отважились. Сего еще недовольно. Вмѣнили себѣ сіе въ честь, а языку въ корысть, что внесли въ него слова и реченія вовсе ему несвойственныя, а коренныя его оставили, и

оставили потому, что не могли ихъ вовсе изъ онаго исторгнуть, какъ исторгаютъ злакъ изъ земли, его возросшей и возлелѣевшей, какъ отторгаютъ дитя отъ лона матери, воиздоившей оное. Сего-то рода писатели, не имѣющіе первыхъ нашихъ учителей ни дарованій, ни познаній, вздумали перемѣнять языкъ послѣ Ломоносова, когда самъ Ломоносовъ не смѣлъ и помыслить о томъ. Конечно они ни малаго не заслуживали бы вниманія, естьли бы великое ихъ множество не заставило наконецъ опасаться, что такая искра, какъ говоритъ Сумароковъ, можетъ погубить весь языкъ нашъ, чему мы видимъ довольно примѣровъ. Уже и въ его времена такое поврежденіе началося, что и заставило его сказать. . . „Языкъ нашъ толико „зараженъ сею язвою (воспріятіемъ чуждыхъ словъ „безъ нужды), что и теперь уже вычищать его „трудно, а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣ„сколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго „очищенія не можно будетъ больше надѣяться“..... Но ободряя себя онъ говоритъ, „честолюбіе воз„вратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несу„мнѣннаго заблужденія“. . . . О! достойный подражанія ревностный любитель и защитникъ отечественнаго слова, едва-ли не сбываются предчувствія твои, касательно порчи языка природнаго; и предполагаемое тобою честолюбіе не къ возвращенію насъ съ пути заблужденія, но къ вящему ведетъ закоснѣнію въ ономъ.

Кто хочетъ умствовать о языкѣ, тому надлежитъ на передъ вникнуть въ его свойство и составъ рѣчей; познать силу коренныхъ его словъ, изострить свой умъ въ правильныхъ изъ оныхъ произведеній; искуситься въ легкихъ, пріятныхъ, согласныхъ и при томъ правильныхъ оборотахъ; надлежитъ прочитать со вниманіемъ искусныхъ на немъ во всякомъ родѣ писателей; замѣтить однихъ красоты, другихъ погрѣшности, и знать, что правилъ, какъ говоритъ Дюмарсе, „не должно состав„лять по ошибкамъ, попадающимся въ сочиненіяхъ „нѣкоторыхъ только писателей, но почерпать изъ „здраваго разума и природы: когда-же кто отъ „сихъ удаляется, тому послѣдовать не должно.“ Словомъ, надлежитъ проникнуть въ таинства языка и совнити въ извитія его составленія, любить

его и ни когда не раздѣлять любви къ нему съ любовію къ отечеству. Такія побужденія, руководствуя нами, могутъ наставить насъ на путь истинны и предохранить отъ многихъ предразсудковъ. Безъ таковыхъ же пособій ко сближенію нашихъ мыслей и правилъ, мы будемъ вѣчно спорить не вѣдая сами о чемъ.

Въ семъ состояніи мы находимся относительно къ языку нашему. Мы не знаемъ, на чемъ положиться; не знаемъ, почитать-ли намъ языкъ нашъ за особенный отъ другихъ, не терпящій ни какихъ посторонних и не отъ корней его произшедшихъ словъ, не требующій ни какихъ чуждыхъ ему оборотовъ, не пріемлющій ни чего того, что не изъ его, такъ сказать, вещества составилось; или позволить себѣ придавать ему свойства нарѣчія чужаго и обогащать словами иностранными, ни какой связи съ его началомъ не имѣющими? Чему въ доказательство привожу слѣдующія вопросы и задачу одного любителя словесности. . . . „Утвердительно сказать можно, такъ изъясняется онъ, „что Россійскій языкъ не только въ сочиненіяхъ и „переводахъ многихъ частныхъ лицъ, но даже и „въ произведеніяхъ выпускаемыхъ отъ имени нѣ„которыхъ ученыхъ сословій, есть собраніе много„сложности и опредѣленныхъ границъ не имѣетъ, „что доказывается какъ составомъ рѣчи, такъ и „заимствованіемъ оборотовъ изъ другихъ языковъ „и введеніемъ многихъ новыхъ рѣченій; а потому „пріемлю смѣлость предложить слѣдующую зада„чу: — Имѣетъ ли нужду Россійскій языкъ для обо„гащенія своего заимствовать и до какой степени „обороты рѣченій изъ другихъ языковъ, кромѣ „своего корня; достаточенъ ли онъ самъ по себѣ „для произведенія во всѣхъ родахъ сочиненій слав„ныхъ витій и поснопѣвцевъ; и наконецъ доказать, „иностранное заимствованіе пользу ли приноситъ „языку нашему, или порчу, и въ обѣихъ случаяхъ „представить выгоды и вредъ, въ настоящемъ ихъ „видѣ, утвердя доказательствами, какой именно „оборотъ не свойственъ языку нашему, и что его „искажаетъ?“ (*) и проч: Къ чему вопросъ сей?

(*) См. Сѣверный Вѣстникъ, мѣсяцъ Октябрь 1805.

Естьли бы сочинитель онаго, вникнулъ въ языкъ свой прилѣжнѣе, то безсомнѣнія открылъ бы онъ и самъ неизчерпаемый источникъ красотъ его, и никогда не предложилъ бы Академіи, яко законодательному мѣсту Россійской словесности, такого вопроса, которой она должна отвергнуть по причинѣ той, что онъ не отвѣчаетъ ни ея установленію, ни ея цѣли и обязанности: ибо ей ввѣрила Россія драгоцѣннѣйшій залогъ свой, языкъ отечественный, да блюдетъ его цѣла и неприкосновенна, и колико возможно да противится самому дѣйствію всенизвергающаго времени; да будетъ защитницею его противу всѣхъ покушеній умовъ ему не благопріятствующихъ: ибо она должна отвѣчать потомству за всякое упущеніе, за всякое нарушеніе клятвы ею данной въ соблюденіи во всей святости возложенной на нее обязанности. Да и къ чему тогда была бы Академія, естьли бы языкъ оставался на произволъ каждаго, кто только пишетъ, и когда бы всѣ перемѣны производимыя въ немъ всякаго рода писателями простирали и на нее свое дѣйствіе? Ривароль въ предисловіи своемъ говоритъ: „Лишася Академіи мы лишились великаго „судилища:" и знаменитый Джонсонъ, издатель славнаго Аглинскаго словаря, не имѣя въ подпору себѣ Академіи, весьма чувствовалъ сей недостатокъ въ своемъ отечествѣ. „Съ тѣхъ поръ, го„воритъ Робелотъ, какъ Академія Французская не „существуетъ, мы пріобрѣли, въ теченіе шести „лѣтъ превеликое множество новыхъ словъ, кото„рыя заставляютъ сожалѣть о уничтоженіи сего „судилища словесности." (9).

И такъ, должно спросить, Академія ли должна принимать законы отъ писателей, или сіи должны соображаться съ ея наставленіями? Естьли писатели должны слѣдовать ей, въ чемъ и сумнѣнія никакого нѣтъ, то вопросъ такого рода со всѣмъ не у мѣста: Академія, мнѣ кажется, знаетъ свое дѣло, и естьли бы она чувствовала въ томъ надобность, то бы и сама могла предложить оный отъ лица своего. Молчаніе-жъ ея доказываетъ, что она ни какъ не почитаетъ за нужное такой въ языкѣ перемѣны; а что нѣкоторые изъ писателей не умѣютъ говорить и писать такъ, какъ бы Русскому человѣку слѣдовало, того она отнюдъ не относитъ

къ недостатку языка, а къ ихъ собственному незнанію; и вѣдаетъ, что полуруское вранье не должно быть закономъ для языка Рускаго.

Одинъ изъ ея членовъ доказалъ очевидно безмѣстіе таковыхъ писателей; нѣкоторые изъ нихъ покусились было затмить своими темными словами истинну его реченій; мнили, что естьли не льзя уже вовсе погасить свѣтила правды, по крайней мѣрѣ, они обложатъ его облаками ложныхъ умствованій и тѣмъ отъ другихъ оное сокроютъ, дабы сіи не могли увидѣть и познать своего невѣденія: Но онъ съ большею еще противу прежняго удачею восторжествовалъ надъ ними, сорвалъ съ нихъ личину, исторгнулъ когти у язвительной ихъ сатиры, и чрезъ то обезоружилъ ихъ снова. Благомыслящіе Россіяне сотлескали его побѣдѣ, а Академія наградила достойно труды почтеннаго своего сочлена. Когда Академія явно одобрила мнѣнія, опровергающія всякое преобразованіе языка отечественнаго по нарѣчію чужому, и всякое внесеніе въ него словъ и рѣченій ему несвойственныхъ, тогда и вопросъ сей со всѣмъ безполезенъ: ибо всякое введеніе новыхъ реченій и заимствованіе оборотовъ изъ другихъ языковъ, сдѣлавшихся по своей многосложности, какъ то говоритъ самъ предложитель сего вопроса безпредѣльными, доказываетъ явно вредъ, могущій изъ того произойти языку; слѣдственно и вопроса сего не для чего было присылать въ Академію. Когда реченія и обороты заимственныя изъ чужихъ языковъ, внесутся въ нашъ языкъ въ такомъ множествѣ, что сему множеству не будетъ уже предѣловъ, то куда дѣнутся наши природныя рѣчи и обороты? Съ ними будетъ тогда тоже, что бываетъ съ жителями страны побѣжденной, которыхъ побѣдители до тѣхъ поръ тѣснятъ, удручаютъ и изнуряютъ, пока сіи выйдутъ изъ терпѣнія, свергнутъ съ себя несносное и постыдное иго; или, поработятся ему на вѣки, и смѣшавшися съ своими побѣдителями, составятъ новой народъ, истребя перваго даже и названіе.

И такъ предвидя сіе, не лучше ли предохранить языкъ свой отъ сего ига и смѣшенія, и разорвать даже и тѣ легкіе оковы, которыми пока отъ нужды, или, отъ неискуства нашего мы допустили опутать его; или, когда уже ни какое бла-

горазуміе не можетъ отвратить насъ отъ сего неблагоразумія, то лучше со всѣмъ кинуть природный языкъ свой, а избрать тотъ изъ чужихъ, которой болѣе понравится. . . . И кому? Молодымъ писателямъ, молодымъ журналистамъ, и на конецъ молодымъ людямъ, такъ называемаго *большаго свѣта*. Покрайней мѣрѣ сей способъ будетъ кратчайшій и лучшій, нежели ждать того времени, когда нѣкое чудовище родится свѣту отъ смѣшенія двухъ толико разнствующихъ между собою языковъ, каковы Русской и Французской. Въ семъ случаѣ не надлежало предлагать Академіи сего вопроса, но присовѣтовать ей, чтобъ она и во все уничтожила языкъ Славенскій, толико вѣковъ сохранившійся въ первоначальной почти цѣлости. Вотъ до чего доводитъ насъ введеніе новыхъ реченій, и заимствованіе изъ чужихъ языковъ оборотовъ! но со всѣмъ иное бываетъ съ изобиліемъ реченій и оборотовъ производимыхъ изъ свойства языка природнаго. Здѣсь богатство языка нашего дѣйствительно подобно безпредѣльному Океану, представляющему глубокоумствующему зрителю великолѣпное позорище; какъ птица пролетая оный прежде пала бы утомленная и обезсиленная, нежели достигла бы другаго берега; такъ и возмечтавшій бы обнять все изобиліе языка нашего, изнемогъ бы прежде отъ толь великаго труда, нежели бы претекъ толь не измѣримое поприще, какое предлежитъ для достиженія въ немъ совершенства. Всѣ новѣйшіе языки, отрасли многихъ нарѣчій, могутъ, не взирая также на ихъ обширность, опредѣлиться словаремъ: но Русской языкъ ни коимъ образомъ помѣститься въ немъ не можетъ, какъ бы онъ впрочемъ обширенъ ни былъ. Словарь другихъ языковъ помѣщаетъ въ себѣ всѣ слова безъ исключенія, какія читатель находитъ въ ихъ книгахъ, кромѣ весьма не многихъ, да и то гдѣ нибудь замѣченныхъ, какъ на примѣръ: когда Екатерина Великая хотѣла въ одномъ письмѣ къ Волтеру описать одного Француза мечтавшаго сдѣлаться въ Ея Государствѣ законодателемъ, сказала cet homme est venu législater chez nous, или когда Мольеръ вмѣсто того, чтобы сказать et vous epouserez Tartufe (и ты выдешъ за Тартюфа) сказалъ: et vous serez, ma foi, tartufiée. Или когда Гж. De ля Саблієръ назвала Ла фонтена mon fablier, разумѣя чрезъ то,

что онъ также рождалъ басни какъ дерево плоды. Или когда сей самый Лафонтенъ вмѣсто того, чтобы сказать que l'âne marche comme un prélat, сказалъ l'âne se prélaſſe: въ Русскомъ же напротивъ того языкѣ какъ въ составленіи сего рода реченій и словъ, такъ и въ словосложности нѣтъ предѣла; и естьли бы кто вздумалъ составить словарь изо всѣхъ словъ, которыя могутъ попадаться въ книгахъ; то бы тотъ предпринялъ такое дѣло, на совершеніе котораго не стало бы ни его силъ, ни вѣка.

Естьли Руской читаетъ иностранную книгу и незнаетъ какого слова, то онъ можетъ отыскать его въ словарѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшемъ, какой только есть на томъ языкѣ. Иностранецъ же читающій русскую книгу, можетъ превеликое множество найти такихъ словъ, которыхъ онъ ни въ какомъ словарѣ не отыщетъ; но которыя для всякаго Русскаго могутъ быть весьма понятны, и внесеніе коихъ въ словарь со всѣмъ не нужно и безполезно, ибо онѣ и для иностранца могутъ быть ясны при вниканіи его въ корни оныхъ.

На сей конецъ нуженъ намъ словарь, коего главное свойство долженствуетъ состоять въ отысканіи и помѣщеніи всѣхъ коренныхъ словъ, извѣстно ли ихъ знаменованіе или нѣтъ, и сіе для того, чтобы опредѣлить ихъ со временемъ общимъ всѣхъ славенскихъ племенъ стараніемъ. Ибо весьма легко можетъ статься, что потерянное коренное свово въ Россійскомъ языкѣ, могло сохраниться въ нарѣчіи Польскомъ, или Сербскомъ и многихъ другихъ, отъ древняго Славянскаго нарѣчія произшедшихъ.

За коренными словами должны слѣдовать производныя, а потомъ уже сложныя. Такъ на примѣръ слова *свѣтоносный, златовидный, буемудрый, твердокаменный, молніеносный* и множество другихъ, обогащаютъ, украшаютъ языкъ нашъ и могутъ употребляться искусными писателями съ великою пріятностію, красотою и силою. Почти такоеже обиліе и многообразіе можетъ быть и въ ихъ оборотахъ; и отъ сего безпредѣльнаго множества измѣненій въ языкѣ, словесность наша не токмо не затмится, но вяще процвѣтетъ, ежели выборъ сихъ и употребленіе будутъ сдѣланы съ искуствомъ и знаніемъ. Богатство сіе послужитъ лишь къ тому, что всякой

писатель съ обширными дарованіями можетъ найти удобный случай отличиться своимъ слогомъ, (10) не прибѣгая къ чужеязычію. Чтожъ касается до иностранныхъ словъ, то на сіе отвѣтствую устами Сумарокова. "На чтожъ намъ чужія слова вводить, „когда мы по естеству и по примѣру предковъ на-„шихъ, своихъ изъ первоначальныхъ словъ довольно „произвести можемъ? Чужія слова всегда странны „будутъ (а и того страннѣе прибавлю обороты ре-„ченій), и знаменованія ихъ не такъ изъяснитель-„ны, и слѣдственно введутъ слабость и безобразіе „въ сильный и прекрасный языкъ нашъ. А то еще „и странняе, когда мы то называемъ, или еще и „пишемъ чужестранными словами, чему у насъ есть „точныя свои названія, и имѣя древній и несмѣшен-„ный языкъ, портя ево, слова изъ новыхъ и смѣ-„шенныхъ языковъ вводимъ. Таковыя слова безпо-„лезно на будущее употребленіе уповаютъ. Они у „потомковъ будутъ въ презрѣніи, или попортятъ „языкъ„ . . . .

Естьли мы предположимъ языкъ Русской бѣднымъ, который не можетъ стоять самъ собою, тогда конечно такое заимствованіе ему потребно; но вообразите себѣ теперь нищаго въ бѣдной его одеждѣ, составленой, за не имѣніемъ полнаго одѣянія, изъ разноцвѣтныхъ лахмотьевъ, хотя бы между лоскутьями его платья и дорогія были; и представимъ также простаго земледѣльца, трудами своими себя одѣвающаго, хотя не въ богатое платье, но изъ сукна одного цвѣта сшитое: которой изъ нихъ для васъ пріятнѣе будетъ? Безсомнѣнія послѣдній: а особливо, когда представимъ себѣ, что со временемъ посредствомъ трудолюбія своего, онъ будетъ въ состояніи сдѣлать себѣ лучшее и нарядънѣйшее платье. Тоже бываетъ и съ языками; какъ бы бѣднымъ вы ни предположили языкъ, все пріятнѣе видѣть его, такъ сказать, въ своей собственной одеждѣ, нежели составленной изъ многихъ чужихъ лохмотьевъ, носящихъ на себѣ образъ нищеты безобразной. Лучше трудитесь, подобно прилѣжному земледѣльцу, и старайтесь нарядить его со временемъ пригожѣе, нежели вѣчно лѣняся, оставлять его при одной и той же нищетѣ своей. „Греческій языкъ , говоритъ Смитъ , кажется, „былъ сперва простый, не смѣшенный, составлен-

,,ный изъ первоначальнаго нарѣчія тѣхъ скитаю-
,,щихся дикихъ, сихъ древнихъ Геленовъ и Пелаз-
,,говъ, отъ коихъ, какъ повѣствуютъ, произошелъ
,,народъ Греческій. Всѣ слова въ Греческомъ языкѣ
,,произошли почти не болѣе какъ отъ трехъ сотъ
,,коренныхъ словъ; сіе ясно доказываетъ, что Гре-
,,ки образовали языкъ свой единственно между со-
,,бою, и что когда имъ нужда была въ новомъ сло-
,,вѣ, то они не занимали его, какъ-то привыкли мы
,,дѣлать, изъ чужеземнаго языка, но составляли или
,,производили оное изъ слова или нѣсколькихъ словъ
,,своего собственнаго языка. (*),, Не толи самое мы можемъ сказать и о своемъ языкѣ? Для чего не составлять намъ своихъ словъ отъ своихъ корней держася своего возсловія? (11). Какой языкъ можетъ намъ дать въ семъ помощъ? Французской болѣе всѣхъ процвѣтаетъ; къ нему мы пристрастилися: но послушаемъ о семъ самихъ Французовъ. ,,Языкъ тогда
,,только можетъ быть совершенъ, говоритъ одинъ
,,изъ ихъ ученыхъ, (**) когда онъ служитъ къ объя-
,,сненію всѣхъ возможныхъ понятій, и всѣхъ позна-
,,ній человѣческихъ: въ семъ отношеніи ни одинъ
,,языкъ не можетъ почесться совершеннымъ: ибо
,,хотя бы люди претекли все поприще постигаемыхъ
,,ими познаній; то останется еще премножество
,,такихъ, кои должно имъ будетъ познать, изслѣ-
,,дывать и исправить. Не всѣ однако языки удобны
,,съ одинакою легкостію умножать слова. Француз-
,,ской языкъ, на примѣръ, менѣе всѣхъ другихъ удо-
,,бенъ: онъ обогатился только чуждыми корысть-
,,ми, а своего собственнаго ничего почти не
,,имѣетъ.,,

"Не удивительно, что наши предки, народы
,,сѣверные, жившіе однимъ грабительствомъ, посту-
,,пили также и въ отношеніи къ языку своему, ог-
,,рабя всѣ сосѣднія; одно другова было легче: но по-
,,елику мы приняли уже ложныя ихъ мнѣнія, способ-
,,ствующія къ пріобрѣтенію славы и къ пользамъ
,,отечества, то по той же причинѣ мы употребля-
,,емъ и тѣ же скудныя способы, которыми они же-
,,лали расширить языкъ свой. Нарѣчіе наше лиши-
,,лося удивительнаго сего изобилія, составлявшаго

(*) См. The formation of languages.

(**) См. Histoire naturelle de la parole, extrait du monde primilif, par M. Court de gebelin.

„красоту языка начальнаго. Одно искуство слово-„производства, возвращая насъ къ началамъ языка, „можетъ возвратить языку нашему первыя права „его, и научить насъ, какимъ образомъ удобнѣе по-„полнить поколѣнія словъ, и добавить тѣ, которыя „могли бы недоставать.„ (12).

Вотъ тотъ богатый языкъ, изъ котораго мы хотимъ черпать красоты и слова; и на сей конецъ должны мы, для отысканія корня какого ни есть слова, взятаго изъ онаго, переходить изъ одного нарѣчія въ другое, и то еще, когда оно не во все утратило свой корень. На примѣръ, Французы пишутъ ecrire et ecriture; но чтобы знать сихъ происхожденія, то нужно имъ добираться, что въ старину они это самое слово писали такимъ образомъ, escripere и escripture; что сіи произошли отъ Латинскихъ scribo и scripsi, которые до того писалися также screibo и screipsi (что сохранилось у Нѣмцовъ въ глаголѣ shreiben), и что сіи самыя слова произошли отъ Греческаго grapho, означающаго, *изображать и писать*, какъ равно grapho произошло отъ gramma, означающее искуство проводить черты, живопись. А наконецъ, что всѣ сіи слова взялися отъ первоначальнаго слова cra, означающаго *нарѣзъ* въ подражаніе шуму бывающему при вырѣзываніи или написаніи буквъ на чемъ нибудь твердомъ. Что же будетъ, какъ мы станемъ еще заимствовать изъ Французскаго, когда и Французы, для отысканія корня своего слова, должны рыться во многихъ другихъ языкахъ? Тоже можно сказать и о всѣхъ другихъ языкахъ, еще менѣе Французскаго обогащенныхъ писаніями великихъ писателей. Агличане сами не находятъ многихъ своихъ словъ корней, а иные, какъ то Мерикъ Казабонъ въ книгѣ своей, de Quartuor linguis, и Камденъ въ сочиненіи Paralipomena anglica, производятъ большую часть своихъ словъ изъ Греческаго языка, предполагая, якобы они перешли къ нимъ посредствомъ Саксонцевъ. Оба они приводятъ множество словъ Аглинскихъ и Греческихъ, великое сходство между собою имѣющихъ, увѣряя, что хотя онѣ въ послѣдствіи сократились и приноравлены къ словамъ грубаго сѣвернаго нарѣчія, но все еще довольно сохранили въ чертахъ родственнаго подобія въ доказательство, что они въ прямомъ поколѣніи произошли отъ Греческаго племени. Сихъ-ли

народовъ языки обогатятъ нашу словесность, которые сами не знаютъ откуда производить начало словъ своихъ, и окрадываютъ другія языки?

Конечно, ничего нѣтъ легче какъ заимствовать слова изъ другихъ языковъ, когда мы затрудняемся въ объясненіи какой нибудь мысли требующей новаго слова. Способъ сей ласкаетъ нашей лѣности, удовлетворяетъ самолюбію и прикрываетъ наше невѣжество. Почему весьма не удивительно, когда онъ имѣетъ толикое множество защитниковъ. А иначе, надлежало бы умствовать, вникать въ сокровенности языка, отыскивать его корни посредствомъ многолѣтнаго чтенія старинныхъ книгъ нашихъ, или углубленіемъ въ составныя слова, разлагать ихъ, примѣчать ихъ связи съ другими, ихъ вѣтьви, ихъ измѣненія въ буквахъ, ихъ сокращенія и перемѣны въ различныхъ нарѣчіяхъ. Но сіе требуетъ великаго труда, долговременнаго упражненія; а это и не любо намъ. *Какъ, читать чети минеи, прологи, акафисты! какъ это можно? Когда же сочинять въ пріятномъ вкусѣ новыхъ Французскихъ писателей? Уже ли должно готовиться быть проповѣдникомъ? Ахъ! когдаже получить лавровый вѣнокъ отъ руки милой Деліи? Когдаже писать новымъ слогомъ, образующимся пріятными нашими писателями?* . . Такъ думаютъ и разсуждаютъ молодые наши сочинители, и неумствуя ни мало о языкѣ, хотятъ быть однако его законодателями. Съ такими словесниками конечно языкъ нашъ не токмо будетъ всегда скуденъ, но до того еще обнищаетъ, что мы и десяти строкъ не въ силахъ будемъ написать не употребивъ нѣсколько словъ иностранныхъ. А когда мы станемъ сами умствовать о языкѣ своемъ, тогда *ни до какой степени не нужно будетъ заимствовать намъ обороты реченій изъ другихъ языковъ а все пойдетъ изъ своего корня.* Ибо естьли мы допустимъ одну степень, то приложимъ потомъ и другую, а вскорѣ и третію, и такъ далѣе.

Мы можемъ употреблять посамой необходимой мѣрѣ нѣкоторыя слова чужеземныя, и то до нѣкотораго времяни, стараясь какъ можно скорѣе замѣнить ихъ своими собственными; но заимствовать обороты рѣченій во все не нужно. Когда есть мысль, есть слова, есть и приличной имъ оборотъ, не поправиламъ чуждаго нарѣчія, но по свойству природнаго языка долженствующій опредѣлиться.

вноситьже чужихъ языковъ обороты значитъ потрясать свой собственный въ его основанiи, перемѣнять его въ существѣ самомъ. Чужеземныя слова, дѣлающiя языкъ пеле́соватымъ и пестрымъ, можно рано или поздно выкинуть; но когда допустимъ не свойственныя языку нашему обороты рѣченiй, тогда словоискуство наше должно перемѣниться въ своихъ даже правилахъ. Однако легко можетъ случиться, что иностранное реченiе переведется весьма близко, почти слово въ слово, и сiе можетъ не быть оборотомъ иностраннаго нарѣчiя, но весьма хорошо сказано по Русски. Сего опредѣлить съ точностiю не возможно, а одно упражненiе въ природномъ языкѣ покажетъ пристойность такого перевода. Не льзя впрочемъ на всякое время предостеречь себя, не льзя не сдѣлать ошибки, но такая погрѣшность пускай остается погрѣшностiю, а не вмѣняется языку въ недостатокъ.

Между нашими писателями, которые послѣдовали общепринятому мнѣнiю, многiе могли бы употребить лучшимъ образомъ свои дарованiя, но они не знаю по чему боялись подвергнутся общему нареканiю, когда употребили бы языкъ прямо Руской, безъ всякаго чужеязычiя, и вмѣсто того, чтобы стараться объ очищенiи языка своего, они слѣдуя повѣрью, стали еще болѣе пестрить оный. Одному сочинителю о слогѣ предоставлена была слава возвыситься надъ предразсудками своего времени; ибо онъ вѣдалъ, что всякое повѣрье проходитъ, а истинна торжествуетъ; что смѣхъ умолкаетъ, и покрываетъ стыдомъ воздвигшихъ оный; а правда по легкомъ омраченiи, является съ бо́льшимъ блескомъ и славитъ произнесшаго оную. Онъ вѣдалъ, что въ народѣ во всякое время существуютъ предразсудки, противящiеся истиннѣ; всегда господствуетъ какое нибудь повѣрье, предпочитающееся прямой пользѣ; всегда существуетъ какой либо обычай, претящiй распространиться слову мудраго: безуменъ сего невѣдущiй и желающiй рукоблесканiй при его предложенiи о какомъ ни есть благѣ, какъ скоро оно не ласкаетъ настоящимъ заблужденiямъ, не лелѣетъ страстей того времени человѣковъ! сей, или слѣпъ, или увлекается своими собственными страстями. Мудрый одинъ изрекаетъ слово правды не заботяся какъ приметъ оное тол-

па несмысленныхъ, управляемыхъ случаемъ и людьми злокозненными. Онъ желаетъ ободренія отъ гражданъ мудрыхъ, и похвала такого одного пресилитъ въ его сердцѣ всѣ огорченія, какія могли бы возникнуть въ ономъ отъ злобы посмѣвающихся надъ нимъ. Сими руководствуяся правилами мы не предложимъ ни чего такого, что могло бы заставить другихъ усумниться въ чистотѣ начала намѣреній нашихъ. Похвальнѣе сто кратъ предложить что нибудь такое, что и дѣйствительно было бы для отечества безполезно и трудно для произведенія въ дѣло, но гдѣ бы могли сказать намъ, "чрезмѣрная любовь къ отечеству вдала его въ оное;" нежели подъ видомъ блага причинять зло ему, тѣмъ опаснѣйшее, чѣмъ медленнѣе его дѣйствія, чѣмъ сокровеннѣе начала его. Когда сочинитель книги *разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ,* писалъ ее, то безсомнѣнія, онъ предвидѣлъ, что сначала она весьма малымъ числомъ любителей словесности доброхотно примется, что многіе вооружатся противъ него: но любя отечество свое, онъ презрѣлъ за благовременно кощунство противниковъ своего мнѣнія.

Когда появилась его книга, я не будучи ни той ни другой стороны, спросилъ у себя, или паче у своей совѣсти, чего желаетъ сочинитель оной книги? Прочиталъ ее со вниманіемъ и позналъ, что все его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы Русскіе говорили болѣе по Русски. Сердце мое тайно одобрило сіе желаніе. Онъ востаетъ противу чрезмѣру усилившагося употребленія множества иностранныхъ словъ, введенныхъ и вводимыхъ въ языкъ нашъ, и тѣмъ опаснѣйшихъ, чѣмъ долѣе они въ немъ останутся (13). Разсудокъ невольнымъ образомъ согласился съ нимъ; но привычка и лѣнь шепчутъ на ухо, что такое сужденіе слишкомъ строго; что хорошо истребить нѣкоторыя, но другія такъ уже обрусѣли, что онѣ затвержены у всѣхъ, и потому еще, что на нашемъ языкѣ нѣтъ имъ равносильныхъ и безъ нихъ не льзя обойтися. Я начиналъ колебаться; но опытъ, наставникъ разсудка, притекъ на помощъ; и видя меня уже готова осудить сочинителя той книги въ излишней его строгости, внушилъ мнѣ посредствомъ совѣсти, что осуждать безъ предварительнаго о томъ разсужденія, изъявляетъ паче пристрастіе, нежели

справедливость. Сверьхъ того онъ вразумилъ меня, что осуждать такъ скоро того, кто по собственному его сказанію, болѣе тридцати лѣтъ посвятилъ себя на разсужденіе и умствованіе объ ономъ; то есть, желать мгновеннымъ судомъ опровергнуть тридцатилѣтнюю опытность, означаетъ или безуміе, или совершенную уже слѣпоту пристрастія. Сіе преклонило меня опять въ пользу сочинителя книги о слогѣ: ибо я любилъ всегда истинну нелицемѣрно. Потомъ я снова усумнился въ вѣрности словъ его. Какъ сочинитель, я встрѣтилъ великія затрудненія въ пріисканіи словъ нужныхъ мнѣ для объясненія мыслей, которыя прежде я такъ легко замѣнялъ или прямо иностранными, или по ихъ значенію составленными словами. Я почувствовалъ трудность, съ трудностію на́чалъ возраждаться ропотъ.

Намъ не льзя, говорилъ я, обойтися безъ словъ иностранныхъ; лучшія писатели употребляли ихъ, всѣ ихъ разумѣютъ, да и какой языкъ не заимствовалъ чего нибудь отъ другаго? Французской языкъ весь составленъ изъ таковыхъ словъ, однако ни Волтеръ, ни Расинъ, ни Буало не отвергали ихъ. Почему же Русскимъ не подражать имъ? Какой стыдъ согласоваться въ томъ съ людьми извѣстными по своимъ отмѣннымъ дарованіямъ и обширнымъ познаніямъ? Уже ли они менѣе насъ любили свое отечество? Положимъ, что прежде я не соглашался не разсуждая, и худо дѣлалъ, а теперь я и разсуждаю, и чѣмъ болѣе умствую, тѣмъ бо́лѣе имѣю причинъ не соглашаться съ нимъ. Торжествуя такимъ образомъ, я вдругъ почувствовалъ, что совѣсть уколола меня. Это не даромъ, сказалъ я; совѣсть вѣрно желаетъ тѣмъ сказать мнѣ, чтобы я еще поговорилъ съ опытомъ и разсудкомъ. Для чего не такъ, думалъ я; я люблю истинну, а ни кто скорѣе разсудка и опыта намъ оной не укажетъ. Но лишь допустилъ опытъ и разсудокъ до своего сердца, въ сіе убѣжище совѣсти, то увидѣлъ новый свѣтъ, поразившій мой разумъ. Я узналъ тогда, что прежняя трудность произхо́дила не отъ недостатка языка, но отъ малаго моего въ немъ упражненія; что слова сіи существуютъ, но что лѣняся читать старинныя наши книги, я не вѣдалъ оныхъ; что буде и нѣтъ какихъ, то можно удачно и съ пользою составить оныя; но что такое словосоставле-

ніе требуетЪ глубокаго вЪ языкѢ познанія и долговременнаго упражненія; что надлежитЪ умствовать о языкѢ своемЪ не по правиламЪ языковЪ чуждыхЪ, которые сЪ нашимЪ могутЪ быть толико же различны, колико говорящіе ими народы разнствуютЪ вЪ нравахЪ и обычаяхЪ сЪ нашимЪ; что похвальнѢе заимствовать у хорошихЪ иностранныхЪ писателей здравыя ихЪ разсужденія и вникать вЪ причины ихЪ дѢйствія, но не обращать дѢйствія вЪ причины; что ВолтерЪ и Буало терпѢли чуждыя слова по тому, что весь ихЪ языкЪ изЪ оныхЪ составленЪ; что Французы сами признавали свой языкЪ бѢднымЪ, и что ни мало не гордяся имЪ собственно, они гордилися великимЪ множествомЪ превосходныхЪ своихЪ писателей, обогатившихЪ ихЪ познаніями, прекрасными мыслями и лучезарными истиннами; что мы приняли все сіе за богатство словЪ однихЪ, и заблуждаючи такимЪ образомЪ, стали обогащать языкЪ свой, не превосходными ихЪ понятіями, но заимствованіемЪ однихЪ пустыхЪ словЪ, думая, что вЪ нихЪ-то вся мудрость кроется. НаконецЪ, что я осуждалЪ сочинителя о слогѢ не потому, чтобы мои разсужденія дѢйствительно основаны были на разумѢ, но что такЪ мнѢ казалося; а казалось по тому, что я привыкЪ кЪ выраженіямЪ и образу мыслей новыхЪ писателей; слѢдственно я принялЪ привычку за разумЪ, и мечтая умствовать, только заблуждалЪ: ибо привычки не суть основаніемЪ здравыхЪ понятій.

ПослѢ сихЪ умствованій изчезЪ окружавшій разумЪ мой туманЪ предразсудковЪ, какЪ изчезаютЪ тѢни ночныя при появленіи багряныя зари, благой вѢстницы востекающаго свѢтила. СовѢсть была спокойна, и какое-то тайное удовольствіе разлилося по изгибамЪ моего сердца. Я почувствовалЪ вЪ себѢ нѢчто такое, что походило на торжество послѢ побѢды. Тихій голосЪ шепталЪ моему сердцу: такЪ поступая, ты будешЪ щастливЪ. СловомЪ, не рѢшася еще совершенно, я былЪ отмѢнно тогда доволенЪ собою, по тому-ли что отдалЪ справедливость достойному гражданину, или, что сдѢлалЪ побѢду надЪ привычкою и предразсудками, злѢйшими врагами, какихЪ только человѢкЪ у себя имѢть можетЪ. Я былЪ вЪ то время такЪ радЪ, какЪ бываетЪ человѢкЪ попадающій на путь истинный и

выходящій изъ дремучаго лѣсу, гдѣ онъ долго заблуждался. Освободяся отъ сихъ узъ, я могъ тогда свободнѣе дѣйствовать разсудкомъ, принялся за способъ сочинителевъ, сталъ прилѣжнѣе перечитывать лучшихъ нашихъ писателей, вдался чтенію старинныхъ книгъ, и хотя не много тому прошло времени, но я почувствовалъ въ себѣ перемѣну; и признаюсь моимъ читателямъ, что не могу безъ смѣха и сожалѣнія вспомнить о томъ, какъ легкомысленно я думалъ, когда мечталъ быть противникомъ сочинителя о слогѣ.

Теперь смотрю изъ другой точки на самаго себя, и разсуждаю, и дивлюся, какъ могла мнѣ придти въ голову такая дерзская и нелѣпая мысль, чтобы хотѣть съ малыми и скудными способами опровергнуть истинну? И особливо когда припомнилъ, что я былъ отъ самаго малолѣтства моего въ продолженіе дѣсяти лѣтъ окружаемъ иностранцами, что меня принуждали говорить всегда по Нѣмецки, изрѣдка по Французски, отчасти по Аглински, а по Русски не токмо никогда, да еще за каждое Русское слово наказывали.

Заблужденіе мое продлилось бы и долѣе, естьли бы не попалось мнѣ сочиненіе *о старомъ и новомъ слогѣ россїйскаго языка*. Въ сіи-то подробныя разысканія заставила меня войти сія книга. Я разсмотрѣлъ себя отъ самаго начала, когда разумъ мой началъ образоваться, вникнулъ въ причины на меня дѣйствовавшія, и составившійся такимъ образомъ разсудокъ мой разложилъ, такъ сказать, на первыя, простыя его начала, дабы чрезъ то отнять всю силу у предразсудковъ и привычекъ. Отдѣля чрезъ то заблужденія, я сохранилъ однѣ чистыя понятія, сближившія меня съ истиннами сочинителя разсматриваемой мною книги. Потомъ я обратилъ мое вниманіе и на тѣхъ сочинителей, которые съ нимъ не согласуются; прибѣгнулъ къ тому же способу раздробленія, и убѣдился, что однѣми изъ нихъ руководствуетъ самолюбіе, всегда упорное при нѣкоторыхъ познаніяхъ и талантахъ; другими упрямство, всегдашнее свойство глупости; тѣми пристрастіе; иными рабское подражаніе, а еще другими лѣнь, также привычка, а часто невѣжество.

Послѣдуя сочинителю книги о старомъ и новомъ слогѣ, мы не стали бы говорить, что языки не могутъ быть въ одномъ состоянiи, что языкъ Гомеровъ погибъ, языкъ Виргилiевъ изчезъ, и сими толь горестными опытами убѣждать насъ, что и языкъ Русской, подобно имъ, истребится долженствуетъ. Совѣтуяся съ нимъ, мы не посылали бы въ Академiю вопросовъ; имѣетъ - ли Россiйскiй языкъ для обогащенiя своего нужду заимствовать и до какой степени, обороты реченiй изъ другихъ языковъ, кромѣ своего корня, забывъ, что обороты реченiй языка составляются изъ свойства его, а не заимствуются изъ его корня, поелику отъ корня онаго не обороты реченiй, но слова производятся; изъ сихъ же сорасполагаются реченiя, отъ которыхъ порядокъ раждается словоискуства; а сiе уже даетъ имъ нѣкое устройство и правильность, научающiя насъ въ свою очередь сочиненiю пристойныхъ и согласныхъ оборотовъ? Не стали бы дѣлать мы ложныхъ умствованiй, а показали бы свѣту, что Русской языкъ толикоже богатъ самъ собою, колико Россiя славна своими подвигами. Не стали бы думать, что Русской языкъ, какъ и Гомеровъ, перемѣнится, но потщилися бы противустать и самому времени. Вотъ истое дѣйствiе прямой любви къ отечеству, познающейся отъ дѣлъ ея также, какъ и дерево отъ плодовъ своихъ.

Но сего благотворнаго дѣйствiя разума на нравы и на словесность нашу мы неможемъ ожидать такъ скоро, какъ бы того любовь къ отечеству желала, и время, когда Русскiе захотятъ быть дѣйствительно Русскими отъ насъ далеко, потому что большая часть изъ нихъ воспитана иностранцами; что вредныя заблужденiя на счетъ всево отечественнаго глубоко укоренились въ нихъ; что для исправленiя сего нужно имъ почти переродиться въ своихъ склонностяхъ и нравахъ, въ своихъ мнѣнiяхъ и даже предразсудкахъ. Трудно истреблять то, что заматерело. Молодые любители словесности, воспитанные Французами, отвыкшiе во все отъ словъ употребляемыхъ въ возвышенномъ слогѣ, и прiобучившiе слухъ свой къ тѣмъ, кои чаще всѣми употребляются, плѣнились дарованiями нѣкоторыхъ изъ новыхъ писателей, а съ ними вмѣстѣ полюбили и образъ ихъ мыслей, и приняли ихъ

правила, будучи увлечены легкостію ихъ способа. Не опытны и неискусны, они скоро вдалилися въ обманъ; а не имѣя довольно дарованій, чтобы увидѣть свое заблужденіе, они навсегда въономъ осталися; и тотъ кто покусился бы имъ открыть ихъ слѣпоту, сдѣлался бы врагомъ ихъ: ибо сей сталъ бы учить ихъ разсуждать, а они привыкли, чтобы за нихъ разсуждали; онъ бы сталъ показывать имъ добро въ трудахъ, а они обыкли полагать его въ лѣности; онъ захотѣлъ бы воспламенить ихъ любовію къ отечественному языку, основанному на точномъ познаніи его правилъ и свойства; а они пріучилися любить его по знаменаванію и составленію языковъ чуждыхъ, ставшихъ имъ любезными отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Изъ сего удобно видѣть можно, что естьли они предпочли новое составленіе языка нашего истинному его свойству, то сіе произошло единственно отъ недостатка ихъ познанія и разсужденія. Такое злоупотребленіе въ языкѣ вкрадывалося и прежде, но не съ такою силою какъ въ наше время. Кажется все способствовало введенію сего чужеязычія и сему странному и нашему нарѣчію несвойственному составленію речей: воспитаніе наше, отвычка отъ языка отечественнаго, всегдашнія въ лучшихъ домахъ разговоры на языкахъ иностранныхъ, лѣность вникать въ источникъ природнаго слова, отвращеніе отъ книгъ старинныхъ, дарованія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, ставшихъ поборниками такой перемѣны, и глубокое молчаніе ревнителей Россійской словесности при таковомъ ея упадкѣ. Еще бы не много, и мы вскорѣ не стали бы, можетъ быть, разумѣть и понимать Ломоносова. Благодареніе сочинителю о старомъ и новомъ слогѣ, онъ пробудилъ насъ, далъ намъ почувствовать, что мы дремлемъ, и между тѣмъ попускаемъ торжествовать симъ толико вреднымъ для нашей словесности заблужденіямъ. Голосъ его остановилъ нѣкоторыхъ и произвелъ въ умахъ какое то волненіе. Иные стали оспоривать его мнѣнія, другіе поколебалися, а тѣ научилися быть осторожнѣе; всѣ же вообще обратили на сію часть вниманіе свое.

Естьли бы не столько людей были заражены сей почти общею страстію къ чужеязычію, то бы не для чего было много и распространяться о томъ: истина сама собою безтрудно бы восторжество-

вала: но когда толикое множество Русскихъ востають противу своего языка, прародителя многочисленныхъ племенъ, и истолкователя славы знаменитыхъ ихъ предковъ, тогда необходимо нужно и полезно отражать силу предразсудковъ силою разума (14. Вотъ что сдѣлалъ и сочинитель разсматриваемой книги. Правда, мнѣніе его восторжествовало надъ мнѣніями на него воставшихъ, но оно не распространилось еще столько, чтобы положиться совершенно на успѣхъ однѣхъ книгъ его; и для того похвально подражать ему, соучавствовать въ его дѣлѣ, хотя и не съ такою славою, покрайней мѣрѣ съ тоюже любовію, какая и его на таковой подвигъ ободряла. Сочинителю сей книги и не можно было ожидать скораго умовъ обращенія: ибо не легко искоренять предразсудки, посѣянные въ насъ людьми, долженствующими намъ быть всего на земли священнѣе, каковы суть родители и наши наставники, и укорененные въ самое пріятнѣйшее намъ время, каково есть младенчество. Сверьхъ того истинна предлагаемая имъ въ книгѣ его такого рода, что ему надлежалоото всюду ожидать нападенія; и со стороны тѣхъ, кои вносятъ Французскія слова и составляютъ рѣчи по образцу языковъ иностранныхъ; и со стороны равно тѣхъ, кои мнили быть изъяты отъ его упрековъ потому только, что не пестрили языка своего чужеязычіемъ, ни мало того не подозрѣвая, что можно писать по Французски и не употребляя словъ Французскихъ; что сіи послѣдніе вооружаяся сами противу первыхъ, находятъ себя принужденными востать и противъ него, за тѣмъ, что ихъ самолюбіе строгимъ его судомъ также легко оскорбиться можетъ, какъ и первыхъ. Отсюда раздѣлилися мы на три мнѣнія; изъ коихъ первое есть то, чтобы позволить употребленіе иностранныхъ словъ; другое, чтобы истребляя чужеязычіе, допустить принять слова и обороты рѣчей составленныхъ по свойству языковъ чуждыхъ, хотя поборники сего и не говорятъ о томъ, а только подразумѣваютъ оное, довольствуяся опровергать мнѣніе первыхъ, и не объясняя своего, даютъ намъ примѣтить оное въ самомъ составленіи ихъ словъ и реченій; наконецъ третіе первымъ двумъ со всемъ противуположное, не терпящее столько же словъ прямо чужеземныхъ, какъ и со-

ставленныхъ по ихъ знаменованію; а требующее однѣхъ словъ Русскихъ, произшедшихъ отъ своего корня съ пристойнымъ и точнымъ ему знаменованіемъ, и чтобы всѣ рѣчи и ихъ обороты основывались на свойствѣ языка отечественнаго и разумѣ народномъ. Послѣднее есть самое истинное и долженствующее быть господствующимъ, и оно будетъ поддерживаемо одними великими писателями, пока совершенно не восторжествуетъ; второе же будетъ до нѣкоторой поры болѣе другихъ принято потому, что носитъ на себѣ личину любви отечественной и прикрываетъ очевидное злоупотребленіе перваго, между тѣмъ какъ избавляетъ насъ отъ многотрудныхъ упражненій, налагаемыхъ на писателей третьимъ мнѣніемъ; оно льститъ нашему самолюбію, будто бы любимъ уже свою словесность, когда не искажаемъ ее словами, имѣющими звуки словъ чужеземныхъ, и угождаетъ нашей лѣности, отклоняя насъ отъ скучнаго труда прочитывать старинныя книги, гдѣ нѣтъ ни сладострастнаго слога Орлеанской дѣвы, ни замысловатости и остроты Кандита. Вотъ состояніе нашей словесности, которая, какъ мнѣ кажется, долго еще пребудетъ въ семъ волненіи. "Должно, говоритъ Ривароль, чтобы языкъ былъ въ движеніи до тѣхъ поръ, пока утвердится на собственномъ своемъ разумѣ." Языки подобны царствамъ и также какъ они переходятъ изъ одной степени въ другую, всегда завися отъ того, кто управляетъ ими, падая и процвѣтая по мѣрѣ искуства того, кто ими движетъ и располагаетъ; слова же подобны гражданамъ, изъ которыхъ однѣ могутъ быть забыты и брошены, когда не брегутъ о нихъ; другія, не взирая на ихъ заслуги, оставлены, когда бываютъ къ нимъ несправедливы; тѣ утѣснены, когда не пекутся о нихъ; а иные и во все истреблены, когда жестокосердствуютъ къ нимъ; наконецъ всѣ онѣ цвѣтутъ, великолѣпствуютъ, плодятся, укрѣпляются другъ другомъ и составляютъ вмѣстѣ пространное, многочисленное, сильное и процвѣтающее семейство, когда мудрость присѣдитъ при оброзованіи оныхъ.

Выше сего я показалъ какъ собственными моими о языкѣ разсужденіями такъ и почерпнутыми изъ Русскихъ писателей, умствовававшихъ о совершенствѣ языковъ, что тотъ одинъ языкъ богатъ и прекрасенъ,

который украшается собственными своими дарами, и только изъ своихъ нѣдръ извлекаетъ свои сокровища; каковое мнѣніе толико же не оспоримо, колико оно естественно. Это правда скажутъ мнѣ, но намъ невозможно обойтися безъ словъ иностранныхъ, а сіе доказывается и тѣмъ уже, что наши лучшіе сочинители не могли не употреблять ихъ для объясненія своихъ мыслей и тѣхъ вещей, которымъ не находили они въ своемъ языкѣ равнозначущихъ словъ иностранному названію. Я согласенъ; но для чего не желать вникнуть въ причину таковаго употребленія? Для чего не хотѣть подражать имъ и не стараться о уменшеніи въ нарѣчіи нашемъ чужеязычія, и естьли можно, о совершенномъ онаго истребленіи? Для чего не стремиться узнать, что таковое заимственное употребленіе словъ чуждыхъ, было, какъ бы условное и временное, и долженствующее быть отнесено болѣе къ внезапнымъ обстоятельствамъ, нежели къ существенному языка недостатку? Сколько словъ иноплеменныхъ Кантемиръ замѣнилъ природными? Ломоносовъ и Сумароковъ ему послѣдовали, и силою своего знанія нарочито убавили ихъ: но всѣхъ истребить не могли они; ибо не въ семъ состояло главное ихъ упражненіе; и естьли они не все чужеязычное племя изгнали отъ среды языка своего, то оставили намъ свои желанія, убѣждающія насъ послѣдовать имъ, и свои мнѣнія, какъ произвесть сіе въ дѣло. Такъ-ли мы поступили? Мы не токмо сего не сдѣлали, но внесли еще множество словъ чужестранныхъ, другимъ дали только звуки природныхъ, а составленіе чужеземное, и цѣлыя рѣчи стали сочинять по чужимъ языкамъ. Для чегоже и ссылаться на нихъ? Не для того ли дабы неискусныхъ въ своемъ словѣ и неопытныхъ въ умствованіи, удобнѣе чрезъ то уловить въ свои сѣти? Не читая лучшихъ нашихъ писателей, а вѣря словамъ и занимаяся чтеніемъ книгъ нововводителей чужеязычія, они не вѣдаютъ первыхъ ни мнѣній, ни разсужденій, ни трудовъ, какія прилагали они къ очищенію своего языка, ни всѣхъ трудностей, какія для сего превозмогать имъ надлежало. Какъ не уловить таковыхъ читателей тѣмъ болѣе, что они вдаваяся въ чтеніе книгъ новѣйшихъ, пріучили себя и разсуждать и мыслить по онымъ?

Но естьли бы и возможно было замѣнить нѣкоторые слова иностранные нынѣ употребляемые, своими собственными, возразятъ мнѣ, то останется еще непреодолимая трудность съ выраженіями искуственными; а допустя сіе, мы все не очистимъ языка своего; и принуждены будемъ, или во все не вносить сихъ словъ въ словесныя науки, и ограничить чрезъ то наши понятія, и лишить словесность нашу силы и многихъ красотъ, какія сообщаются ей употребленіемъ словъ въ заимственномъ ихъ смыслѣ изъ наукъ и художествъ: или испещрять ее ими, буде дозволимъ себѣ вносить оныя для распространенія нашихъ умствованій и мыслей: ибо всѣ науки суть родныя между собою сестры, и должны одна другой подавать взаимную помощь и пользу. Сіе весьма справедливо; да кто сказалъ вамъ, чтобы и всѣхъ художественныхъ и ученыхъ выраженій не льзя было сдѣлать Русскими? Приложите только свое стараніе и все пойдетъ какъ должно. (15) Сколько иностранныхъ словъ было у насъ по сей части? Но теперь онѣ гораздо убавились. Ломоносовъ, Румовскій, Шишковъ, и другіе ученые мужи, соединявшие съ искуствомъ своимъ глубокое познаніе въ словесности, побѣдили отчасти сію трудность. Сдѣлаемъ и мы тоже; да всякой изъ насъ принесетъ нѣчто отъ даровъ своихъ, и языкъ нашъ обогатится. Вдругъ ничего не дѣлается. Всего же труднѣе начало. Первый начинаетъ что нибудь дѣлать какъ бы во макѣ, принимается за все, какъ говорится, ощупью; другой послѣдуетъ ему смѣлѣе, и такъ далѣе, пока многіе уже соединяся вмѣстѣ, довершатъ успѣшно начатое дѣло. Такъ точно бываетъ и съ словами. Одинъ прибавитъ слово, другой распространитъ его знаменованіе и приложитъ еще новыя; третій, пользуясь ихъ проницаніемъ, сдѣлается зорче; станетъ продолжать ихъ открытія, разширитъ мысли, обогатитъ понятія, и такимъ образомъ облегчитъ путь тѣмъ, кои послѣдуютъ ему въ семъ достохвальномъ поприще. Сими средствами приводятся къ совершенству науки! Такъ только освояются онѣ въ землѣ, возпріемлющей ихъ въ свои нѣдра! Но дабы онѣ сдѣлались, какъ бы домашними, надлежитъ быть глубокому познанію во всемъ до нихъ принадлежащемъ. Тогда только процвѣтать

онѣ станутъ. Потребно, чтобы художникъ, желающій составить Русское слово, зналъ хорошо языкъ свой, а не полагался на одно знаніе своего искуства.

Учитесь у иностранцевъ; у нихъ и ремесленники, не токмо знаменитые художники, обладали какъ ученые языкомъ своимъ; отъ чего и названія, даваемыя ими какому нибудь орудію, или, вещи удержали свою силу и были приняты съ похвалою Академіями. Сверьхъ того ученѣйшіе Мужи во Франціи прилагали сами къ тому всевозможное стараніе; не щадили ни трудовъ своихъ, ни издержекъ для толь великаго дѣла, принесшаго имъ толико же чести колико пользы ихъ отечеству, имѣвшему отъ сего то преимущество, что всѣ народы предпочли языкъ Французской всякому другому, и даже своему собственному, естьли бы въ иныхъ странахъ, какъ то въ Англіи, любовь къ отечеству не воспротивилася его успѣху. Вотъ что говоритъ знаменитый Д' Аламбертъ въ предварительномъ своемъ разсужденіи объ Енциклопедіи. "Много писали о знаніяхъ: не „довольно хорошо писали о наукахъ словесныхъ: „почти ничего не писали о наукахъ механическихъ; „ибо все то, что писали о нихъ такъ маловажно, „что оное почти ни чего не значитъ въ сравненіи „съ обширностью и плодовитостью содержанія „оныхъ. Между писавшими о нихъ, иной не доволь„но былъ свѣдущъ въ томъ, о чемъ говорить хо„тѣлъ, и сею неудачею далъ лишь почувствовать „недостатокъ въ лучшемъ сего рода сочиненіи. „Другой коснувшися слегка содержанія, писалъ о ней „больше какъ словоискусникъ и ученой, нежели какъ „художникъ. Тотъ хотя писалъ плодовитѣе и сход„нѣе съ языкомъ мастероваго человѣка, но изъяснял„ся такъ коротко, что работы художниковъ и опи„саніе ихъ машинъ составляютъ у него весьма ма„лую часть, а сіе одно могло бы составить великія „книги. Показавъ сего недостатокъ, продолжаетъ „онъ:" Мы совѣтывались съ искуснѣйшими по сей „части людьми въ Парижѣ и во всемъ государствѣ; „ходили въ мастерскія ихъ избы, гдѣ ихъ обовсемъ „распрашивали, писали по ихъ сказанію, соображали „ихъ мысли, выводили изъ нихъ слова свойственныя „ихъ ремесламъ, дѣлали имъ исчисленіе, описывали „ихъ, разговаривали съ тѣми, отъ коихъ получали

„записки, и по предосторожности почти не обходи-„мой, въ долгихъ и частыхъ разговорахъ съ одни-„ми поправляли то, что другіе изъясняли намъ не-„совершенно, темно, а иногда и невѣрно.„ Далѣе говоритъ онъ: "Но есть ремесла столь особенныя, „и рукодѣлія столь хитрыя и замысловатыя, что „если не будешъ самъ около ихъ работать, дви-„гать машину собственными своими руками, и не „увидишь, какъ работа идетъ, своими собственны-„ми глазами, то трудно говорить о нихъ съ точно-„стію. По чему не однократно надлежало доставать „себѣ машины, строить ихъ, и прилагать свои ру-„ки къ дѣлу; дѣлать себя, такъ сказать, учениками, „и самимъ производить сперва худыя работы, да-„бы потомъ другихъ научить, какъ дѣлать хоро-„шія.„

„И такимъ образомъ увѣрились мы о незнаніи „нашемъ въ разсужденіи большой части предмѣтовъ „жизни, и сколь трудно выйти изъ сего незнанія. „Симъ способомъ сдѣлались мы въ состояніи дока-„зать, что ученой человѣкъ гораздо знающій свой „языкъ не знаетъ и двадцатой части словъ его; „что хотя всякое художество имѣетъ свой языкъ, „но сей языкъ есть весьма несовершенъ; что ху-„дожники разумѣютъ другъ друга по привычкѣ, и „взаимнымъ обращеніемъ между собою, и больше по „обстоятельствамъ и случаямъ, нежели по упот-„ребленію словъ. Въ мастерскихъ избахъ говоритъ „время, а не художникъ.„ . . . .

Вотъ примѣръ достойный нашего подражанія, сему должны мы учиться, а не браться не знаючи за дѣло, и потомъ говорить, что языкъ бѣденъ. Не будь самъ только бѣденъ въ писаніяхъ и въ искусствѣ того, о чемъ говорить хочешъ, то языкъ никогда не покажется тебѣ бѣднымъ. Конечно, естьли студентъ примится переводить книгу, въ которой множество художественныхъ и ему непонятныхъ словъ, а при томъ и въ своемъ языкѣ не довольно будетъ свѣдущъ, то онъ прибѣгнетъ къ легчайшему способу, то есть, станетъ ихъ ставить такъ, какъ они на Французскомъ. Какая ему нужда, что его разумѣть не будутъ? Большая разность между тѣмъ, кто трудится изъ ежедневнаго пропитанія и въ корысть книгопродавцу, и тѣмъ, кто работаетъ для своей славы и пользы отечества.

Переводчикъ морскаго искуства, чувствуя затрудненія въ преложеніи морскихъ словъ, не сказалъ, не возможно ихъ перевесть и для того поставлю такъ, какъ онѣ называются по Французски, но подражалъ въ томъ Дидероту и Д' Аламберту. "О многихъ „не извѣстныхъ мнѣ названіяхъ и вещахъ, говоритъ онъ, долженъ я былъ справляться и распрашивать того мастерства и званія людей, или доходить собственнымъ своимъ разсужденіемъ.„

Показавъ, сколь нужно вездѣ знаніе языка своего, не безполезно будетъ обратить взоры свои на отечество наше, и разыскать, почему просвѣщеніе въ немъ имѣло столь медленные успѣхи. Живя долгое время въ щастливой простотѣ, Русскіе упражнялися въ земледѣліи, приносящемъ существенное благо отечеству, коего необъятное пространство, а малое число жителей, прекятствовали имъ обратить свое вниманіе на пріятныя упражненія. Потомъ обураевамы внутренними раздорами и домашними неустройствами, и терзаемы внѣшними своими врагами, они также не имѣли времени пещися о выгодахъ и успѣхахъ въ наукахъ какія видимъ въ государствахъ спокойныхъ и многолюдныхъ. Не о наукахъ помышлять имъ было, но о спасеніи своего нещастнаго отечества; и се поистиннѣ есть первая изъ всѣхъ на земли наука! Надлежало имъ востановлять грады, иноплеменниками раззоренные; сооружать храмы низпровергнутые нечестивыми; населять нивы потребленныя врагами; благоустроить законы раздорами и мятежемъ потрясенные; утвердить власть уничтоженную или ослабленную междоусобными несогласіями; согласить умы обуявшіе властолюбіемъ; оградить безопасность предѣловъ отъ вторженія непріязненныхъ Россіи народовъ: надлежало спасти Россію, затворить глубокія ее раны источавшія кровь сыновъ ея; надлежало укрѣпить ея въ силахъ изнеможенную; унывающей возвратить духъ бодрости, отчаянной отдать ея надежды, соединить прящіяся стороны и приложить отторгнутыя части къ отеческому достоянію. Словомъ надлежало воскресить отечество. Посреди-ли сихъ обстоятельствъ помышлять было о введеніи наукъ и художествъ? Уже-ли Россіяне виновны, что не могли съ другими народами сравняться въ познаніяхъ? Однако по мѣрѣ того какъ побѣды ихъ ору-

жія, слѣдствія безприкладнаго ихъ мужества, водворяли между ими спокойствіе, тишину и безопасность, когда страхи мало по малу изчезать стали, а взаимное довѣріе и надежды заступать ихъ мѣсто, когда утвердившееся правительство прекратило народныя свары и своимъ благоразуміемъ отвратило новыя напасти, тогда и лучи познанія изъ затучь сихъ бѣдствій блеснули на землю Русскую; и тогда же изъ нѣдръ ея изникъ нѣжный злакъ наукъ, прообразуя въ себѣ то древо, коего плоды долженствуютъ нѣкогда усладить позднихъ сыновъ Россіи. Надлежало только сберегать сіе восходящее растѣніе познаній; предоставить времени и самой природѣ лелѣять, питать, улучнять и приводить оное къ зрѣлости; не останавливать и не ускорять его росту. Время начавшее приводить все на свое мѣсто, привело бы и всѣ ожиданія наши къ желанному концу. Съ благоустройствомъ государства и размноженіемъ народа распространилися бы и общественныя нужды, а сіи заставили бы насъ вскорѣ почувствовать то, чего недоставало бы намъ; и вотъ то состояніе, которое, ежели его почувствуютъ, облегчаетъ и сокращаетъ путь къ просвѣщенію. Тогда разумъ, отвсюду подстрекаемый, дѣйствуетъ со всею силою, обращаетъ всѣ свои способности въ дѣло, бодрствуетъ въ трудахъ неусыпно, и отъ одного изобрѣтенія приходитъ къ другому. Предоставьте самому народу шествовать къ сему состоянію, или лучше сказать, предоставьте его нуждамъ руководствовать имъ. Правительству остается только вспомоществовать ему удаленіемъ отъ него всѣхъ препятствій и обстоятельствъ, кои могли бы остановить его успѣхи: ибо всякое нетерпѣніе со стороны правительства пагубно для возникающаго просвѣщенія. Лучше оставить народъ въ такомъ состояніи, въ какомъ на тотъ разъ онъ есть, нежели спѣшить введеніемъ повсемѣстнаго просвѣщенія, когда онъ ни какой еще потребности въ ономъ не ощущаетъ. Все, что правительство для сего ни учинитъ, ни къ чему болѣе не послужитъ, какъ токмо къ минутному блеску наукъ, и къ скорѣйшему потомъ развращенію въ нравахъ, съ паденіемъ которыхъ и онѣ погибаютъ. Такъ, я повторяю, что надлежало прежде почувствовать было недостатокъ въ просвѣщеніи, и

сіе самое произвело бы несравненно болѣе успѣха, чѣмъ всѣ побужденія и награды, раздаваемыя для сего правительствомъ, которыя такъ рѣдко бываютъ справедливы и дѣятельны равно во всякое время. Русскіе были близки къ тому, дабы почувствовать недостатокъ свой. Воинскія добродѣтели требовали новыхъ добродѣтелей, даруемыхъ просвѣщеніемъ. Слѣдственно, надлежало только ожидать постепеннаго дѣйствія природы и стеченія благопріятствующихъ причинъ и обстоятельствъ, которыя разверзая мало по малу душевныя способности, не чувствительнымъ образомъ вели бы умы Россіянъ къ зрѣлости, да науки во время дадутъ плодъ свой. Тогда бы съ возниченіемъ ихъ дарованій, познанія утверждались бы болѣе и болѣе.

„Можетъ быть, говоритъ Гюмъ, не столь полезно будетъ для народа, когда науки перенесутся къ нему во всѣмъ совершенствѣ отъ народа сосѣдственнаго: ибо сіе можетъ потушить въ немъ соревнованіе, и умалить ревность въ благородныхъ юношахъ. Такимъ образомъ многіе превосходные образцы Италіанской живописи, вмѣсто того чтобы возбудить нашихъ художниковъ, сдѣлались причиною, отъ чего благородное сіе искуство имѣло столь мало между нами успѣха. Таже самая причина, можетъ быть, дѣйствовала и въ Римѣ, когда науки перешли въ него изъ Греціи. Множество прекрасныхъ на Французскомъ языкѣ твореній, разсѣянныхъ по всей Германіи и Сѣверу, отвлекаютъ сихъ народовъ отъ упражненія въ ихъ собственномъ языкѣ, и въ разсужденіи сихъ пріятныхъ занятій по нынѣ содержатъ ихъ въ зависимости у ихъ сосѣда.„

Государства растутъ подобно людямъ. Природа дѣйствуетъ вездѣ одинакими средствами, и не для кого ихъ не перемѣняетъ. Перемѣнять же ихъ, значитъ нарушать ихъ порядокъ: но всякое такое нарушеніе влечетъ за собою наказаніе. Тщетно человѣкъ, сіе бѣдное созданіе, мнитъ производить великія дѣла тогда, когда не дано ему иныхъ способовъ, кромѣ весьма тѣсныхъ и скудныхъ. Ослѣпленный мгновенными успѣхами, онъ чаетъ, что уже побѣдилъ самое природу; а не вѣдаетъ того, что его торжество есть семя будущихъ напастей, начало разрушенія воздвигнутой имъ на зыбкомъ осно-

ваніи храмины, первое звено послѣдующихъ злоключеній. По нещастію люди обыкли называть того великимъ, кто все до него бывшее разрушаетъ, низпровергаетъ, искореняетъ; созидаетъ все вновь, изумляетъ безконечными своими предпріятіями, послѣдуемыми одно другому несравненно съ бóльшею быстротою, чѣмъ одно мгновеніе послѣдуетъ другому, чѣмъ вихрь успѣваетъ за вихремъ. Въ семъ общемъ сокрушеніи все валится, подавляетъ; люди гибнутъ, но ихъ вопли заглушаются шумомъ, трескомъ и смятеніемъ перемѣнъ внезапныхъ. Новыя поколенія раждаются, привыкаютъ къ новымъ постановленіямъ, и по мѣрѣ того, какъ онѣ удаляются отъ временъ и учрежденій своихъ предковъ, онѣ отвыкаютъ отъ нихъ, чуждаются ихъ; и чѣмъ болѣе произойдетъ между прежними и послѣдующими обычаями разности, тѣмъ чуднѣе и страннѣе первые покажутся. Не соображаяся ни съ здравымъ смысломъ, ни съ разумомъ и обстоятельствами того вѣка, люди судятъ по одной привычкѣ и судятъ всегда пристрастно; то есть, охуждаютъ все старое, а все новое похваляютъ, и ни въ чемъ не наблюдаютъ мѣры. Тогда преобразитель сей кажется имъ Богомъ, коего простертое на великое пространство сіяніе, являетъ безпредѣльное разстояніе, раздѣляющее его отъ его предковъ, въ видѣ тѣней заключающихъ собою сіяніе его, теряющееся своими концами въ ихъ мрачности. Надобно пройти многому времени, чтобъ иступленіе сіе миновалось, а разсудокъ пріялъ свое дѣйствіе. Можетъ быть придетъ то время, когда Русскіе воспомянутъ лѣта древнія и отдадутъ справедливоть своимъ предкамъ, а особливо своимъ Государямъ, которые во всѣхъ своихъ дѣлахъ согласуяся съ народными нуждами, дѣйствовали всегда медленно и непримѣтно, предоставляя своимъ преемникамъ довершать начатое и продолженное ими дѣло.

Не надлежало бы называть нашихъ предковъ невѣжами, но взять во уваженіе ихъ бѣдствія; и судить о способностяхъ ихъ не потому, какими они быть намъ кажутся, но какими они показали себя на самомъ опытѣ. Пусть покажутъ намъ хотя одно государство, которое, послѣ толикихъ раззореній, и едва избавившееся отъ тяжкаго ига, но не преставшее быть обуреваемо внѣшними и внутрен-

ними врагами, явило бы вдругъ во всѣхъ состоянiяхъ и въ самое бѣдственное для себя положенiе, толикое число мужей знаменитыхъ, избавителей своего отечества. Сихъ - ли людей назовемъ невѣжами потому только, что они суетныхъ наукъ невѣдали. Наука ихъ была спасать отечество, а добродѣтель не алкать беззаконно верховной власти. И къ чему служитъ наше просвѣщенiе, когда оно и столько не научаетъ насъ, чтобы почувствовать добродѣтели отцевъ своихъ? Другiе государства спасалися, но они спасалися не отъ тяжкаго и толь продолжительнаго ига, каково было Россiи; они спасалися силою своихъ однихъ воиновъ всегда достаточно даваемыхъ народомъ: но изнуренная, разграбленная, опустошенная Россiя, не токмо терпѣла недостатокъ въ воинахъ, но даже и въ самомъ народѣ; и естьли бы не каждый гражданинъ рѣшился положить животъ свой за отечество, то бы Россiя не могла спастися: но естьли она спаслася, то симъ обязана единственно добродѣтели каждаго изъ сыновъ ея: ибо каждый земледѣлъ, слуга, ремесленникъ, купецъ, дворянинъ, бѣлецъ и черноризецъ сдѣлался воиномъ; и колико было тогда во всей Россiи душъ, толико стало непобѣдимыхъ героевъ. Въ сiи то времена, можно сказать съ Тацитомъ, "великiе „люди, непоколебимые во всѣхъ напастяхъ, сноси„ли и оставляли жизнь свою съ мужествомъ, достой„нымъ нашихъ предковъ.„

Простительно иностранцамъ судить о насъ несправедливо, принимая цвѣтущее свое состоянiе въ сравненiе съ нашимъ: но не простительно Русскимъ. Естьли бы Русскiе осталися въ спокойномъ положенiи, то съ приращенiемъ свѣта наукъ, возросталъ бы и свѣтъ ихъ познанiй, чему и начало уже было. Сему правилу послѣдовали какъ кажется и Государи наши до ПЕТРА перваго. Они вводили просвѣщенiе мало по малу какъ будто соображаяся съ обстоятельствами и нуждами народными, довольствуяся пока одними гражданскими добродѣтелями своего народа. Кажется они вознамѣрились только содѣйствовать сему, а времени предоставляли распространить науки въ ихъ отечествѣ. Не говоря о многихъ духовныхъ сочиненiяхъ, исполненныхъ важности и прiятности слога, мы видимъ уже и въ *Исторiи о Скиѳахъ*, сочиненiя Лизлова, слогъ прiят-

ный, плавный и незаимственный; вездѣ примѣтно желаніе сочинителево объясняться Русскими словами; вездѣ давалъ онъ слову знаменованіе весьма близкое къ понятію. Мало по малу все пришло бы къ намъ своей чредою. Но ПЕТРУ Великому показалось, что долго будетъ ожидать того, пока время сіе наступитъ само собою. Онъ хотѣлъ ускорить временемъ, повелѣть обстоятельствами и восторжествовать надъ самою природою. Великъ во всемъ, онъ желалъ быть равно великимъ и въ семъ случаѣ; преобразивъ Россію, онъ хотѣлъ преобразить и умы Россіянъ. Дѣйствуя всюду самовластно, онъ горѣлъ желаніемъ произвесть то, чего ни какой Государь не производилъ никогда. Созидая на болотахъ новый градъ, онъ думалъ создать изъ ничего науки и водворить ихъ въ своихъ предѣлахъ. Іисусъ Навинъ рекъ солнцу, стой! и оно стало: ПЕТРЪ-же рекъ ему, востеки и оно востекло. Но что-же изъ того вышло? Не привыкшіе къ такому яркому свѣту умные взоры Россіянъ, болѣе пострадали отъ толь внезапнаго сіянія, нежели пользы получили. Надлежало бы имъ дать укрѣпиться сначала возраждающимся тихимъ свѣтомъ, а потомъ постепеннымъ онаго приращеніемъ, дабы встрѣтить уже свѣтило, также мало по малу облекающееся въ лучезарную свою ризу велелѣпія. Но оставимъ языкъ иносказательный. Россіяне удивленные обширными знаніями другихъ народовъ, не знали за что имъ приняться. Тогда то они почувствовали ихъ богатство а свою бѣдность. Въ семъ невольномъ изумленіи при воззрѣніи на толикое множество вещей для нихъ новыхъ, они на то приходили въ память, чтобы съ жадностію на все бросаться; но и въ семъ разѣ бываетъ тоже, что съ желудкомъ, къ крайнему вреду своему, жадно пожирающимъ все то, что ему ни попадается: несвареніе не токмо не обращаетъ пищи къ подкрѣпленью здоровья, но совершенно его повреждаетъ.

Предки наши обремененные вдругъ такимъ множествомъ вещей и новыхъ понятій, не зная съ чего начать и за что приняться, не могли, кажется, разсуждать въ семъ замѣшательствѣ своихъ чувствій и предалися слѣпо увлекающей ихъ силѣ. Вмѣсто того, чтобы дать свободу уму своему и начать умствовать, они стали подражать: ибо

способъ сей всегда былъ самымъ легкимъ и заманчивымъ для тѣхъ, у коихъ разсудокъ оставался въ недѣйствіи. Въ сіе то время иностранныя слова входили кучами въ языкъ нашъ. Лишася способности разсуждать, мы ничего инаго тогда не чувствовали, кромѣ бѣдности языка своего, и судили о немъ по сравненію съ тѣми, которые приведены были великими писателями въ нѣкое цвѣтущее состояніе. Да сіе весьма и естественно. Столько названій неизвѣстныхъ, столько словъ ученыхъ и художественныхъ, столько различныхъ наукъ, изъ коихъ каждая объемлетъ безчисленное множество предмѣтовъ до толѣ незнаемыхъ нашими предками. Все ихъ поражало, даже до наименованія бездѣльныхъ вещей, нарядовъ, украшеній, издѣлій; каждая малость затрудняла ихъ. Къ нещастію, и самые тѣ изъ Россіянъ, кои наиболѣе отличалися своими дарованіями въ словесности, не могли не увлечься всеобщимъ вихремъ повѣрья. Ѳеофанъ и Кантемиръ служатъ тому примѣрами: послѣднему однако мы обязаны за обогащеніе насъ нѣкоторыми щастливо имъ придуманными словами. — Спустя уже нѣкоторое время, когда Русскіе начали, такъ сказать, приходить въ себя, стали хладнокровнѣе судить о наукахъ, толико ихъ поразившихъ сначала; когда глаза ихъ познакомилися съ предмѣтами: они стали помышлять о замѣщеніи иностранныхъ словъ словами Русскими, которыя одолжены скорыми своим успѣхами искусному ихъ составленію. Однако сообщенное со всею силою первое движеніе подражанія продолжается еще по сіе время. Русской языкъ по нынѣ находится въ рабственномъ состояніи, и кажется намъ быть мертвымъ безъ примѣси чужаго. Но искусно придуманныя и составленныя слова, довольно убѣждаютъ насъ, что не языкъ причиною, что мы приняли столько словъ иностранныхъ, а неразумѣніе наше; и что онъ всегда богатъ былъ для тѣхъ, кои умѣли имъ пользоваться и владѣть его оборотами; умѣли доходить до его корней, открывать чрезъ то силу словъ и пристойность ихъ употребленія, точность знаменованія въ прямомъ и въ иносказательномъ ихъ смыслѣ; умѣли вникать въ реченія, плѣняться ихъ краткостію и свойственностію и приличіемъ ихъ помѣще-

нія; умѣли постигать ихъ сладкозвучіе, разбирать красоты, придавать великолѣпную имъ важность или наряжать въ простоту пріятную.

Съ помощію сихъ любителей отечественной словесности мы истребили уже удачно нѣкоторыя не свойственныя языку нашему слова; что же мѣшаетъ намъ продолжать сіе дѣлать? (16) Будемъ только сами искусны въ словѣ своемъ, и словесность разверзетъ намъ свои сокровища. Естьли бы наши предшественники старались всѣ безъ изъятія о уничтоженіи словъ иностранныхъ; то, можетъ быть, языкъ нашъ былъ бы уже совершенно отъ нихъ очищенъ. Также ежели бы они оставили незамѣщенными тѣ иностранныя слова, которыя замѣнены теперь Русскими, то бы мы и того еще болѣе затрурнялись въ выраженіи своихъ мыслей. Какое же безуміе вводить тогда чужеземныя слова, когда ничего болѣе не оставалосв бы намъ, какъ истребить оставшіяся. Для сего стоитъ намъ захотѣть, съ хотѣніемъ родится ревность, съ ревностію любовь, а съ нею изчезнутъ и всѣ препятствія, удерживающія насъ по нынѣ отъ сего похвальнаго дѣла; тогда и языкъ нашъ очистится. Иностранцы почтутъ похвальное наше рвеніе о пользахъ отечества, и научатся уважать насъ. Науки процвѣтутъ когда языкъ приведется въ совершенство, и покажутъ свѣту, что россы умѣютъ побѣждать оружіемъ, а царствовать языкомъ. Ибо то истинно, что безъ утвержденія своего языка, науки процвѣтать не могутъ; безъ познанія онаго, онѣ уподобляются тѣмъ древамъ, которыхъ хотятъ заставить расти на землѣ имъ несвойственной. Да будетъ земля сія языкъ нашъ искусными людьми образованный. Чего-же мы колеблемся, о чемъ сумнѣваемся, что удерживаетъ насъ и что препятствуетъ? Мы не однократно спасали свое отечество, спасемъ нынѣ языкъ свой. Или мы думаемъ, что можно любить отечество не любя языка своего? Но куда завлекло меня мое рвеніе и любовь къ отечеству? Я долженъ здѣсь оставить сіи размышленія, единственно въ ободреніе моихъ соотечественниковъ возродившіяся во мнѣ, и продолжать мои разсужденія о языкѣ нашемъ.

Тщетно сочинитель книги о старомъ и новомъ слогѣ преставлялъ намъ, что мы весьма удобно мо

жемъ почти всѣ иностранныя слова замѣщать своими, тщетно показалъ онъ намъ богатство и великолѣпіе языка природнаго: мы хотимъ непремѣнно вводить чужеязычіе, безъ коего, по словамъ нынѣшнихъ нашихъ писателей, онъ обойтись неможетъ, какъ и достигнуть до совершенства. Станемъ подражать, кричатъ они, народамъ просвѣщеннымъ. Французы, Италіанцы, Англичане, Нѣмцы всѣ заимствовали другъ отъ друга красоты своихъ языковъ, и чрезъ то усовершенствовали оные. Пусть скажутъ намъ прежде весьли языкъ они уничтожить хотятъ, или что нибудь изъ него оставятъ хотя изъ жалости? Но то или другое вы сдѣлать вознамѣритесь, скажите намъ только, какое чужое нарѣчіе избрать вы-бы хотѣли? Или не намѣрены ли вы смѣшать многія вмѣстѣ смотря, кто какому изъ васъ наученъ, или кто къ какому изъ мала пристрастился? Но увлекаемые всегда привычками, не уподобимся ли мы тѣмъ слабымъ биліямъ, коихъ вѣтры наклоняютъ во всѣ стороны дотолѣ, пока исторгнутъ ихъ съ корнемъ. Привычка, говорятъ, есть другая природа, и это довольно справедливо: (17) но разумъ не всегда соглашается съ нею, и часто онъ противится тому, что привычка одобряетъ, поелику лѣность ее питаетъ. Люди рѣдко слѣдуютъ наставленіямъ разума и часто порабощаются своимъ привычкамъ. Сею-то привычкою управляются и наши нынѣшніе писатели, которые навыкъ слуха принимаютъ за внушенія разума: такъ точно, какъ щеголи принимаютъ то за самый отборный вкусъ, къ чему ихъ глаза привыкли. Первыми управляетъ слухъ, а глаза послѣдними, хотя и тѣ и другія думаютъ, что они дѣйствуютъ по разсудку; а этотъ разсудокъ такой, что естьли станутъ всѣ носить платье другова покроя, то привыкнувъ опять къ сему, имъ покажется смѣшнымъ первое, которое они же сами называли прежде превосходнымъ, одобреннымъ разсудкомъ. Так и же разумъ выйдетъ и у тѣхъ, которые принимаютъ за него то, что льститъ ихъ слуху. Но поступать такимъ образомъ прилично только дѣтямъ; сверьхъ того, естьли позволить себѣ перемѣнять языкъ въ угодность слуха вскорѣ послѣ временъ Ломоносова и Сумарокова, когда довольно еще живетъ людей, которые ихъ помнятъ и знали въ лице, то кто за-

претитЪ послѣдователямЪ вашимЪ поступить также, и вашЪ языкЪ назвать не лѣпымЪ и страннымЪ, а потому заслуживающимЪ истребленія: признайтеся, что они поступятЪ справедливѣе, нежели вы.

Легко также можетЪ случиться что и вЪ другихЪ ГосударствахЪ языки измѣнятся, и они учася имЪ сдѣлаютЪ кЪ нимЪ привычку, такЪ точно, какЪ вы привыкли кЪ иностраннымЪ нарѣчіямЪ нашего времени; а сЪ привычкою кЪ нимЪ они пристрастятся до того, что захотятЪ также обогатить ими природной языкЪ свой, вами отЪ корней словЪ его удаленный и потому для нихЪ еще болѣе невразумительный. Естьли вы не умѣли утвердить языка своего на коренныхЪ его словахЪ, то какЪ вы, или ваши послѣдователи, утвердятЪ его безЪ оныхЪ? И естьли языкЪ Ломоносова не показался вамЪ достойнымЪ пощады, то вашЪ ли пощадитЪ кто? ВпрочемЪ, когда васЪ разумѣть не будутЪ, то это не великая потеря для потомства; а естьли Ломоносова, то они потеряютЪ много: ибо Ломоносовы родятся вѣками. Видите-ли до чего могутЪ довести ваши умствованія! мы будемЪ вѣчно безЪ языка, и вѣчно ни чему не научимся. Ибо языкЪ есть только орудіемЪ изъясненія; а слова изЪ коихЪ состоитЪ онЪ, суть токмо наружные знаки, объясняющіе наши мысли, и становятся условными. Память наша раздробляяся на столько частей, сколько словЪ быть можетЪ, сообщаетЪ имЪ нѣчто отЪ своего свойства, и каждое слово чрезЪ таковое содѣйствіе памяти получаетЪ свое особенное и прочное наименованіе, сЪ произношеніемЪ котораго, память наша поражается, и вЪ мгновеніе представляетЪ себѣ ту вещь, которую она означила тѣмЪ словомЪ. Тогда то сходство словЪ имѣетЪ всю свою пользу; примѣтное ихЪ одно изЪ другаго происхожденіе, сцѣпленіе, разширеніе, облегчаетЪ нашу память; ускоряетЪ наши знанія, способствуетЪ дѣйствіямЪ разума и провождаетЪ надежно кЪ истиннѣ: ибо (да позволятЪ мнѣ сіе уподобленіе) языкЪ дѣлается тогда огромнымЪ свиткомЪ, на которомЪ слова какЪ знаменательныя знаки, показываютЪ послѣдующимЪ однѣ за другими племенамЪ успѣхи предковЪ ихЪ, да не теряютЪ они безполезно времени на то, что уже прежде ихЪ было сдѣлано, но поступаютЪ далѣе кЪ новымЪ открытіямЪ. Сіе

свидѣтельствуетъ намъ дѣесловіе, показывающее, что когда какой народъ сокрушалъ у другова сей свитокъ, то есть, когда истреблялъ языкъ его, тогда онъ лишаяся вмѣстилища своихъ познаній, многими вѣками и трудами собранныхъ, впадалъ въ невѣжество, и токмо многими опять усиліями и стараніями возобновлялъ ихъ.

Статься можетъ,что мы потому только и не имѣемъ у себя памятниковъ словесности нашей до Владимира, что перемѣнили свои буквы. Христіане не захотѣли обременить себя трудомъ, чтобы хотя нѣкоторыя лучшія произведенія язычниковъ переложить новыми буквами и тѣмъ сохранить ихъ память въ народѣ. Старыя буквы стали приходить мало по малу въ забвеніе, а междуусобныя войны Русскихъ людей и во все отняло охоту заниматься не токмо древнею, но и тогдашняго времени словесностію: ибо быть не можетъ, чтобы Новгородъ не имѣлъ своихъ писателей въ свое цвѣтущее время, когда онъ обратилъ на себя вниманіе чужеземныхъ народовъ. Вотъ что значитъ, перемѣнять языкъ свой; то есть, впадать всегда въ невѣжество, и выходить изъ онаго на краткое время, и то на сей конецъ, чтобы опять въ него погрузиться: н а стоитъ-ли сіе краткое время тѣхъ чрезвычайныхъ государственныхъ издержекъ, какія на минутный блескъ познаній употребляются, тѣхъ не помѣрныхъ трудовъ какіе прилагаются для собранія оныхъ, тѣхъ, можетъ быть, напастей, кои постигаютъ людей частныхъ, когда они возносятъ гласъ свой на произнесеніе истинны, и тѣхъ бѣдствій, какія поражаютъ цѣлыя народы и поколѣнія, когда злодѣи возжигаютъ отъ ихъ огня свои убивственные свѣтильники для ослѣпленія черни гибельными мечтами!

Вѣчно начинать учиться языку своему. Когдаже займемся мы ученіемъ другихъ наукъ, которыхъ не льзя начать, или покрайней мѣрѣ продолжать не утвердя на передъ языка своего? Не ужели вы желаете сего вашему отечеству? Нѣтъ я не могу тому повѣрить, и скорѣе признаю сіе желаніе ваше заблужденіемъ, отъ коего отстать, безъ сомнѣнія, вы поспѣшите, за тѣмъ, что оно не дѣлаетъ ни какой вамъ чести; нежели соглашуся на то, что сіе было умышленнымъ предначертаніемъ разума и преступнымъ порывомъ вашего сердца.

Показавъ до чего могутъ довести насъ ваши правила, о которыхъ прежде вы конечно не подумали, позвольте теперь заглянуть съ вами въ исторію языковъ. Вы говорите, что Французы, Агличане, Италіанцы перемѣняли языки свои; слѣдственно, по вашему мнѣнію, сего уже довольно, дабы убѣдить насъ, что отъ сего лишь пріобрѣли они свои познанія, и что и намъ подобно имъ поступить должно. Но уже ли вы не знаете, что Латинскій процвѣталъ въ то время, когда Римляне имѣли свое отечество; но они пришли въ упадокъ отъ нашедшихъ на нихъ съ сѣвера народовъ, принесшихъ къ нимъ съ собою свои обычаи, нравы, и даже свои постановленія кои, будучи варварами и чувствуя свое превосходство по числу побѣдъ надъ Римлянами одержанныхъ, подчинили ихъ своимъ законамъ и смѣшали грубое свое нарѣчіе съ согласнымъ и пріятнымъ языкомъ Италіи. Вотъ, какъ Римляне, а равно и Греки, перемѣнили языкъ свой, съ перемѣною котораго пришли потомъ и сами въ невѣжество. Не забудьте также, что тоже самое почти сдѣлалося и съ нашими предками, когда злобный родъ Агарянъ нашелъ на ихъ земли; и естьли языкъ нашъ не со всѣмъ еще перемѣнился, то сіе отнести можно къ страху и опасенію татаръ, боявшихся жестокимъ своимъ угнѣтеніемъ возбудить общее негодованіе и заставить всѣхъ Россіянъ прибѣгнуть къ отчаянію, къ сему послѣднему и часто весьма удачному и вѣрному средству для своего освобожденія. Благодареніе Творцу, мы избавились отъ поноснаго ига и сохранили языкъ свой. Для чего мы желаемъ быть татарами, и то, что уцѣлѣло отъ нихъ, какъ то языкъ нашъ, сокрушить стремимся? . . . Но я отступилъ отъ своего предмѣта; возвратимся къ Римлянамъ.

Мы видѣли, что Римляне перемѣнили языкъ свой по неволѣ; а не ради обогащенія его новыми словами и новыми познаніями: они не перемѣняли его пока сами были побѣдителями, а старалися еще ввести его между народовъ побѣжденныхъ. Тщетно Боецій и Симмакъ старалися поддержать языкъ Латинскій во времена Теодорика; варвары повсюду торжествовали, и языку надлежало наконецъ измѣниться. Тогда во всей Италіи, Франціи, Гишпаніи и Германіи сдѣлалося всеобщеніе смѣшеніе въ нравахъ

обычаяхъ, вѣрахъ и нарѣчіяхъ. Галлы, побѣжденные Франками, не на долго сохранили въ чистотѣ языкъ Латинскій.

Во времена Карла великаго и Лудовика благозрачнаго народный языкъ былъ Латинскій весьма измѣнившійся, который и назывался Romanum rusticum. Въ царствованіе Карла плѣшиваго, языкъ началъ составляться изъ Цельтскаго и Латинскаго, который и прозванъ langue romance, отъ чего и производятъ начало Романовъ, то есть, творенія на ново образовавшемся языкѣ написанныя. Языки Италіи и Франціи мало чемъ отличалися одинъ отъ другаго, пока наконецъ крестовые походы произвели въ нихъ ощутительную перемѣну. Особливо пребываніе Французовъ въ Греціи произвело довольно примѣтное въ ихъ нарѣчіи измѣненіе; плѣняясь красотами Греческаго языка, и прелестными мѣстами Греціи, которая и въ самыхъ развалинахъ своихъ казалася величественною и одушевленною присутствіемъ людей великихъ, толико ее въ разные времена прославившихъ, воображеніе Французовъ воспламѣнялося, сердце смягчалось какъ отъ воспоминанія среди великолѣпныхъ развалинъ о знаменитыхъ людяхъ, такъ и любовію въ объятіяхъ Гречанокъ, несравненно нѣжнѣйшихъ и болѣе просвѣщенныхъ, нежели Француженки.

Между тѣмъ, какъ всѣ находилися въ какомъ то онемѣніи, Италіанцы прежде всѣхъ начали помышлять о приведеніи въ правила языка своего. Дантъ вознамѣрился первый очистить его отъ нарѣчія Готѳскаго; но онъ не могъ успѣть въ семъ совершенно, почему Италіанцы съ трудомъ теперь разбираютъ его сочиненія: однако онъ имѣетъ ту славу, что первый положилъ основаніе нынѣ процвѣтающему языку Италіи. Дантъ жилъ въ такое время, когда смѣшеніе языковъ было слишкомъ велико; слѣдственно онъ и самъ не могъ понимать хорошо такаго языка который не могъ ему быть, такъ сказать, врожденнымъ. Въ сочиненіи своемъ vulgare illustre онъ выбиралъ изъ всѣхъ нарѣчій, бывшихъ тогда въ Италіи; и, какъ того и ожидать надлежало, обогатилъ оное преимущественно Тосканскимъ. Ему послѣдовали Петраркъ и Боккасъ, и хотя они подобно Данту, писали языкомъ народнымъ, но видя сего неустройства, и какъ бы не

довѣряя творческому своему дару, мнили вѣрнѣе передать потомству свое имя на языкѣ Латинскомъ, сохранившемся въ монастыряхъ и между учеными. Такова скромность людей истинно великихъ! Они забываютъ, что дарованія ихъ рѣшаютъ участи языковъ и народовъ, всегда послѣдующихъ тому направленію, какое имъ дастся умомъ творческимъ. Особливо сіе дѣйствіе всего сильнѣе оказывается при началѣ образованія народа или языка, или во времена уже ихъ паденія, когда къ щастію ихъ возникнетъ человѣкъ великій по своему уму и дарованіямъ. Почему и вышло противное мнѣнію Петраркa и Боккаса. Латинскія ихъ сочиненія никто болѣе не читаетъ, и Петраркова Африку едва ли кто теперь и знаетъ, между тѣмъ какъ всѣ и по нынѣ восхищаются его стихами къ Лаурѣ. Такимъ образомъ составился языкъ Италіанской. Намъ же подражать сему нѣтъ ни какой нужды, ибо давно освободилися отъ своихъ Готфовъ; и что одни дѣлаютъ по нуждѣ, не благоразумно другимъ подражать тому изъ доброй воли.

Испанскій языкъ измѣнился смѣшавшись тоже съ языкомъ Арабскимъ, между Испанцовъ тогда владычествовавшимъ. Важность и пышность Азіатская составляютъ его главное свойство. Аглинскій языкъ произошелъ также изъ нарѣчій побѣдителей Англіи. какъ то, Римлянъ, Саксонцевъ, Датчанъ и Французовъ.

И такъ всѣ они заимствуя сущность свою изъ одного Латинскаго языка приняли различныя составленія. Люди съ дарованіями установляли ихъ, и мало по малу доводили до совершенства. Скажите же, гдѣ и когда народы перемѣняли языки свои, нѣсколько вѣковъ уже существовавшія силою своего богатства и твердостію коренныхъ словъ своихъ? Когда сіи народы составляли языки свои, безсомнѣнія, они должны были брать слова отовсюду: ибо они никакого, такъ сказать, языка не имѣли. Время отъ времени появлялись люди съ творческими дарованіями; они стали писать на языкѣ своемъ, вникая сначала въ главныя его свойства; опредѣляли съ большею точностію знаменованіе нѣкоторыхъ словъ, другихъ распространяли смыслъ и чрезъ то мало по малу приводили въ порядокъ свое нарѣчіе, бывшее до нихъ въ смѣшеніи. Другіе по-

слѣдовали имъ и постепенно очищали и обогащали языкъ свой, отбрасывая все то, что было ему не свойственно. Когда послѣ множества толикихъ стараній и трудовъ языкъ придетъ въ цвѣтущее состояніе, тогда всякое желаніе ввести въ него перемѣну будетъ святотатствомъ и покажетъ паденіе онаго: ибо тогда всякой захочетъ быть его преобразителемъ и снискать себѣ чрезъ то славу. Вмѣсто того, что бы покорствовать единому разуму языка, они всѣ предадутся своевольству на истребленіе природнаго своего нарѣчія. Такое состояніе умовъ обнаруживаетъ одно поврежденіе вкуса: „а что развращаетъ вкусъ, говоритъ Волтеръ, то „развращаетъ въ послѣдствіи и языкъ. Часто со- „чиненія важныя дѣлаютъ умышленно забавнѣе и „употребляютъ низской слогъ тамъ, гдѣ говорит- „ся о высокомъ. Это похоже на то какъ бы Госу- „даря одѣть скомарохомъ." Дѣйствительно всѣ полагали вѣрными признаками паденія языка употребленіе словъ неприличныхъ и несвойственныхъ оборотовъ реченій; также изобрѣтеніе новыхъ словъ, удаленныхъ по своему понятію отъ истиннаго имъ корня. Справедливо говоритъ Попій:

Въ повѣрьи и словахъ, что брошено давно
Иль вымышлено вновь, уродливо равно.
На новыя слова не хвастай быть проворенъ,
И старыхъ совлещись стыдися быть упоренъ. (18)

Сочинитель о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка говоритъ также: „Я не утверждаю, „что должно писать точно Славенскимъ слогомъ, „но говорю, что Славенскій языкъ есть корень и „основаніе Россійскаго языка; онъ сообщаетъ ему „богатство. разумъ, силу, красоту" . . . . И въ другомъ мѣстѣ: „простой, средній и даже высокой „слогъ Россійской конечно не долженъ быть точной „Славенскій, однако же сей есть истинное основа- „ніе его, безъ котораго онъ не можетъ быть ни „силенъ, ни важенъ" . . . . Да и Сумароковъ сказалъ прежде:

Коль аще, точію, обычай истребилъ,
Что нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?

А что изъ старины по нынѣ не отмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно.
Не мни, чтобъ нашъ языкъ, не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
Которы мы съ тобой не Русскими зовемъ.
Онъ тотъ же, а когдабъ онъ былъ иной, какъ мыслишъ,
Лишь только отъ того, что ты его не смыслишъ
Такъ чтожъ осталось бы при Русскомъ языкѣ?

Сіе показываетъ, что не того требуютъ отъ насъ хорошіе наши писатели, что бы мы вводили опять вышедшія во все изъ употребленія старинныя слова, не заключающія въ себѣ ни особенной красоты, ни пріятности, ни силы, и кои легко быть могутъ замѣнены другими Русскими: но что бы не оставляли тѣхъ, которыя могли бы удачно и щастливо ставиться тамъ, гдѣ нынѣ употребляемъ Французскія; и что бы не вымышляли безъ нужды, причины и по одному произволу новыхъ, не украшающихъ но обезображивающихъ языкъ нашъ. „И ежели чего точно изобразить не можемъ, говоритъ Ломоносовъ, не языку нашему, но недовольному въ немъ искуству приписывать должен„ствуемъ“ . . . . (19) Впрочемъ не должно почитать смягченія языка, часто мнимаго только, за перемѣну въ немъ. Мы не употребляемъ болѣе протяжныхъ и полныхъ окончаній въ глаголахъ: какъ то, упадоста, глаголоста, пріидоша, рекоша, а пишемъ съ краткимъ окончаніемъ, упалъ, пришелъ, такъ точно какъ и Французы прежнее окончаніе слоговъ oil, our перемѣнили для мягкости на ueil и eur, на примѣръ orgoil, sommoil на orgueil, sommeil, и doulour, doucour на douleur, douceur. Нѣтъ нужды воскрешать сего, хотя признаться, въ первомъ окончаніи есть какое то великолѣпіе и пышность для слуха, котораго не находимъ въ окончаніи настоящаго нашего нарѣчія: и невольно желаешъ чтобы оное опять употреблялось по приличію слога. (20)

Страсть отличиться, говоритъ Волтеръ, и изъяснять необыкновеннымъ образомъ другими

*

сказанное, ведетъ къ составленію выраженій новыхъ, какъ и мыслей изысканныхъ. Обвиняющіе языкъ нашъ, продолжаетъ онъ, недостаткомъ въ изобиліи, дѣйствительно должны находить безплодность, но только въ самихъ себѣ: rem verba sequuntur. Когда мысль представляется намъ ясно, когда разумъ здравый и пылкій убѣжденъ совершенно ею, тогда выходитъ она изъ головы украшенная вся пристойными выраженіями, на подобіе того, какъ Минерва совсѣмъ вооруженною вышла изъ головы Юпитеровой. . . . . (*) Сильныя чувствія души всегда переходятъ въ языкъ: и кто мыслитъ мужественно, тотъ и изъясняется также". Но ни отъ чего такъ скоро языкъ не повреждается, какъ отъ переводовъ, въ которыхъ, часто и въ самыхъ лучшихъ, не примѣтно пріемлются обороты выраженій съ языка иностраннаго. Въ семъ то случаѣ всего удобнѣе впадаютъ въ заблужденіе на счетъ языка своего. Особливо при началѣ процвѣтанія словесности, переводы не у насъ однихъ, но у всѣхъ народовъ были камнемъ претыканія, и служили къ немалому языковъ поврежденію. Изъ всѣхъ народовъ, извѣстныхъ ученостію, кажется, одни Греки не упражнялись въ переводахъ. Писатели ихъ заимствуя отъ Египтянъ, или почерпая свои познанія въ Индіи, передавали ихъ своимъ согражданамъ за собственныя свои произведенія и изобрѣтенія; а дабы поддержать толико выгодныя о себѣ мысли, или изъ народной гордости, они созидали слова по свойству языка своего, и были при объясненіи новыхъ понятій столь осторожны, что нималѣйшаго слѣда не оставляли въ своихъ выраженіяхъ и составленіи словъ, которыя могли бы показать, что сіи понятія суть ими занятыя и для нихъ самихъ новыя. Сіе какъ можно тщились они не обнаружить ни странностію оборота рѣчи, ниже не свойственнымъ языку Греческому выраженіемъ, къ чему были такъ нѣжны. Слѣдственно и при переданіи чужихъ мыслей, они старались соблюсти всю ясность слога и чистоту языка, отъ чего сочиненія ихъ стали подлинниками какъ для

(*) Langues.

Грековъ, такъ и для другихъ народовъ. Главная же причина, отъ чего языкъ греческій сохранилъ красоты свои, вѣроятно есть та, что при началѣ словесности одни дѣйствительно великіе по своимъ дарованіямъ люди принимались за сіе толь важное дѣло, чтобъ научать и просвѣщать своихъ согражданъ. Мы видимъ, что въ Греціи предпринимавшіе путешествіе для наученія себя и народа были люди отличные или родомъ, или общимъ уваженіемъ. Впрочемъ древніе не занималися переводами, по крайней мѣрѣ, сіе не было главнымъ ихъ упражненіемъ. Переводы стали извѣстны у новѣйшихъ народовъ и доведены между ими до совершенства, содѣлавшися особливымъ у нихъ искуствомъ. Мавры охотно прилѣжали къ нимъ. Между Европейскими народами, Россіяне должны почесться первыми, которые съ успѣхомъ принялись за переводы, что доказываютъ священныя наши книги. Совершенство сихъ переводовъ доказывается и тѣмъ, что нашъ языкъ никогда уже выше оныхъ не возвышался. Междоусобныя брани князей и другія бѣдствія были главными причанами, отъ чего не токмо не процвѣла у насъ словесность, но отчасти и упала. Агличане также издавна упражняются въ переводахъ. Но надлежало пройти многому времени отъ перевода Чосера *о философскомъ утѣшеніи*, твореніи Боеція, до перевода Гомеровыхъ поэмъ, толико прославившаго имя Попія. Всѣ народы, именуемые нынѣ просвѣщенными. имѣли своихъ переводчиковъ, между которыми всегда было несравненно болѣе худыхъ, нежели посредственныхъ, а и того менѣе хорошихъ. На сіи то худые переводы всегда жаловались, что они вводили въ языкъ порчу: ибо народъ читая ихъ для забавы заемлетъ нечувствительнымъ образомъ ихъ рѣчи. и затверживаетъ въ памяти слово единственно потому, что оно новое, и потому понравившееся ему, что онъ не понялъ онаго. Между тѣмъ, доколѣ люди съ дарованіемъ возникнутъ, языкъ до того уже повредится, что едва ли они бываютъ въ состояніи возвратить ему первую его красоту и силу. Того ради ни за чемъ не должно надсматривать толь строгими глазами словосудителя какъ надъ переводами; или, надъ тѣми книгами, которыя хотя и выданы за собственныя сочиненія, но гдѣ на каждой страницѣ видно, что сочи-

нитель владѣлъ болѣе языкомъ иностраннымъ, нежели своимъ природнымъ; и что будучи обогащенъ чтеніемъ иностранныхъ писателей, онъ составлялъ и рѣчи свои по ихъ образу мыслей, отъ чего и сочиненія его стали болѣе походить на худой списокъ, нежели на подлинникъ. На сей то конецъ знаменитый Джонсонъ въ предисловіи своемъ къ Аглинскому словарю говоритъ: ,,Величайшая зараза языка происходитъ отъ множества переводовъ. Ни одна книга не была переложена съ одного языка на другой, чтобы не было чего нибудь заимствовано изъ того нарѣчія, на которомъ она писана; сіе есть самое вредное и насильственное введеніе. Простые слова могутъ входить во множествѣ, они не повредятъ существа языка: но занятыя реченія производятъ въ немъ вдругъ большую перемѣну; они не простые токмо камни въ строеніи, но самый чинъ зданія перемѣняютъ. Ежели для усовершенствованія языка учредится Академія, то пусть она вмѣсто того, чтобы трудиться надъ составленіемъ граматикъ и словаря, обратитъ всю власть свою на то, чтобы удержать своевольство переводчиковъ, которыхъ лѣности и невѣжеству ежели попустить долѣе, то они доведутъ насъ до того, что мы станемъ болтать нарѣчіемъ Французскимъ.“

Языкъ ли виновенъ, когда мы видимъ въ худыхъ переводахъ полуграмотныхъ переводчиковъ толико чрезвычайную разность между подлинникомъ и переводомъ? И Французы имѣли своихъ Аббатовъ *де Мороле* и *де Пюре*, переводившихъ не имѣя ни какихъ природныхъ дарованій, равно какъ и *Дюрїеровъ*, переводившихъ изъ куска хлѣба. Впрочемъ не оспоримо и то, что есть такія въ языкахъ прелести, которыя ни какимъ образомъ на другой переданы быть не могутъ; но такія трудности свойственны всѣмъ языкамъ равно какъ и нашему. Мы не можемъ всего выразить съ равнымъ жаромъ и одинакою силою того, что на другомъ языкѣ сказано превосходно, но за то и на томъ чужестранномъ языкѣ не льзя будетъ передать того съ равной же красотою и живостію, что на нашемъ выражено съ особливымъ искусствомъ: ибо сверхъ того, что таковая трудность

лежитъ уже въ самыхъ началахъ языка, но и умножается еще по мѣрѣ дарованій сочинителя.

Во всемъ томъ, что касается до словесности, Французы должны служить намъ хорошимъ примѣромъ; но мы по нещастію не заимствуемъ отъ нихъ того, что въ нихъ есть похвальнаго и подражанія достойнаго, а перенимаемъ одно то, что не научаетъ насъ, но развращаетъ. Такъ на прикладъ, естьли бы мы читали поприлѣжнѣе благоразумныя ихъ разсужденія, то бы мы узнали, что и они ни когда не требовали отъ своихъ переводчиковъ не возможнаго совершенства: ибо они вѣдали сего несбыточество и непобѣдимыя трудности. Они соглашались въ томъ, что не возможно перевести на Французской языкъ сего Гораціева выраженія vultus nimium lubricus aspici; или Виргиліева Pontem indignatus Araxes; но за то увѣрены были, что и на Латинскій не льзя бы перевести было сего Корнеліева выраженія qu' il mourut, которое не трудностію въ подборѣ словъ, но самою простотою своею сдѣлалось неудобнымъ для перевода на другой языкъ: или, Sixte en difsoit autant quand on le fit saint Père . . . . Un citoyen du Mans chapon de son métier . . . . Боало, Лафонтенъ и другіе славные ихъ писатели обилуютъ такого рода красотами, которыя всякаго переводчика приведутъ въ отчаяніе. Изъ приведенныхъ мною здѣсь примѣровъ легко всякой уразумѣетъ, сколь несправедливо мы жалуемся на бѣдность языка нашего; по этому и Латинскій языкъ должно бы назвать было бѣднымъ, за тѣмъ только, что не льзя перевести qu' il mourut со всею красотою и силою сего выраженія, какія имѣетъ оно на Французскомъ.

И такъ не слова составляютъ трудность языка, но пристойность ихъ помѣщенія. Сверхъ того есть во всякомъ языкѣ еще и такія слова, кои получаютъ иногда всю свою важность и прелесть, или силу и игривость отъ тѣхъ понятій, какія имъ придаются, и каковыхъ на другомъ языкѣ приложишь къ нимъ не возможно, за тѣмъ, что таковыя понятія часто произсходятъ отъ обычая, заемлются отъ нравовъ, раждаются отъ обстоятельствъ, вѣры и законовъ, а иногда производятся отъ случаевъ, которыя въ другомъ народѣ могутъ

и не быть, или хотя и быть, да отъ тѣхъ совсѣмъ различныя.

На что же мы жалуемся, а особливо при настоящемъ нерадѣніи о языкѣ нашемъ. Кому упражняться у насъ въ языкѣ, кому переводить? Бѣднымъ? но они трудятся изъ куска хлѣба, да сверхъ того и притѣсняемы еще книгопродавцами. Богатымъ? Но они не радѣютъ о познаніи языка своего. Отъ чего же процвѣтать у насъ словесности? Мы завидуемъ цвѣтущему состоянію словесности Французской, а не хотимъ вникнуть въ причины, отъ чего она у нихъ процвѣтать стала. Во Франціи при дворѣ, между вельможами, и въ среднемъ званіи людей, говорили предпочтительно языкомъ народнымъ, толико же уважаемомъ Королемъ, какъ и мѣщаниномъ. Съ какимъ удовольствіемъ перечитываетъ всякой французъ стихи Карла XI, писанные къ Ронсару:

L'art de faire des vers, dut-on s'en indigner,
Doit être à plus haut prix, que celui de régner;
Ta lyre, qui ravit par de si doux accords,
T'asservit les esprits, dont je n'ai que les corps,
Elle t'en rend le maître, et te fait introduire,
Ou le plus fier tyran ne peut avoir d'empire.

То есть:

„Искусто стихотворства, пусть за то на меня и вознегодуютъ, должно ставить гораздо выше искуства царствовать. Твоя Лира, восхищающая нѣжною своею стройностію, покоряетъ тебѣ души, которыхъ тѣлами я только управляю. Она вручаетъ тебѣ надъ ними власть и отверзаетъ тебѣ входъ туда, куда и самый гордый тиранъ не можетъ простерть своего владычества".

Кто не знаетъ, съ какимъ снисхожденіемъ добрый Генрихъ IV позволялъ Малербу поправлять себя, когда онъ ошибался въ выговорѣ или удареніи слова? (21). Таковы были во Франціи побудительныя причины, доведшія языкъ Французской до сего цвѣтущаго состоянія, въ какомъ нынѣ мы его видимъ. Государи, Вельможи, ученые, служители церкви,

словомъ всѣ состоянія людей преимущественно на немъ говорили: Такъ мудреноли, что онъ усовершенствовался и утвердился. Но тѣже ли у насъ употребляютъ средства, о семъ разсуждаемо уже было пространно въ первой части сего сочиненія.

Что жъ касается до замѣчаній, сдѣланныхъ сочинителемъ о старомъ и новомъ слогѣ на слова и рѣченія составляемыя не по образу своего, но по свойству иностраннаго языка, то о семъ и прежде уже не однократно жаловалися, хотя не съ такою, какъ онъ силою, и не съ такимъ глубокимъ въ языкѣ познаніемъ. Въ Академическихъ извѣстіяхъ (*), одинъ любитель отечественнаго слова, говорилъ, или паче жаловался на ту же неисправность переводчиковъ, и между прочими примѣрами привелъ, что мы съ Нѣмецкаго языка употреблять стали *на голову побить непріятеля*, den Feind aufs Haupt schlagen, вмѣсто того, чтобы сказать *разбить въ прахъ*, или *лоскомъ положить непріятеля*. Да и дѣйствительно, какъ сіи послѣднія выраженія просты и ясны, и свойственны съ образомъ нашего понятія и правильностію языка, такъ первое темно и не удобопонятно. Спросите у самаго лучшаго знатока въ языкѣ и у самаго пристрастнаго защитника чужеязычія, что значитъ *побить непріятеля на голову?* Я увѣренъ, что ни тотъ ни другой не растолкуетъ сего. Одинъ безграмотной употребилъ сіе выраженіе, и всѣ стали повторять оное, а силою большаго употребленія оно вошло въ привычку; однако со всею онаго привычкою яснѣе не здѣлалось: вотъ что значитъ разумъ языка. Равнымъ образомъ иные говорятъ и пишутъ у насъ, *онъ оставилъ его весьма далеко позади себя*, вмѣсто того, чтобы сказать, *онъ несравненно, гораздо превзошелъ его:* (21). Я уже сказалъ, что иностранцы не могутъ имѣть той разборчивости въ опредѣленіи прямозначенія словъ, принаравливая ихъ постояннымъ образомъ къ понятіямъ, какую мы, на противъ того, наблюдать должны. Мы не можемъ одинакимъ съ ними образомъ изъясняться во многихъ случаяхъ и по разнымъ причинамъ, зависящимъ какъ отъ существа самаго дѣла, подлежащаго описанію и про-

---

(*) См. 1779 годъ часть III, стр. 87.

изводящаго не одинакія въ различныхъ по своему свойству и обычаямъ народахъ, представленія, такъ и отъ самаго нарѣчія и словопроизводства; какъ то и въ семъ случаѣ: ибо тѣло можетъ оставить далеко позади себя другое тѣло, но разумъ, а отъ туда и дарованія, хотя нѣкоторымъ образомъ и изображаетъ тоже дѣйствіе, что и тѣло, однако не имѣя, подобно сему, ногъ, которыя ускоряли бы его шествіе; ни круглости, помощію которой могъ бы онъ укатиться, не можетъ тѣми же словами объяснять своихъ движеній, почему и долженъ принять такой глаголъ, который могъ бы точнѣе и приличнѣе изобразить его дѣйствія. Разумъ можетъ восходить какъ бы по лѣстницѣ дарованій отъ одного познанія къ другому и по мѣрѣ силъ своихъ достигать вышшихъ; почему, говоря о человѣкѣ отличающимся предъ другими своими способностями, пристойнѣе сказать, *онъ превзошелъ его своими познаніями*, а *не оставилъ позади себя*: Послѣднее выражаетъ болѣе, что онъ перегналъ его на бѣгу, такъ какъ и заимствуя отсюда, говоримъ мы, онъ перегналъ его въ ученіи, въ наукахъ. Толико то опасно перенимать чужое не къ стати! Толико то не простительно не радѣть о своемъ природномъ языкѣ! Толико то пагубно оставлять свои отечественныя нравы, обычаи и даже предразсудки!

Безспорно иностранные языки, и особливо Французской, имѣютъ свои выгоды, изъ коихъ величайшайшая есть та, которую доставили имъ хорошіе во всякомъ родѣ писатели произведеніемъ толикаго множества превосходныхъ сочиненій и переводовъ. Сіе однако не токмо не долженствовало, по мнѣнью моему, отвратить насъ отъ прилѣжанія къ природному языку, но еще паче возбудить въ насъ ревность подражать имъ, и стараться также о приведеніи въ совершенство языка своего (23).

Изъ всѣхъ новѣйшихъ нарѣчій, Французское болѣе другихъ отличается легкимъ и яснымъ теченіемъ рѣчи, составляя и располагая ее по естественному порядку понятій: ибо Французы на передъ поставляютъ *лице* или *предметъ* рѣчи, потомъ *глаголъ* означающій дѣйствіе, а наконецъ

причину сего дѣйствія т. е. *вещь* или *дѣло*. Какъ ни изряденъ сей порядокъ для умствованія, но по собственному же ихъ признанію, онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что противурѣчитъ чувствамъ, которыя требуютъ поставленія впереди вещи, коей всего прежде поражаются. По сей причинѣ Французской языкъ можетъ быть удобнѣе въ разговорахъ, но за то онъ не имѣетъ той живости и того жару, какой потребенъ въ описаніяхъ сильныхъ, гдѣ говорятъ страсти, ниспровергающія упомянутой порядокъ. Естьли бы надлежало говорить всегда съ дѣтьми, то Французскій языкъ, можетъ быть, былъ бы для сего изъ лучшихъ: но какъ языки болѣе всего нужны для образованныхъ обществъ, составленныхъ изъ людей, имѣющихъ различныя свойства, дарованія неравныя, нравы несходныя, понятія разнообразныя, пользы несовмѣстныя, виды несогласныя, правила особенныя; то для сего и потребно такого языка, которой могъ бы то ласкать ихъ самолюбію, то обуздывать стремленіе; то возбуждать, то утишать ихъ страсти; то воспламѣнять ихъ воображеніе, то паки прохлаждать оное; быть плавнымъ, яснымъ, когда говоритъ разсудокъ, и вдругъ сдѣлаться не равнымъ, когда надлежитъ смятеніе чувствъ представить, но и въ самой неравности быть еще болѣе краснорѣчивымъ (24). Пусть Французы говорятъ, что не ясно, то не по Французски (ce qui n'est pas clair, n' est pas Francais, Rivarol; или какъ будто бы онъ состоялъ изъ одного разсудка (comme s'il était tout raison, Rivarol); однако при всей ясности и правильности ихъ рѣчи, языкъ ихъ не можетъ похвалиться, чтобы онъ дѣйствительно всегда и во всемъ былъ такъ ясенъ, какъ они то воображаютъ, по крайней мѣрѣ для иностранцевъ, которые часто не знаютъ прямаго знаменованія слова, имѣющаго смыслъ многоразличный и понятіе цѣлой рѣчи затмѣвающаго. Тоже бываетъ и съ ихъ членами, вмѣсто именъ поставляемыми. Языкъ ихъ будучи скуденъ и робокъ, былъ бы по собственному признанію Французовъ, послѣднимъ изъ языковъ, естьли бы великіе на немъ писатели не исправили сего въ немъ недостатка побѣждая его природу. Но сему недостатку причастны и всѣ новѣйшие

языки, кромѣ Русскаго, имѣющаго, на подобіе языковъ Греческаго и Римскаго, обширныя свои семейства, произшедшія отъ единаго кореннаго слова, и также многоразличныя и богатыя измѣненія въ окончаніяхъ; языка толико же великолѣпнаго и пышнаго какъ и языкъ Испанскій, толико нѣжнаго и стройнозвучнаго какъ Италіанскій, и своею ясностію не уступающаго Французскому; но ясностію такого рода, что всякое въ немъ слово поставленное для изображенія какой либо вещи, опредѣляетъ ее точно и вѣрно, не токмо понятно для Русскаго, но и для всякаго иностранца весьма вразумительно, не затмѣваемое ни членами, коихъ у насъ нѣтъ, ни двусмысліемъ слова, котораго мы избѣжать всегда можемъ. Подобно Грекамъ и Римлянамъ мы можемъ оживлять слово наше разнесеніемъ прилагательныхъ отъ существительныхъ, и мѣстоимѣній отъ именъ ихъ, и произвольнымъ помѣщеніемъ глагола въ началѣ или въ срединѣ или въ концѣ рѣчи, смотря по движенію страсти и по приличію слога; мы можемъ начинать съ лица и предмета; мы можемъ также какъ и Французы, неизмѣнно слѣдовать естественному теченію рѣчи и строгому порядку разсудка и повсюду сохранять ясность. Все сіе зависить будетъ отъ мѣры искуства Сочинителева въ отечественномъ его языкѣ и отъ его дарованій.

Въ заключеніе остается еще сказать о не благодарности Русскихъ противу лучшихъ нашихъ сочинителей, изъ которыхъ Сумароковъ болѣе всѣхъ имѣетъ право на оную жаловаться. Никто столько какъ онъ не трудился, ни кто подобно ему не отличился въ толикихъ родахъ стихотворенія и съ такимъ еще успѣхомъ, и похвалиться, чтобы первымъ былъ у насъ творителемъ театра, наставникомъ въ пастушескихъ повѣстяхъ, учителемъ въ басняхъ; однако и ни о чей другой гробовой камень Зоилы не острили толико кохтей своихъ, какъ его. Что можетъ быть сильнѣе, пламеннѣе, и страстнѣе его языка въ трагедіяхъ, замысловатѣе и игривѣе въ басняхъ, нѣжнѣе въ эллегіяхъ и пріятнѣе и простѣе въ Идилліяхъ? Кто сравнился съ нимъ по сіе время? Пусть опровергнутъ мое мнѣніе не крикомъ, но самымъ дѣломъ, почерпну-

тымъ изъ сравненія его сочиненій съ другими въ одномъ родѣ. Мы ради придираться къ нѣкоторымъ, впрочемъ мѣлкимъ, ошибкамъ и его погрѣшностямъ, къ нѣкоторымъ того времени употребительнымъ словамъ и окончаніямъ, а забываемъ все то, что есть у него самаго лучшаго, превосходнаго и въ такомъ еще множествѣ! Мы слѣпо подражаемъ Французамъ въ пустыхъ нарядахъ, въ суетныхъ и можетъ быть для насъ пагубныхъ обычаяхъ, а не подражаемъ въ томъ, что у нихъ подражанія достойно. Такъ ли жестоко поступили они съ Лафонтенемъ за то, что находятъ въ стихахъ его такія слова, какія потомъ вышли изъ употребленія, какъ на примѣръ: testoner вмѣсто ajouter une tête, grèguez вмѣсто chausses; chèrelie вмѣсто grande chère, alléché вмѣсто attiré; или reposoient sûrement вмѣсто en sûreté? Какой Французъ не помнитъ на изусть его басенъ? Ужели творецъ Федры и Аталіи за то долженъ быть брошенъ, что употребилъ hâter вмѣсто je me hâte; или охуждать Корнелія за нѣкоторыя слова и обороты рѣчей бывшія въ употребленіи въ его время?

Для чего мы не подражаемъ Французамъ въ хорошемъ? Для чего выставляя недостатки, мы не показываемъ и прелестей Сумароковой музы? Потомство, несравненно насъ справедливѣе, безсомнѣнія сіе сдѣлаетъ; но для чего намъ не упредить оное въ семъ похвальномъ дѣлѣ, и не удалить отъ себя стыда и укоризны, которыя мы по справедливости отъ него заслужимъ (*) . . . . Отъ сего то стыда и укоризны, сочинитель Разсужденія о Старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, по видимому желалъ избавить насъ; и обращая насъ къ истиннѣ, хотѣлъ кажется, показать потомству, что естьли могли мы на время впасть въ заблужденіе, то умѣли съ честію и освободиться отъ

(*) Во время печатанія сей книги издано похвальное слово А. П. С. сочиненіе г-на Дмитревскаго. Памятникъ достойной прославляемаго и прославляющаго. Муза сама, нѣкогда одушевлявшая творца Семиры, водила перомъ г-на Дмитревскаго. Отнынѣ зависть умолкнетъ.

онаго. Однако мы не токмо его не послушали, не токмо не вняли истиннѣ, проповѣдуемой имъ въ его сочиненіи, но еще вооружались противъ него, и то себѣ въ честь поставили; не имѣя же орудія разсудка, прибѣгнули къ стрѣламъ насмѣшекъ. Чтожъ касается до меня, то я вмѣняю себѣ въ похвалу и достоинство, что умѣлъ ему быть признательнымъ за показаніе мнѣ собственныхъ моихъ недостатковъ, и что отвратилъ меня отъ того пути, по которому идя, могъ бы переходить отъ одного предразсудка къ другому. Отдавая первый должную ему справедливость, приношу здѣсь нѣкоторую дань его дарованіямъ и любви къ отечеству; и за то, что доставилъ мнѣ пріятнѣйшія минуты при чтеніи его мыслей о языкѣ нашемъ, первый кладу цвѣтокъ благодарности, къ которому въ послѣдствіи безсумнѣнія приложатся еще многіе для сплетенія вѣнка, которымъ потомство украситъ его изображеніе.

Сентября 5 дня
1805 года.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

Ко второй части.

(1). И не токмо языка, но и самаго произношенія; и естьли сочинитель о слогѣ за нѣчто важное почитаетъ слова, то иностранцы простирали точность и строгость въ разсужденіи языка еще далѣе, настаивая съ равной силою на удержаніи правописанія и выговора. Джонсонъ говоря о правописаніи продолжаетъ: "главное правило предлагаемое мною для послѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ни какого нововведенія безъ достаточной на то причины, которая могла бы отвратить всякое при чинимой перемѣнѣ встрѣчающееся неудобство: но я не думаю, чтобы таковыя причины могли часто встрѣчаться. Всякая перемѣна сама по себѣ есть уже зло, и ее тогда только вводить должно, когда есть очевидная отъ нее польза; а какъ непостоянство во всякое время показываетъ одну лишь слабость, то оно ничего не прибавитъ ко славѣ языка нашего. Правда, есть такіе умы, которые презирая происходящія отъ незнанія трудности находятъ удовольствіе въ томъ, чтобъ отступать отъ обычая и желаютъ перемѣнъ для своихъ частныхъ видовъ: но чинимыя таковыми писателями перемѣны въ правописаніи не останутся безъ должнаго возмездія. Мнѣ кажется, они полагали, что сія новость принесетъ имъ похвалу; но всякое расточаемой похвалы очарованіе есть пагубно.,, ... Далѣе говоритъ онъ:,, Съ правописаніемъ тѣсно соединено произношеніе, отъ прочности котораго весьма много зависитъ твердость языка,

поелику первая перемѣна, какая произойдетъ, вѣроятно послѣдуетъ въ языкѣ разговорномъ.,, (*)

(2). 'Извѣстный Джонсонъ говоритъ: смѣшеніе двухъ языковъ раждаетъ третій, отличный отъ обоихъ; а они будутъ всегда смѣшенными, когда главная часть воспитанія, приводимая къ возможному совершенству, обращена наизученіе древняго или новаго языка. Упражняющійся долгое время въ чужомъ языкѣ, обременяетъ память свою онаго словами и соображеніями; и отъ небреженія и поспѣшности, перехитренія и жеманства, вводитъ въ свой языкъ занятыя имъ изъ чужаго рѣчи и выраженія.,, . . . (*) Сей же самый писатель говоритъ съ почтеніемъ не токмо о языкѣ, но и о правописаніи и удареніи, коихъ перемѣна можетъ болѣе вредить чемъ пользы принести; вотъ слова его: ,,въ сей части сочиненія, гдѣ своенравіе долгое время господствовало небудучи удерживаемо порицаніемъ, и гдѣ тщеславіе мнило прославиться ничего незначущими исправленіями, я старался поступать со всемъ ученическимъ благовѣніемъ къ древности, и приличнымъ грамматику уваженіемъ къ свойству языка нашего. Я осмѣлился дѣлать не многія перемѣны, но и тѣ большею частію состояли въ томъ, что я предпочиталъ древнее употребленіе новѣйшему; и надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ посовѣтовать и тѣмъ, кои съ излишней, можетъ быть, заботливостію обращаютъ свои мысли на несходство выговора, не нарушать правописанія отцевъ ихъ въ угожденіе суетныхъ своихъ видовъ или мѣстнаго нарѣчія.

(3). Здѣсь не худо привести вопросы издателя Меркурія. Онъ спрашиваетъ; ,Но чемъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? — Кто знаетъ не ошибались ли тогда болѣе нынѣшняго? Какая старинная грамматика рѣшитъ сей вопросъ? . . . . На сіе я отвѣтствую съ Кондильякомъ; ибо я положилъ себѣ за правило нововводителей чужеязычія въ нашу словесность уличать иностранными писателями, къ коимъ они имѣютъ такую вѣру, только жаль, что они весьма мало или и во все не

(*) The plan of an English Dict.
(*) Preface to the Engl. Dict.

читаютъ того, что у нихъ есть прекраснаго. „Мо-„жетъ быть, говоритъ онъ, пожелалъ бы иной, „чтобъ при составленіи языковъ присутствовали „философы, полагая, что они отъ того были бы „совершеннѣе. Естьли и такъ, то надобно, чтобъ „тѣ философы были другіе, а не тѣ, коихъ мы зна-„емъ. . . . . Впрочемъ я не вижу, чтобъ ученые „языки имѣли какое нибудь преимущество предъ „обыкновенными. Они имѣютъ тѣ же недостатки, „какъ и протчіе, и еще болѣе. На нихъ также ча-„сто говорятъ, не произнося ни слова: а иногда на „нихъ говорятъ для того только, чтобъ наска-„зать нелѣпостей; и вообще кажется, что си-„ми языками не съ тѣмъ говорятъ, чтобъ сдѣлать-„ся понятными.„

"Я полагаю, что первые народные языки были „для умствованія самые способнѣйшіе: ибо природа, „присутствуя при ихъ образованіи покрайней мѣрѣ „составляла ихъ правильно. Когда первое въ сихъ „языкахъ понятіе или значеніе слова было извѣст-„но, то происходили изъ него и всѣ протчія сход-„ства. Безсомнѣнія видно было въ нихъ происхожде-„ніе всѣхъ мыслей и способностей.„

„Языкъ каждаго народа былъ бы гораздо лучше, „естьли бы каждый народъ распространялъ самъ „свои науки и художества, не заимствуя ни чего „отъ другихъ народовъ; ибо сходство словъ въ семъ „языкѣ примѣтно открывало бы успѣхи наукъ, и „не было бы нужды искать исторіи ихъ внѣ языка. „Сей языкъ былъ бы истинно ученый, и онъ былъ „бы единственъ. Но когда языки составились изъ „разныхъ языковъ, одинъ другому чуждыхъ, то „они все смѣшали. Сходство словопроисхожденія не „можетъ изъ различныхъ знаменованій словъ пока-„зать начала и происхожденія познаній. Въ разгово-„рахъ не умѣемъ мы соблюсти точности, и объ „ней не думаемъ; вопросы дѣлаемъ на удачу, и от-„вѣчаемъ также; изъ словъ дѣлаемъ безпрестанное „злоупотребленіе, и нѣтъ такого вздорнаго мнѣнія, „которое не имѣло бы своихъ защитниковъ. Это „философы довели до сего безпорядка. . . . (*) Такъ умствуетъ Кондильякъ. Но естьли философы мо-

---

(*) См. Логика или умственная наука. Переводъ.

гутъ впадать въ такія заблужденія, то что же будетъ съ тѣмъ языкомъ, который попадется въ руки невѣжъ и полу-ученыхъ? Что выйдетъ изъ того языка, котораго судьями объявятъ себя, увы! безграмотные и пристрастные журналисты?

Въ старину производили слова правильнѣе и потому еще, что сама природа внушала имъ оныя. „Первыя выраженія начальнаго языка внушаются „природою, говоритъ тотъ же Кондильякъ, ибо „они суть слѣдствіе нашего образованія. По со-„ставленіи первыхъ выраженій, сходство произво-„дитъ другія и распространяетъ языкъ сей. Мало „по малу онъ становится удобнымъ къ представле-„нію всѣхъ нашихъ понятій, какого бы роду они ни „были.“ . . . . (*) Такъ составляются языки. Хорошо естьлибъ мы никогда не удалялися отъ сихъ словъ первоначальныхъ. Такой языкъ былъ бы самый совершеннѣйшій и цвѣтущій. Но по нещастію, „различныя сходства, по словамъ того же сочини-„теля, ведутъ къ различнымъ выраженіямъ; тогда „помышляемъ мы о выборѣ, что уже и есть заблу-„жденіе: ибо чѣмъ болѣе мы позволимъ себѣ на та-„ковой выборъ, тѣмъ станемъ выбирать самовласт-„нѣе, и тѣмъ хуже будетъ нашъ выборъ.„ . . . . (**) Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: “Языки тѣмъ не-„совершеннѣе, чѣмъ самопроизвольнѣе они быть ка-„жутся. Замѣтьте однако, что они менѣе таковы-„ми быть кажутся у хорошихъ писателей. Когда „мысль хорошо выражена, тогда все основано на „разсудкѣ, даже самое помѣщеніе каждаго слова. По „тому то одни люди съ творческимъ разумомъ про-„извели все то, что есть въ языкахъ лучшаго; и „когда я говорю люди съ творческимъ разумомъ, то „я не исключаю изъ того природы, коея они суть „избранными учениками. (***)

Естьлибъ мы читали съ бо́льшимъ вниманіемъ такихъ писателей, то научаяся разсуждать съ ними, мы не дѣлалибъ такихъ странныхъ и нелѣпыхъ вопросовъ; а вникая въ сущность языка своего, утверждались бы въ немъ болѣе и болѣе. Тогда не

(*) La Langue des calculs.
(**) тамъ же.
(***) тамъ-же

токмо не отважились бы противурѣчить чистымъ намѣреніямъ и здравымъ совѣтамъ гражданина, посвятившего, по собственному его признанію, тридцать лѣтъ на познаніе языка своего но приложили бы еще свои способности къ его способностямъ, и общими силами постарались бы о приведеніи въ возможное совершенство отечественной словесности, успѣхи которой отражаютъ свой блескъ на славу цѣлаго народа. Слѣдовать благонамѣренному гражданину, *желающему общаго добра, какое происходить можетъ отъ любленія природнаго языка своего*, не токмо похвально, но и должно. Отдавая справедливое должному, мы сами заслуживаемъ похвалы отъ своихъ соотечественниковъ, и содѣлываемся достойными подражанія. Впрочемъ всѣ ругательства или насмѣшки насчетъ такого человѣка дѣлаемыя, не токмо не вредятъ ему, но всегда обращаются къ его славѣ, а ко стыду его соперниковъ: но зависть не примирима.

(4). Джонсонъ составляя словарь Аглинскаго языка не токмо рылся въ старинныхъ книгахъ, почему нибудь извѣстныхъ, но, какъ пишетъ онъ самъ: ,,нѣкоторые примѣры заимствовалъ изъ сочинителей, которые никогда за образецъ слога или за хорошихъ писателей почитаемы не были: ибо слова должно искать вездѣ, гдѣ онѣ лишь употребляются.,,

(5). Ежели перемѣнъ, коихъ мы опасаемся, говоритъ Джонсонъ, миновать уже не льзя, и буде должно, чтобы мы оныя, равно какъ и другія не отвратимыя человѣческія бѣдствія, признали молчаніемъ; то по крайней мѣрѣ должны мы, когда не возможно уже отвратить сей перемѣны, не упреждать оной, и стараться облегчить то, чего излечить не можемъ. Языки, подобно царствамъ, слѣдуя естественно своей наклонности, текутъ къ упадку; мы долгое время сохраняли свои законы, употребимъ тѣже усилія и на сохраненіе языка. . . . . ,,Въ другомъ мѣстѣ въ письмѣ къ графу Честерфильду, пишетъ онъ" и кто, послѣ сего обозрѣнія, не пожелаетъ, чтобы сіи начальныя частицы языка нашего не получили прочности и непреложности первородныхъ и существенныхъ частей вещества, чтобы они могли сохранить бытіе свое, кода бы видъ перемѣнялся, и чтобы онѣ отъ измѣненій и составленій не истре-

бились наконецъ сами? . . . . Да по словамъ того же сочинителя: ,,въ постоянствѣ и твердости есть нѣкая общая и долговременная польза, превышающая собою медленное усовершенствованіе постепеннаго исправленія. Книжный нашъ языкъ какъ можно менѣе долженъ соображаться съ порчею языка разговорнаго; или перенимать у такого нарѣчія, котораго всякое измѣненіе, произшедшее отъ мѣста и времени, можетъ произвести въ немъ самомъ разность; и подражать тѣмъ перемѣнамъ, которыя опять отмѣнены быть могутъ, поелику онѣ сами держатся однимъ подражаніемъ.,,

(6). Скажутъ, можетъ быть, что такая тонкость смысла излишня, и происходитъ ли *пресловутость* отъ *слова*, *слову*, *слыву* или отъ *славы*, въ томъ нѣтъ ни какой нужды: ибо, ежели *пресловутый* значитъ *прослывшій*, сдѣлавшійся *извѣстный*, то и преславный значитъ тоже, только въ бо́льшемъ степени; а впрочемъ ежели городъ какой до тово сдѣлается пресловутъ, или извѣстенъ, что и другіе народы его узнаютъ, и станутъ говорить о немъ, тогда онъ будетъ *славенъ*; слѣдственно все тоже выйдетъ, и такое раздробленіе словъ безполезно. Предвидя таковое возраженіе, я бы могъ не входить здѣсь въ сіи подробности, естьли бы не былъ увѣренъ въ важности, пользѣ и необходимости сего, и сколь сіе служитъ къ ясности нашихъ понятій, къ вѣрности и точности въ объясненіи нашихъ мыслей, и наконецъ къ справедливому разсужденію; а что сіе истинна, въ томъ увѣряетъ насъ нынѣшнѣе состояніе нашей словесности, и то злоупотребленіе, какое сочинители наши дѣлаютъ изъ словъ, а особливо тѣ изъ нихъ, которые подражаютъ зачинщикамъ такой вольности. Ибо отсюда раждается неправильное словъ помѣщеніе, а отъ словъ заблужденіе и смѣшеніе въ разумѣ. Впрочемъ всякой прямый любитель отечественнаго слова не почтетъ трудъ сей въ тягость, или, по крайней мѣрѣ не не одобритъ, хотя бы и самъ въ немъ не упражнялся. Буде же молодые сочинители наши противъ сего востанутъ, то сіе во все мнѣ не опасно: ибо собственныя ихъ произведенія, и даже ихъ возраженія послужатъ лишь къ моему оправданію, и востaвая, они защитятъ меня.

(7) Въ силу первоначальнаго знаменованія сего слова, мы говоримъ *безмолвныя лѣса*, а не по значенію его нынѣ употребляемому, принимая *безмолвіе* за молчаніе, какъ бы сказали молчаливые лѣса, что было бы неправильно: ибо безмолвные лѣса или пустыни не то значитъ, аки би все въ нихъ молчитъ, но что туда не доходятъ никакія безпокойства и суеты мірскія, и откуда изгоняются всякая молва и стуженія. Въ семъ смыслѣ сказано въ житіи Св. Іларіона: Святый же *любя безмолвіе* (т. е. жизнь уединенную, удаленную отъ мятежа людскаго) не восхотѣ итти въ Палестину, куда послѣ смерти Іюліана былъ призыванъ на первое мѣсто. И въ житіи Св. Антоніи сказано: „но *верху* же горы тоя бяху двѣ келліи въ няже преподобный Антоній *отхожда же на безмолвіе*, крыющися отъ стуженія приходящихъ народовъ. . . . Стѣсняя смыслъ нашихъ словъ, можетъ быть, стали бы охуждать, ежели бы кто сказалъ теперь *добрая вода*, между тѣмъ какъ въ житіи Св. Іларіона весьма прекрасно сказано: „Обрѣте мѣсто сокровенно и страшно между высокими горами, бяху же древеса овощныя многая окрестъ мѣста того и *воды добрыя* отъ высоты горъ сходящыя". . . . *Коварство* означаетъ нынѣ одно лукавство, хитрость, но прежде знаменовало оно *премудрость*, *разумѣніе* и сему подобное, какъ на примѣръ въ кн. пр. Соломона сказано: *да дастъ незлобивымъ коварство* (pour donner le discernement aux ſimples); или: *уразумѣйте незлобивіи коварство* (apprenez ce que c'est que la ſageſſe). Или: *Коварніи же удержатъ чувство* (mais les hommes prudens se pareront de la ſcience). Слово *стремглавъ* значитъ въ низъ головою, какъ на примѣръ: „*Адесхъ повелѣ первѣе Святаго Іосифа нага стремглавъ повѣсити.* Но мы употребляемъ и для означенія скорости бѣга, но сіе ложно: ибо то что можетъ висѣть или литѣть въ низъ головою, никогда не можетъ по свойству языка нашего означать скорости. Ошибка сія въ смыслахъ произошла вѣроятно отъ того, что мы два понятія соединили въ одномъ дѣйствіи, когда человѣкъ летитъ въ низъ головою, гдѣ примѣчаются и скорость и обращеніе его головы въ низъ. Но сіе понятіе не основано ни на истиннѣ дѣйствія, ни на свойствѣ языка; ибо ежели бы стремглавъ означало скорость, то бы я могъ сказать тогда такимъ

образомъ: *человѣкъ летитъ стремглавъ стремглавъ*, то есть, первое означало бы въ *низъ головою*, а другое *скорость*; а ежели сего сказать не льзя, такъ равнымъ образомъ не должно говорить и сего, *онъ бѣжитъ стремглавъ*, развѣ въ семъ одномъ случаѣ, когда муха бѣжитъ по стенѣ стремглавъ, то есть, въ низъ головою, или коза съ крутой горы; или когда иностранный скоморохъ про забаву рускаго народа, бѣгаетъ на рукахъ, имѣя голову въ низъ обращенную. Не льзя сказать и того, что камень летитъ стремглавъ, ибо у камня нѣтъ головы; а когда бы стремглавъ означало скорость, тогда и о камнѣ множно бы сказать было, онъ летитъ стремглавъ, такъ точно какъ говоримъ онъ летитъ скоро, быстро. Ни мало однако не погрѣшая можемъ сказать: *онъ бросился со всею скоростїю стремглавъ въ бездну*, хотя сіе реченіе и содержитъ въ себѣ нѣкакій ощутительный недостатокъ или погрѣшность, но сіе не потому, чтобы противно было понятію, но приличію слова; здѣсь ежели и чувствуется какая-то непріятность, то оная происходитъ отъ излишества въ описаніи дѣйствія, каковое излишество или преизобиліе, справедливо Бозе отличаетъ отъ изобилія, именуя первое périssologie для отличія отъ pleonasme; ибо и въ семъ случаѣ понятіе наше такъ привыкло сливать сіи два дѣйствія вмѣстѣ, что мы въ тоже мгновеніе какъ бы соглашаемся тайно, что кто летитъ стремглавъ (въ низъ головою), тотъ уже не можетъ не лѣтѣть быстро, слѣдуя закону тяжести; равно какъ и то, что кто бросается съ высоты какой, тотъ долженъ уже лѣтѣть стремглавъ, почему говоря *онъ упалъ стремглавъ* подразумѣваемъ уже и скорость паденія; или сказавши, онъ бросился со всею скоростію въ бездну, не требуется поясненія, что онъ бросился въ низъ (стремглавъ). А по сему сказать: *онъ совсею скоростїю бросился стремглавъ въ бездну*, хотя и не будетъ противно языку, но оно представитъ разуму нѣкую досаждающую своею безполезною точностію ясность, что и называется излишествомъ или преизобиліемъ, (périssologie) . . . . . Слово *изрядно* мы стѣснили равно мѣрно, ибо оно означаетъ, или должно означать по своему коренному знаменованію болѣе *превосходствъ*, нежели посредственность, какъ оное нынѣ у насъ употребляется; поелику оно пока-

зываетъ своимъ составленіемъ, что оно прилагалось къ вещамъ, выходившимъ по своей добротѣ изъ ряду вещей обыкновенныхъ. . . . . Странно было бы, ежели бы кто сказалъ теперь; *уязвиться на нее (на дѣву)*, какъ напримѣръ въ житіи преподобнаго Іларіона сказано про одного юношу: "*Видѣвь же юноша яко ничтоже успѣеть, ни словесы лестными, ни дарами много цѣнными, иде въ Мемфію градъ Египетскій къ волхвомъ Асклипіевымъ, и тѣмъ возвѣстивши язву свою, еюже* уязвленно *бѣ его сердце на дѣву ону*: Или, въ житіи Св. великомученика Евстафія: „*господинъ же корабля того бѣ варваръ свирѣпъ зѣло, той видѣвъ жену Евстафіеву красну*, уязвися на ню; но въ страданіи величомученицы Марины сказано: „*узрѣвъ Епархъ дѣвицу зѣло красноличну, удивися необычной красотѣ ея, и абіе* уязвися ею. . . . . *Конечно* утратило также нѣчто отъ своей обширности въ знаменованіи; ибо прежде говорили: *Каллиникъ же святый видѣвъ ихъ конечно исчезающихъ отъ жажды, милосердствова о нихъ*. . . . Мы не скажемъ равно: *да біются за него (за христа) моя ланиты*: жит. Св. муч. Іуліи дѣвицы); ниже сего: *да познаеши единаго истиннаго Бога всѣхъ творца, иже солнце свое* сіетъ *на злыя и благія*; . . . . глаголъ *искоренить* мы ставимъ большею частію въ его заимственомъ, а не прямомъ смыслѣ; мы говоримъ и пишемъ искоренить племя, родъ, и проч: а не дерево, а и того менѣе зубъ, хотя начально къ нимъ онъ прилагался, или къ вещамъ подобнымъ: сему примѣръ находимъ въ страданіи Св. Февроніи: *а вмѣсто того повелѣ* искоренити *ея зубы, и абіе единъ отъ мучащихъ слугъ веземъ желѣзо, нача зубы ея по единому* искореняти. Употребляя сей глаголъ въ обширномъ значеніи, намъ дико показалось бы теперь сказать искоренить зубъ, дерево, привыкли искоренять города и народы. Но я заключу говорить съ Волтеромъ: "Я не кончилъ бы сей статьи, ежели захотѣлъ бы вычислять здѣсь подробно щастливыя реченія, нами оставленныя. (*) Правда, языкъ

(*) Въ подлинникѣ сказано занятыя у Италіянцевъ. Волтеръ могъ сіе сказать потому, что Французскій и Италіанскій языки, имѣя одного отца Латинскій, были нѣкогда весьма близки между собою.

„нашЪ обиленЪ и выразителенЪ, но тогда былЪ бы „онЪ таковымЪ сугубо. Мы утратили нѣчто отЪ „своего богатства, но сему виною сіе множество „пустыхЪ книгЪ, вЪ которыхЪ виденЪ одинЪ слогЪ „разговорный и ничтожное собраніе реченій обы„кновенныхЪ и несвойственныхЪ выраженій. Сіе „то пагубное изобиліе дѣлаетЪ насЪ бѣдны„ми.“ (*)

8. ЧтожЪ до меня касается, говоритЪ ШвабЪ, то я увѣренЪ, что чѣмЪ свободнѣе кто владѣетЪ языкомЪ своимЪ, тѣмЪ менѣе имѣетЪ тотЪ надобности составлять слова новыя; и что писатель желающій увѣрить насЪ, что онЪ не находитЪ довольно знаковЪ для изображенія новыхЪ его понятій, на самомЪ дѣлѣ ни чего инаго не желаетЪ, какЪ токмо прикрыть тѣмЪ свою бѣдность. . . . Страсть, говоритЪ тотЪ же сочинитель, переинычивать языкЪ, страсть которой и сама Академія не всегда можетЪ противиться, не естьли одна изЪ причинЪ, отЪ чего такЪ не много стало теперь у насЪ исправныхЪ писателей, и вообще хорошихЪ?

(9) Сей самый РобелотЪ говоритЪ. “О! естьли бы нѣкоторыя изЪ сихЪ выраженій могли на всегда истребиться изЪ памяти человѣческой, напоминающія людямЪ толикія злодѣянія! Есть ли нѣкоторыя изЪ нихЪ останутся, что и вѣроятно, то большая часть оныхЪ дѣйствительно новыхЪ, не весьма обогатятЪ, по моему мнѣнію, словесность нашу. ЗамѣтимЪ, что со времени сего преобразованія почти всѣ нынѣшнія сочиненія, суть ни самые лучшія, ни самыя исправныя.„

СвифтЪ чувствовалЪ таковый недостатокЪ вЪ Англіи, и кажется, вЪ письмѣ его кЪ Графу Оксфордскому обнаруживаетЪ свое желаніе о учрежденіи Академіи. Боаложе предлагалЪ Академіи пересмотрѣть всѣ хорошіясочиненія лучшихЪ своихЪ писателей и исправить вЪ нихЪ погрѣшности, чтобы знаменитость ихЪ имени не могла по прошествіи довольнаго времени служить кЪ порчѣ языка.

(10). Весьма кЪ стати сказать нѣчто о слогѣ. Многіе у насЪ хотятЪ, чтобЪ говорили такЪ, какЪ пишутЪ; а писали бы такЪ, какЪ говорятЪ; и чтобы

(*) Lettre de M. de Voltaire á M. l'abbe' d' Olivet.

слогЪ былЪ у всѣхЪ одинЪ. Но слогЪ вЪ писаніи не то же ли самое, что лице, голосЪ и нравЪ вЪ человѣкѣ, изЪ коихЪ по первымЪ двумЪ мы узнаемЪ нашего отца, друга или знакомаго, а по послѣднему судимЪ о свойствахЪ человѣка? И чѣмЪ они примѣтнѣе, казистѣе, тѣмЪ болѣе заключаютЪ вЪ себѣ нѣчто особеннаго и только имЪ свойственнаго; тѣмЪ они отличнѣе и памятнѣе. ТакЪ точно и вЪ слогахЪ. Всякой писатель можетЪ имѣть свой слогЪ, и чѣмЪ болѣе вЪ немЪ дарованія, тѣмЪ онЪ отличнѣе можетЪ быть и вЪ своемЪ слогѣ. По слогамЪ можно почти также узнавать сочинителя, какЪ узнаютЪ человѣка по его лицу и голосу: ибо слогЪ есть ни что иное, какЪ способЪ выражать свои мысли, понятія; или, естьли позволятЪ мнѣ сіе выраженіе, слогЪ есть лице нашихЪ мыслей, голосЪ нашихЪ чувствій. СлогЪ РуссовЪ не тотЪ что ВолтеровЪ, такЪ какЪ и нравы ихЪ были различны. СвифтЪ былЪ отмѣненЪ отЪ Стерна, какЪ и Попе отЪ Адиссона. ЛомоносовЪ отличался отЪ Сумарокова, какЪ и сей отЪ Хераскова. Богдановичь имѣлЪ свой слогЪ особенный. ДержавинЪ отличился равно своимЪ; хотя всѣ они писали чистымЪ РусскимЪ языкомЪ, не заимствуя ничего изЪ иностранныхЪ реченій и оборотовЪ. Слѣдственно хотѣть имѣть одинЪ слогЪ, значитЪ хотѣть нелѣпицы и не умѣть во все разсуждать.

"Главная погрѣшность сочиненій сего времени, говоритЪ ВолтерЪ, происходитЪ отЪ смѣшенія слоговЪ; а особливо отЪ того, что хотятЪ говорить о наукахЪ такимЪ точно языкомЪ какой употребляютЪ вЪ обыкновенныхЪ разговорахЪ. ВЪ книгахЪ, гдѣ разсуждаютЪ о чемЪ нибудь важномЪ, попадаются такія выраженія, которыя хотя и кажутся быть прінсканными смотря по содержанію, но кои вЪ самомЪ дѣлѣ суть низски и подлы.,,

,,Начало сей погрѣшности похвально; опасаясь прослыть школьникомЪ, вздумали украшать книги, по содержанію своему сухія; но in vitium ducit culpae fuga, si caret arte.,,

,,ПотомЪ стали писать о важныхЪ предмѣтахЪ такимЪ языкомЪ, какимЪ говорятЪ вЪ блестящихЪ обществахЪ, но который часто и вЪ письмѣ былЪ бы несносенЪ. (*)

(*) Voltaire; conseils à un Journaliste.

(11). Издавна размышлялъ я, говоритъ одинъ любитель Россійскаго слова, о прісканіи коренныхъ или первообразныхъ словъ породившихъ многочисленныя нынѣшняго Россійскаго языка реченія: но стремленіе любопытства моего оставлялось всегда по мѣрѣ непроницаемой мрачности, въ коей стези къ дальнѣйшему теченію познанія во все исчезали. Вы, Государи мои! удобно понимаете сего прісканія надобность. Любовь ваша къ своему матернему разговору доставляетъ вамъ о сей важной надобности доказательства, не индѣ гдѣ, какъ въ причинѣ бытности всѣхъ языковъ, а въ естествѣ и свойствѣ нашего собственнаго скрываемыя и вами извлекаемыя. Вы согласитесь со мною въ томъ, что чемъ болѣе сихъ коренныхъ словъ прісканіе умножено, и чемъ глубчае въ изслѣдованіе объ нихъ вниманіе устремлено будетъ; тѣмъ большій пріобрящется успѣхъ въ познаніи употребляемаго нами языка. и тѣмъ пространнѣе разверзится дверь къ расширенію его изъ началъ ему свойственныхъ. На семъ основаніе расширеніе оное произтеклобъ не изъ насильственныхъ прихотей, но изъ естества самаго языка: слѣдовательно съ природными ему живостями, нѣжностями, тѣнями, остротами, важностію, величественностію и прочими свойственными природѣ его красотами. Изъ сихъ прісканныхъ началъ вы государи мои! какъ любители Россійскаго языка, легко могли бы производить въ немъ новыя имена, глаголы и другія части слова, коихъ умоначертаніе и вкусъ нашъ требуютъ, и вкусы съ умоначертаніями потомковъ нашихъ требовать будутъ.

Естьли бы ранѣе, временъ около Владимировыхъ, вошло въ Русскій народъ общее познаніе и употребленіе буквъ, и естьли бы познаніе сіе и употребленіе введено было во всѣ области и во всѣ племена составляющія нынѣшній Россійскій народъ: то не обходимобъ мы имѣли многіе, какого бы то нибыло рода, письменные разноплеменные остатки; слѣдовательно имѣли бы нарочитую удобность къ познанію исторіи о происхожденіи и смѣшеніи нашего языка: но нравы умоначертанія предковъ нашихъ не позволяли имъ ни мало заботиться и помышлять о семъ нашемъ наслѣдственномъ достояніи.,,

Сей самый сочинитель сказавъ, что онъ собралъ нѣсколько коренныхъ словъ того мѣста, гдѣ живетъ, продолжаетъ: "Симъ единымъ будучи наперво удовольствованъ и ободренъ, совѣтую я вамъ, государи мои! послѣдовать моему примѣру. Страны, въ коихъ вы воспитаны, и въ коихъ пребываете, имѣютъ каждыя собственныя свои простонародныя слова, въ другихъ областяхъ неупотребительныя и незнакомыя. Хлѣбопашество, скотоводство, домоводство, ремесла и рукодѣлія съ ихъ обстоятельствами, много принимаютъ таковыхъ реченій, кои людямъ въ другихъ упражненіяхъ обращающимся, а тѣмъ болѣе въ другихъ странахъ живущимъ, во все не извѣстны. Когда таковыя слова собраны будутъ и обнародованы съ объясненіемъ прямаго ихъ знаменованія: то вамъ же самимъ, государи мои! и другимъ глубокомысленнымъ любителямъ Россійскаскаго языка, подадутъ они легкій способъ къ возрожденію, оживленію, и разширенію нашего языка, въ естественныхъ ему изображеніяхъ.

См. письмо къ любителямъ Россійскаго языка. Новыя ежемѣсяч: сочиненія. часть XI. мѣсяцъ Май. 1787 стр. 74.

(12. „Отъ втеченія толь многихъ ручьевъ, отъ соединенія толикаго множества частей несходственныхъ, естественно слѣдуетъ, что Аглинскій языкъ какъ и всякой другой составившійся, долженъ быть отчасти неправиленъ. Въ немъ не можетъ быть ни согласія въ частяхъ, ни того совершеннаго сходства въ составленіи, какое находится въ тѣхъ простыхъ языкахъ, кои образовались сами собою и возвысились на одномъ основаніи. . . . Наши слова, принесенныя къ намъ отъ толь многихъ разныхъ странъ, бродятъ, ежели можно такъ сказать, розно одинъ отъ другаго; и не соединяются такъ удобно въ составленіи рѣчи, какъ слова въ языкахъ Греческомъ и Римскомъ." . . . . (*) Далѣе предпочитая языкъ свой Французскому, говоритъ онъ: стихотворный нашъ слогъ весьма отличается отъ прозы, не по числу однѣхъ только стопъ, но и въ разсужденіи каждаго слова особенно, что самое доказываетъ, сколь великимъ богатствомъ словъ мы владѣемъ,

(*) Blair's Rhetoric. Tom. 1. 196 et 197.

которыя властны выбирать и ставить смотря по различію содержанія. ВЪ семЪ мы не сравненно превышаемЪ ФранцузовЪ, коихЪ стихотворный языкЪ, естьлибы не отличался рифмами, никакЪ не могЪ бы распознанЪ быть сЪ прозою. . . . Или вЪ другомЪ мѣстѣ: "Дѣйствительно ни одинЪ языкЪ не отличается столько какЪ Французскій нѣжностію, веселостію и замысловатостію слова: онЪ есть изЪ всѣхЪ извѣстныхЪ языковЪ, можетЪ быть, самый удобнѣйшій для разговора, но что до высшаго рода сочиненій касается, то Аглинскій языкЪ, по справедливости не сравненно вЪ семЪ его превосходитЪ.,, Сіи ли бѣдные языки, укоряющіе другЪ друга взаимными недостатками, должны служить намЪ образцами?

(13). Противу вводимыхЪ словЪ посюду великіе писатели воставали, когда такое нововведеніе не обогащало, но портило языкЪ. ПослушаемЪ па сей конецЪ самаго Джонсона; "слова, говоритЪ онЪ, введенныя нашими сочинителями по знанію чужаго языка, или незнанію своего собственнаго, изЪ тщеславія или шалости, изЪ угожденія ли повѣрью или страсти кЪ новому, я вносилЪ вЪ словарь свой такЪ какЪ онѣ попадались мнѣ, единственно для того, чтобы охуждая оныя предостеречь другихЪ отЪ глупости вводить безЪ всякой пользы чужестранныя слова ко вреду своихЪ природныхЪ. Старинныя же слова приняты мною, когда я находилЪ ихЪ вЪ сочинителяхЪ не устарѣвшихЪ; и когда заключалась вЪ нихЪ сила или красота достойная того, чтобы воскресить ихЪ.(*)

(14). Что страсть кЪ чужеязычію давно имѣла у насЪ своихЪ защитниковЪ, то весьма кстати здѣсь привести сдѣланное однимЪ РоссіяниномЪ на сей случай примѣчаніе. "ОнЪ (то есть языкЪ Россійской) требуетЪ многихЪ исправленій, и хотя онЪ изобиленЪ, однако онЪ долженЪ быть распространенЪ; „много словЪ ему не достаетЪ; но всего больше „нужно оной установить. Мы еще колеблемся вЪ „разныхЪ ГрамматическихЪ правилахЪ, и есть множество словЪ вЪ нашемЪ языкѣ, которыя не имѣютЪ опредѣленнаго смысла. Мы не имѣемЪ Метафизическаго языка, безЪ котораго о многихЪ матеріяхЪ писать не возможно. СимЪ предметамЪ „можетЪ слѣдовать всякой, кто для Россійскаго „языка предпріять захочетЪ то, что АвторЪ сего

(*) Preface to the English Dictionary.

„письма для Аглинскаго предлагалъ. Чтобъ по-
„править нашъ языкъ, надлежитъ утвердить гра-
матическія правила, кои не утверждены, или
„отъ коихъ многіе удалились и исключить изъ него
„все то, что ему несвойственно; чтобъ распростра-
„нить оной, должно изобрѣсть многія слова, или
„*занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ*; чтобъ оной
„установить, должно имѣть лексиконы, опредѣля-
„ющіе смыслъ словъ, и другія сочиненія, гдѣ сила
„ихъ должна не обходимо быть съ точностію озна-
„чена. Весьма противенъ распостраненію, а нѣкото-
„рымъ образомъ и установленію нашего языка *обы-
„чай, введенный съ нѣкотораго времени, откидывать всѣ
„чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи,
„и, естьли такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы бы-
„ли*, и изображать оныя Россійскими словами, которыхъ
„ни кто не разумѣетъ, или по крайней мѣрѣ не столь
„ясное понятіе съ ними сопрягаетъ, какъ съ пер-
„выми. Мы видимъ, что нѣтъ народа, у коего науки
„и художества сколько нибудь цвѣтутъ, который
„бы не заимствовалъ отъ другихъ языковъ. Аглин-
„скій и Французскій языкъ ни малаго сходства съ
„Греческимъ не имѣютъ: однако въ нихъ нѣсколько
„тысячь Греческихъ словъ, кои въ языкъ ихъ при-
„няты, и коихъ они переводить не стараются. Поч-
„ти всѣ слова, употребляемыя въ наукахъ и худо-
„жествахъ, которыя у Грековъ и у Римлянъ начало
„имѣли, всѣ Греческія или Латинскія и въ земляхъ,
„гдѣ сіи науки и художества цвѣтутъ, въ общемъ
„употребленіи. Да и нынѣ народы одинъ отъ дру-
„гаго заимствуютъ, особливо въ художествахъ. Аг-
„личане хотя изобильный языкъ имѣютъ, однако
„многіе техническіе термины, кои у другихъ наро-
„довъ въ употребленіи, безъ всякой перемѣны ири-
„нимаютъ. Въ Англіи человѣкъ, говоря о соединеніи
„свѣта и тѣни въ живописи, скорѣе употребитъ
„chiar oseurso, нежели light andshade т. е. свѣтъ и
и тѣнь. (*) . . .„ Дѣлать на сіе возраженіе почитаю
за безполезное: ибо все сочиненіе мое состоитъ
изъ онаго; но не прейду молчаніемъ моего удивленія,
какъ могъ переводчикъ такъ худо понять мысли и
желанія того сочинителя, котораго письмо пере-

(*) Сіе примѣчаніе сдѣлано къ переводу изъ письма одного Агличанина, писавшаго къ Лорду Оксфорду. см. опытъ трудовъ Воль: Росс: собранія: часть III, стр. 1, 1776.

велъ онъ; какъ могъ онъ такъ худо воспользоваться превосходными умствованіями и полезными совѣтами сего почтеннаго Агличанина, дѣлающими толико чести его разуму и сердцу? Какъ могъ онъ, говорю я, передавая намъ его мнѣнія, самъ отступить отъ нихъ и впасть со всѣмъ въ противуположныя, нигдѣ однако не обнаруживая того, чтобы онъ дѣлалъ сіе умышленно, но кажется еще, онъ приводилъ оныя какъ будто въ подтвержденіе мнѣній Аглинскаго писателя. Для показанія сего читателю на самомъ дѣлѣ, я разберу сіе письмо въ его переводѣ, за не имѣніемъ самаго подлинника, дабы показать до какой степени пристрастіе къ чужеязычію ослѣпляетъ умы наши, что мы и тамъ чаемъ находить одобреніе и сходство нашихъ мыслей въ пользу чужеязычія, гдѣ совсѣмъ противное тому говорится.

„Кажется, говоритъ сочинитель сего письма, что Едуардъ исповѣдникъ, живши долго „во Франціи, первой былъ, которой ввелъ нѣкоторую смѣсь Французскаго языка съ Саксонскимъ; „когда дворъ угождалъ охотѣ Государя своего, а „другіе почитали то за моду, такъ какъ мы теперь „почитаемъ. Вилгелмъ побѣдитель еще больше сдѣлалъ, выведши съ собою множество людей оной на„ціи, разсѣя ихъ по всѣмъ монастырямъ, указавъ, „чтобъ всѣ тяжбы наономъ языкѣ производились, „стараясь ввесть оной въ общее употребленіе по „всему государству. Покрайней мѣрѣ сіе мнѣніе мно„гими принято, но Вы, Милордъ, совершенно мнѣ „доказали, что Французской языкъ еще больше здѣсь „распространился во время Генриха II, которой въ „оной землѣ великія владѣнія имѣлъ, какъ по отцѣ, „такъ и по женѣ, часто туда ѣздилъ и всегда имѣлъ „за собою многое число одноземцевъ своихъ принад„лежащихъ ко двору его. . . „ Здѣсь сочинитель показываетъ только послѣдовавшее смѣшеніе языка Аглинскаго съ Французскимъ, а симъ самымъ доказываетъ, сколь не важно сдѣланное переводчикомъ примѣчаніе: „что, *Агличане хотя изобильный языкъ имѣютъ, однако многіе техническіе термины, кои у другихъ народовъ въ употребленіи, безъ всякой перемѣны принимаютъ.*„ Да и какъ не занимать имъ, когда ихъ языкъ въ толь тѣсномъ сродствѣ со всѣми

тѣми языками, отъ которыхъ они заимствовать лишъ могутъ?

„Испытаніе разныхъ обстоятельствъ, какими „языкъ можетъ въ землѣ перемѣниться, принудило „бъ меня въ пространное поле вступить. Я только „упомяну, что Французской, Латинской и Аглинской „языки одну судьбу имѣли. Первой (вѣроятно надле- „жало перевести второй) отъ времени Ромула, до „времени Юлія Цесаря претерпѣвалъ беспрестанныя „перемѣны; а изъ того, что мы находимъ въ авто- „рахъ, кои о томъ иногда говорятъ, такъ какъ изъ „нѣкоторыхъ остатковъ древнихъ законовъ, мы яс- „но видимъ, что Латинскій языкъ, которымъ три- „ста лѣтъ прежде Тулля (вѣроятно Туллія) говори- „ли, въ его время стольже былъ невразумителенъ, „сколько теперь Аглинской и Французской того же „періода„ . . . По семъ вычисляетъ онъ разныя при- чины, отъ коихъ Латинскій языкъ измѣнился и пришелъ въ упадокъ и заключаетъ симъ образомъ: „Великое повреждение нравовъ, и введеніе чу- „жестранной роскоши съ чужестранными на- „званіями, и многія другія, которыябъ легко „было показать, не упоминая о нападеніяхъ „Готтовъ и Вандаловъ, которые столь извѣ- „стны, что нѣтъ нужды объ нихъ говорить.„ . . . И сіе равно не могло служить переводчику предлогомъ совѣтывать намъ вносить въ нашъ языкъ слова чужестранныя. На противъ того, послѣднія строки должны бы его были увѣрить со всѣмъ въ противномъ, а особливо видя, сколь много *чужестранная роскошь* причинила намъ зла, не токмо въ языкѣ, но и во нравахъ. Дѣесловіе же всѣхъ народовъ должно было его убѣдить, что никогда не упадалъ безъ того языкъ, чтобы въ тоже время не упадали и нравы; и никогда не погибали также нравы безъ того, чтобы не произошло какъ въ языкѣ такъ и въ государствѣ великой перемѣны.

„Но безъ такихъ великихъ перемѣнъ, каковы „сіи, (коимъ я думаю мы меньше подвержены, неже- „ли государства на твердой землѣ лежащія). я не „вижу не обходимой надобности, чтобы языки без- „престанно перемѣнялись; ибо мы противные сему „примѣры находимъ. Отъ Гомера до Плутарха больше „тысячи лѣтъ; во все сіе время чистота Греческа- „го языка продолжалась, а можетъ быть и прежде

„онаго начало имѣла, и проч: въ семъ мѣстѣ сочинитель обнаруживаетъ свое желаніе, примѣчаемое въ прочемъ во всемъ его письмѣ, чтобы языкъ оставался, ежели можно въ цѣлости, безъ всякой перемѣны: но можетъ ли онъ пребыть въ семъ состояніи, когда станутъ въ него вводить чужестранныя слова, какъ того требуетъ переводчикъ, да еще въ такой языкъ каковъ нашъ, который никакого почти сходства съ другими языками не имѣетъ?

„Чтобъ поправить нашъ языкъ, Милордъ, на„добно съ разсмотреніемъ набрать такихъ людей, „кои почитаются способными для такого предпрі„ятія, безъ всякаго уваженія чина или званія. . . . . . „Но я больше всего желаю, чтобъ изобрѣ„тенъ былъ способъ для установленія и утвер„жденія нашего языка на всегда, учиня въ ономъ „такія перемѣны, какія за благо разсудятъ. Ибо „мое мнѣніе, что лучше языку быть не совсѣмъ „совершенну, нежели безпрестанно перемѣняться. „. . .„ Все сіе противное показываетъ желанію переводчика.

„Но когда я желаю, чтобъ языкъ нашъ послѣ „надлежащаго исправленія на всегда въ одномъ „состояніи остался, я не говорю, чтобъ онъ ни„когда не былъ распространенъ. Надобно толь„ко, чтобъ никакое слово, введенное собраніемъ „въ употребленіе, изъ онаго не выходило и изъ „языка исключено не было; впрочемъ они могутъ „принимать всякія новыя слова, въ коихъ имъ „нужда будетъ.„ Хотя сочинитель и велитъ принимать новыя слова, буде нужда того потребуетъ, но онъ ни чего не говоритъ о томъ, должны ли слова сіи изъ самаго языка раждаться, или быть заняты изъ другихъ языковъ. Да хотя бы онъ предполагалъ послѣднее то все сіе могло относится къ языку Аглинскому, составленному изъ другихъ языковъ, а отнюдь не къ Рускому, толико отъ всѣхъ другихъ языковъ особенному. Впрочемъ сочинитель кажется держится перваго мѣнія, когда говоритъ: „Греческой языкъ весьма „обогатился между временемъ Гомера и време„немъ Плутарха, однако вѣроятно, что перваго „Автора при Траянѣ столько же разумѣли какъ и „послѣдняго.„

Сочинитель изъявляя повсюду ревностнѣйшее желаніе видѣть языкъ Аглинскій утвержденнымъ, и сокрушаяся о перемѣнахъ постигающихъ языки, продолжаетъ: "Какъ же можетъ человѣкъ имѣю-,,щій дарованіе писать исторію не уступая лучше-,,му изъ древнихъ писателей, предпріять такое дѣ-,,ло съ бодростію и съ удовольствіемъ; когда онъ ,,подумаетъ, что его малое время съ пріятностью ,,читать будутъ, и что его въ одинъ или два вѣка ,,безъ изъясненія разумѣть не будутъ? Сіе былобъ ,подобно рѣщику трудящемуся надъ сыплющимся ,,камнемъ'. Дѣйствительно на чтобы тогда было трудиться и помышлять о славѣ, которая зависѣла бы всегда отъ своенравія и непостоянности умовъ мѣлкихъ, дарованій малыхъ, познаній ограниченныхъ, и вообще отъ людей вѣтренныхъ, мало разсуждающихъ и всегда дѣйствующихъ по прихоти и времени: ибо сего рода только люди перемѣняютъ по нещастію какъ нравы такъ и языки. Вельможа мудрый держится коренныхъ обычаевъ; великій писатель уважаетъ природный языкъ свой, не премѣняетъ его, но обогащаетъ собственнымъ ему богатствомъ; и естьли онъ силится превзойти своего предшественника или современника, то не введеніемъ чужеязычія, но изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ полезныхъ познаній, расширеніемъ предѣловъ науки, похищеніемъ таинствъ природы, открытіемъ новыхъ красотъ въ языкѣ, великолѣпіемъ слова, смѣлостію изображеній, пышностію описанія, силою и краткостію реченій, пріятностію слога, сладостію повѣствованій, богатствомъ вымысловъ, и повсюду господствующимъ согласіемъ языка. Се! поприще достойное великихъ дарованій! Тогда вдохновенный стихотворецъ можетъ воскликнуть:

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его ни громъ не сложитъ быстротечный;
И времени полетъ его не сокрушитъ,

Такъ! — весь я не умру, но часть моя большая
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Но на чемъ утвердится сей памятникъ (monumentum aere perennius, памятникъ, который мѣди долговѣчнѣе, какъ говоритъ Горацій), когда мы станемъ по прихоти мѣнять языкъ свой?

И такъ, когда какъ приведенныя здѣсь мѣста изъ письма онаго, такъ и самое письмо наполненное толь благородными мыслями, не открываютъ, отъ куда переводчику пришло въ голову совѣтывать намъ пестрить языкъ нашъ иностранными словами: то сего его желанія ничему иному приписать не можно, кромѣ пристрастія къ чужеязычію, обуевающаго наши умы уже около вѣка.

(15). Здѣсь я не разумѣю чрезъ то, чтобы уже всѣ иностранныя слова дѣлать Русскими; сего не возможно. Имена деревъ, звѣрей, птицъ, поминутно выдумываемыхъ нарядовъ и прочаго тому подобнаго не переводятъ; да въ нихъ и нужды нѣтъ: они никогда не испестрятъ словесности; ибо употребленіе ихъ весьма рѣдко, и то тамъ только, гдѣ они необходимы для описанія. Впрочемъ слова относящіяся до художествъ и ремеслъ необходимо должны быть Русскія; а особливо тѣ изъ нихъ, которыя могутъ вноситься въ словесныя науки, дабы чрезъ то чистота слога сохраняться могла.

(16). Пусть сначала слова сіи и будутъ для слуха дики, грубы, но лишь бы онѣ были на разумѣ языка основаны, то слухъ скоро привыкнетъ къ нимъ. Притомъ не должно забывать сказанія одного Англинскаго писателя, "что слова грубы бываютъ токмо для тѣхъ, кои не разумѣютъ ихъ, и словосудитель долженъ напередъ разыскать, происходитъ ли сія непріятность отъ погрѣшности писателя, или его собственной: ибо самолюбіе влечетъ насъ къ тому, что мы недостатки сіи скорѣе признаемъ въ комъ ни будь, чемъ въ самомъ себѣ. Тотъ, кто отъ чтенія не дѣлается умнѣе, рѣдко относитъ сіе къ своему собственному недостатку; но жалуется на грубость словъ и темноту мыслей, и удивляется для чего пишутся книги столь неудобно вразумительныя (*).

(*) The Idler. No 70.

(17). Я говорю довольно, чтобъ не сказать весьма, находя сію пословицу по толику справедливою, по колику соображаться должно съ общимъ смысломъ народа: но разсуждая о ней какъ философъ, не льзя въ томъ согласиться, принимая въ счетъ дѣятельность разума: ибо гдѣ онъ дѣйствуетъ, тамъ привычка не можетъ имѣть мѣста, или, по крайней мѣрѣ не должна. Она уступаетъ всегда бдительному разуму, которой наставляется природою; на противъ того торжествуетъ, ежели онъ дремлетъ; слѣдственно привычка только тогда надъ нимъ первенствуетъ, когда имъ лѣность возобладаетъ: то есть, когда господствующая сила всѣхъ нашихъ правыхъ дѣяній, какъ то разумъ, ослабѣетъ въ насъ до того, что дѣйствія ея стануть не примѣтны; тогда другая сторона прежде слабѣйшая, начнетъ верьхъ брать. И такъ привычка есть ни что иное, какъ усыпленіе разума, прерывъ дѣйствій, отсутствіе его и даже уничтоженіе. Почему привычка есть дѣйствіе отрицательное къ разуму. Отъ сего происходитъ, что привычка управляетъ болѣе лѣнивыми, не разсудительными; а при сихъ свойствахъ у больныхъ оно обращается въ своенравіе. Она возрастаетъ по мѣрѣ умаленія разума, такъ, что въ скотахъ, у коихъ дѣйствіе разума почти прекращается, она становится побужденіемъ, или другою природою, (здѣсь оно можетъ справедливо ею назваться и есть первенствующая причина всѣхъ ихъ движеній и дѣйствій. Въ человѣкѣ же на противъ того, въ которомъ разсудокъ непрестанно бодрствуетъ привычка ничего, или весьма мало что значитъ. Мудрый не можетъ иначе покориться разуму, какъ съ принесеніемъ ему въ жертву всѣхъ привычекъ своихъ, и симъ только отличается онъ отъ простолюдиновъ.

(18). Свифтъ въ своемъ разсужденіи объ Аглинскомъ языкѣ соглашается, чтобъ новыя слова были принимаемы исподоволь, однако съ тѣмъ, чтобы онѣ почерпались изъ разума самого языка, и требуетъ въ тоже время, чтобъ не допускать устарѣть и одному слову. Но что дѣлаетъ слово старымъ, "какъ не сіе общее соглашеніе на забвеніе его; и какъ можетъ оно употребляемо быть послѣ того, какъ привяжутъ къ нему понятіе не-

пристойное, или вложатъ опять въ уста народные тогда, какъ сдѣлается оно не обыкновенно по неупотребленію и непріятно по отвычкѣ?" (*). Введеніе новаго слова тогда токмо извиняется, когда оно необходимо нужно, понятно и сладкозвучно. Можно составлять слова въ физикѣ; новое открытіе, новая машина требуетъ новаго слова. Но какія новыя откровенія могутъ быть учинены въ человѣческомъ сердцѣ (**)?

(19). Чтожъ касается до преимуществъ Россійскаго языка, то необинуясь утвердится можно, что онъ изобиліемъ, красотою и важностію превосходитъ всѣ новѣйшіе языки. Входя въ подробное о семъ изслѣдованіе, всякъ усмотрѣть можетъ ясно, что нѣкоторые не основательно жалуются на скудость Россійскаго языка. Ни какого знанія не должно разсуждать и мѣрить по своимъ силамъ: но надлежитъ сперва въ немъ быть совершенну и послѣ о томъ смѣло разговаривать и полагать его предѣлы. Ежели на прим. Россіянинъ, выѣхавшій изъ своего отечества въ малолѣтствѣ, едва букварь читать умѣя, и въ чужихъ краяхъ проживщій до совершеннаго возраста, наполнился чрезъ обхожденіе и чрезъ чтеніе книгъ знаніемъ и любленіемъ иностранныхъ языковъ; ежели онъ о Россійскомъ словѣ по своему въ немъ искуству разсуждать будетъ, то едва подумаетъ о немъ лучше, нежели о нѣкоторыхъ скудныхъ языкахъ кочующихъ и не просвѣщенныхъ народовъ, не имѣющихъ словъ къ изображенію правды, совѣсти и всѣхъ дѣйствій чуждыхъ употребленія ихъ.

Таковыхъ Россійскихъ путешественниковъ описать я лучше не умѣю, какъ только сравнить съ такимъ Нѣмцомъ, которой бывъ долгое время въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ пасторомъ, середи Россіи, и чрезъ половину своего вѣка столько по Россійски говорить научился, что могъ имъ за нужду и хлѣба выпросить, и возвратясь въ свое отечество вздумалъ разсуждать о языкѣ нравахъ, обычаяхъ и склонностяхъ Россійскаго народа съ пристрастіемъ и ядовитымъ охужденіемъ. Сіе возбуждаетъ смѣхъ и несносную досаду въ томъ, кто устремлялъ силу раченія къ испыта-

(*) Preface to the Engl. Dict.
(**) Langues; Voltaire.

нію такихъ вещей. Однако то еще несноснѣе кажется, когда не иностранные, но свой Россійской языкъ предъ другими унижаютъ, и вмѣсто того, чтобы прилѣжаніемъ своимъ выбравъ изъ книгъ и разговоровъ, что есть сильно, пріятно и великолѣпно сокровищемъ онаго обогатиться, и тѣмъ обогащать сочиненія свои, отнимаютъ не основательными разсужденіями своими и у другихъ къ тому охоту. Что невѣжды въ семъ погрѣшаютъ и что Россійской языкъ не токмо ни единому Европейскому достоинствами не уступаетъ; но и многіе превосходитъ подобляясь и равняясь съ древними изящными Греческимъ и Латинскимъ; въ томъ можно имъ засвидѣтельствовать ясными доводами и многими примѣрами.

Довольство Россійскаго слова сравнить должно съ имѣніемъ пребогатаго человѣка, получившаго великое сокровище по наслѣдству и присовокупившаго еще много собою. Наслѣдство языку нашему отъ двухъ сторонъ досталось: съ одной отъ общаго отца многихъ языковъ, то есть, отъ древняго Славенскаго; съ другой отъ онаго сильнаго, котораго Гомеръ и Пиндаръ гремѣли, и Анакреонъ вливалъ въ сердца человѣческія нѣжность, которымъ послѣ того Златоустъ испускалъ молнію свою на беззаконныхъ, и Дамаскинъ украсилъ Божію церковь: Славенскаго языка богатство, данное нашему въ неоспоримое наслѣдсто, надлежитъ мѣрить по его древности, по великому пространству земель, въ которыхъ отъ него произшедшіе распространились, и по многимъ великолѣпнымъ и почтенія достойнымъ остаткамъ обрѣтаемымъ нами въ церковныхъ книгахъ. Что надлежитъ до его древности, то превосходитъ онъ тою всѣ нынѣшніе Европейскіе языки; сверьхъ того по многимъ признакамъ равенъ временемъ Латинскому, ежели еще и не старѣе: ибо хотя весьма не оспоримо, что въ немъ письмены начались предъ Латинскимъ гораздо позже: однако сіе древности языка отнюдь умалить не можетъ, при весьма вѣроятныхъ оныя доказательствахъ состоящихъ въ сношеніи Славенскаго языка съ Латинскимъ. Для разобранія древности двухъ языковъ нѣкоторыя сходства между собою имѣющихъ, и для узнанія, который бы изъ нихъ

былъ старѣе, или оба начались около одного времени, предлагаю слѣдующія положенія:

1). Ежели оба не малое число оныхъ и тѣхъ же коренныхъ словъ имѣютъ; сіе показываетъ, что они оба произошли изъ одного источника; но долготою времени и многими народовъ перемѣнами различились: слѣдовательно оба почти одной древности.

2). Ежели сходствующія коренныя слова въ одномъ языкѣ имѣютъ нѣкоторое знаменованіе, съ натурою вещей знаменуемыхъ сходное, чего въ другомъ не находится; и ежели при томъ отъ перваго есть больше сложенныхъ и производныхъ: по сему будутъ онѣ въ первомъ прямо коренныя, а въ другомъ ближе къ производнымъ.

3). Ежели въ одномъ языкѣ слова почитаемыя за коренныя имѣютъ по окончаніямъ и по многимъ слогамъ подобіе производныхъ, и корень въ другомъ сыщется; то весьма вѣроятно, что оныя отъ сего произходятъ.

4). Когда въ одномъ языкѣ за коренное почитаемое слово можно раздѣлить на два, которыя суть въ другомъ языкѣ, и сложеніе ихъ будетъ съ натурою вещи сходно; то не льзя сомнѣваться, что сіи суть простыя, а оныя сложенныя рѣченія.

Сіи послѣднія положенія суть признакомъ, показующимъ разность древности двухъ языковъ; и когда онѣ согласно показываютъ, то сіе должно почитать неоспоримымъ доводомъ.

Въ сношеніи Славенскаго языка съ Латинскимъ нашолъ я слѣдующія коренныя сходственныя рѣченія:

Acer,	остръ.	Columbus,	голубь.
Agnus,	агнецъ.	Cruor,	кровь.
Ambo,	оба.	Crux,	крестъ.
Ancora,	якорь.	Cudo,	кую.
Aro,	орю.	Culeus,	куль.
Avena,	овесъ.	Curtus,	кратокъ.
Axis,	ось.	Dexter,	десный.
Balneum,	баня.	Dies,	день.
Barba,	борода.	Discus,	дска.
Clavis,	ключь.	Do,	даю.
Clino,	клоню.	Dolium,	дельва.
Collis,	колмъ.		

Domus,	домъ.	Plenus,	полонъ.
Dormio,	дремлю.	Paena,	пеня.
Ferio,	перу.	Post,	послѣ.
Flamma,	пламя.	Pro,	про.
Frater,	братъ.	Ros,	роза.
Frutex,	прутъ.	Rumpo,	рву.
Glaber,	гладокъ.	Ruo,	рою.
Gleba,	глыба.	Sal,	соль.
Gradior,	гряду.	Sanctus,	святъ.
Grande,	градъ.	Scabo,	скоблю.
Guttur,	горло.	Scamnum,	скамья.
Hyems,	зима.	Seco,	сѣку.
Hortus,	огородъ.	Semen,	сѣмя.
Hospes,	гость.	Sedeo,	сѣжу.
Ignis,	огнь.	Sevenus,	свирѣль.
Iuvenis,	юноша.	Siccus,	сухъ.
Laevus,	лѣвой.	Somnus,	сонъ.
Lingo,	лижу.	Sono,	звѣню.
Lenum,	ленъ.	Sterno,	стелю.
Lippus,	слѣпъ.	Sto,	стою.
Luna,	луна.	Struo,	строю.
Madeo,	мокну.	Tenuis,	тонокъ.
Malleus,	молотъ.	Tepeo,	теплѣю.
Mas,	мужъ.	Tero,	тру.
Mater,	мать.	Texo,	тку.
Mel,	медъ.	Trepido,	трепещу.
Mens,	мысль.	Tuba,	труба.
Mensis,	мѣсяцъ.	Veho,	везу.
Metior,	мѣряю.	Ventus,	вѣтръ.
Misceo,	мѣшаю.	Vertex,	верхъ.
Mitto,	мечу.	Vesper,	вечеръ.
Molo,	мелю.	Video,	вижу.
Mors,	смерть.	Viduus,	вдовъ.
Mori,	мереть.	Vieo,	вью.
Mus,	мышь.	Unda,	вода.
Musca,	муха.	Volo,	волю.
Muscus,	мохъ.	Valuo,	валю.
Naris,	ноздри.	Uterus,	утроба.
Nasus,	носъ.		
Novos,	новый.		
Nox,	ночь.		
Os,	уста.		
Ovis,	овца.		
Palus,	палка.		
Pasco,	пасу.		

Здѣсь ни по какой причинѣ сказать не льзя, чтобы Славенскія слова были моложе Латинскихъ. Ибо поздное чужестранныхъ введеніе бываетъ по большей части съ вещьми новыми: какъ то у насъ при введеніи Греческаго Православія вошли въ языкъ рѣченія Греческія, а съ учрежденіемъ флота, Голландскія, Англинскія, Нѣмецкія, Французскія, и проч. Но вышепоказанныя слова должны были начаться купно съ началомъ Славенскаго и Латинскаго народа; для того, что онѣ значатъ вещи не обходимо нужныя въ человѣческой жизни, и относящіяся къ нравственному и физическому употребленію.

И такъ по первому положенію слѣдуетъ, что Славенской и Латинской языкъ почти одной древности и что они оба коренные языки; ибо ученымъ этимологистамъ довольно извѣстно, что въ составѣ оныхъ со всѣмъ сходственныя правила.

Латинскія рѣченія corbis коробъ; costa кость, ребро; gibbus горбъ; ostium устіе; meta мѣста, имѣютъ въ Славенскомъ съ натурою сходное знаменованіе, чего нѣтъ въ Латинскомъ и больше Славенскія производныхъ нежели Латинскія имѣютъ. Corbis, коробъ, что сдѣланъ изъ коры; costa отъ общаго кость; gibbus отъ слова гибь или гнуто; ostium отъ узкости, meta, отъ глагола мечу, который у насъ весьма богатъ производными, какъ то предмѣтъ, примѣта, примѣчаю, примѣтливъ отмѣта, отмѣчаю, намѣчаю, и прочая, коихъ больше начесть можно, нежели въ латинскомъ. Сіи по второму положенію показываютъ нѣсколько большую древность Славенскаго языка нежели Латинскаго. Donec, донелѣже; solidus твердый; spolium, добыча въ полѣ; suadeo, совѣтую; temetum, старинной напитокъ у Римлянъ. Сіи всѣ кажутся быть сложены изъ рѣченій Слевенскихъ donec изъ *до* и *нелѣ*; solidus, изъ *со* и *литой*, какъ бы *слитой*; spolium, изъ *съ* и *поль*; suadeo, изъ *со* и *вѣтъ*, откуду произошло *вѣщаю*; temetum, какъ бы той медъ. Сіи слова сверьхъ того, что по видимому изъ другихъ сложены имѣютъ больше складовъ, нежели коренному прилично; и по третьему положенію уступаютъ большую древность Славенскимъ.

Fistula, трубочка; graculus, ворона; nebula, туманъ; oculus, глазъ, въ Латинскомъ суть производныя умалительныя; однако въ своемъ языкѣ коренныхъ не имѣютъ. Но въ Славенскомъ явно ихъ ви-

димъ, и почти сомнѣваться не можемъ, что происходитъ fistula отъ свиста, graculus отъ грача, nebula отъ неба, oculus отъ ока, слѣдовательно по четвертому положенію заключаемъ, что Славенскаго языка древность не токмо равна древности Латинскаго, но для показанныхъ явныхъ признаковъ едва ли оную не превышаетъ. Въ разсужденіи сего начало Славенскаго языка далѣе двухъ тысячъ лѣтъ простирается.

Такова есть древность Славенскаго языка! Но разпростертіе отъ него произшедшихъ есть не меньше, ежели время съ мѣстомъ сравнить можно. Отъ горъ Алпійскихъ до Восточнаго Океана; отъ Дуная до Ледовитаго моря разпростирается ихъ голосъ. Россіяне, Поляки, Болгары, Сербы, Моравы, Кроаты. Чехи, Славяне, Литва, Венды, и многіе другіе суть какъ бы потомки отъ него произшедшіе, всѣ показующіе ясно, сколь надобно долгое къ тому было время, чтобъ имъ толь обширно разпространится. и коль силенъ и великъ былъ народъ Славенскій, толикія произведшій поколѣнія. Сіе все разсуждая, какъ возможно спорить противъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ, за долгое время до Рождества Христова полагающихъ обитаніе Славянъ отъ Чернаго моря до Ильменя и до Бѣла озери.

По симъ обстоятельствамъ Россійскій языкъ красотою, изобиліемъ, важностію и разнообразными родами мѣръ въ стихотворствѣ какихъ нѣтъ въ другихъ, превосходитъ многіе Европейскіе языки, а потому и сожалѣтельно, что Россіяне, пренебрегая столь сильной и выразительной языкъ, ревностно домогаются говорить или писать не совершенно, языкомъ весьма низкимъ для твердости нашего духа и обильныхъ чувствованій сердца. Въ столичныхъ городахъ дамы стыдятся въ большихъ собраніяхъ говорить по Россійски а писать рѣдкія умѣютъ. Сія зараза разпространяется и во всѣ провинціи. О образованіи разсудка, о чтеніи полезной Россійской книги о писаніи на собственномъ языкѣ думаютъ очень мало. Примѣрные писатели всѣхъ народовъ писали на отечественномъ языкѣ. и нѣтъ ни одного заслуживающаго названіе примѣрнаго на двухъ языкахъ. Не можно удивляться тому. что Греки и Римляне писали съ толь неподражаемою и

непостижимою истиннною, силою, достоинствомъ и красотою; ибо они разсуждали, говорили и писали только на отечественномъ языкѣ. До какого бы цвѣтущаго состоянія довели Россіяне свою Литтературу, если бы познали цѣну языка своего, и старались бы на ономъ изображать свои мысли! (начертаніе о Россійскихъ сочиненіяхъ и Россійскомъ языкѣ. См. Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова. Часть VII стр. 143).

(20). Не безполезно будетъ, естьли приведемъ сюда примѣръ для показанія, съ какою достойною похвалы осторожностію поступилъ Г-нъ Лукинъ, при переводѣ Bijoutier. Приведемъ собственныя слова его, ибо они должны сохраниться: "Я пишу сіе предисловіе, говоритъ онъ, въ защиту единаго только слова, и за то по справедивости можно назвать меня *Педантомъ*. Пусть называютъ: что дѣлать! Я принужденъ на этотъ разъ хотя и не охотно, вытерпѣть сію укоризну, и долженъ непремѣнно защищать данное оной кемедіи наименованіе."

,,Я писалъ къ Г. *Ельчанинову*, что странно показалося мнѣ сію комедію назвать Французскимъ *Галантерейщикомъ*, и я чаялъ, что многіе читатели меня за то еще бы болѣе нежели за слово *щепетильникъ* осуждать стали. Къ тому же я и самъ ни когда бы не простилъ себѣ, издавъ на свѣтъ сіе сочиненіе подъ чужестраннымъ наименованіемъ. И такъ слѣдуя сему мнѣнію, думалъ я, какимъ бы словомъ объяснить на нашемъ языкѣ Французское слово Bijoutier, и не нашелъ инаго средства, какъ чтобы войдя въ существо той торговли, отъ которой произошло у Французовъ оное названіе, сообразить ее съ нашими торгами, и разсмотрѣть, нѣтъ ли ей подобныя, что я безъ великаго труда сыскалъ, и здѣсь предлагаю."

,,Во Франціи въ лавкахъ Boutiques de Bijouteries или Boutiques de galanteries продаются часы, табакерки, перстни, пряжки и другія мѣлкія золотыя, серебряныя, фарфоровыя и прочія разныхъ металловъ и минераловъ вещи, которыя по Французски *галантереею* называются, и которыя съ Французскаго языка въ столичныхъ нашихъ городахъ почти всѣми жителями подъ тѣмъ же именемъ приняты: За что тѣхъ, которые говорятъ, а не пишутъ, и

винить почти не должно. Они покупая изъ Франціи вывезенныя вещи, такъ ихъ и называть начали, какъ у Французовъ называются. Но мнѣ издавая сію комедію на Русскомъ языкѣ, не хотѣлось Французское слово тиснуть Русскими буквами. — Чего ради не взирая на то, что подвергнулся хулѣ, несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ къ тому старинное слово *щепетильника*, потому, что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запанками и прочимъ мѣлочнымъ товаромъ, назывались и нынѣ называются *щепетильниками*. И естьли бы у дѣдовъ нашихъ часы, готовальники и прочія Французами и другимъ народомъ къ намъ вывозимыя вещи, даже до самыхъ ни къ чему годныхъ бездѣлокъ были въ употребленіи, то бы и оныя также щепеткимъ товаромъ назывались и *щепетильниками* продаваны были. И сверхъ того не однократно, не только отъ жителей малыхъ городовъ и отъ купцовъ, но и отъ многихъ степенныхъ господъ въ столицахъ живущихъ, слыхалъ въ разговорахъ, что они вмѣсто того: „онъ одѣтъ богато и прибористо; говоритъ: онъ щепетко одѣтъ.“ И такъ habit galant можетъ назваться кафтанъ и щегольской и щепеткой; а изъ того слѣдуетъ, что сіе слово не только къ тѣмъ товарамъ, кои *галантереею* называются, приличествуетъ; но можетъ быть довольно объяснительно и къ другимъ; но однакожъ не ко всѣмъ вещамъ, коимъ на Французскомъ языкѣ, прилагательное имя дается.“

„И такъ для вышесказанныхъ обстоятельствъ, а притомъ имѣя къ чужестраннымъ словамъ языкъ нашъ безобразящимъ совершенное отвращеніе, назвалъ я комедію *Щепетильникомъ*: но назвалъ ее не съ такимъ гордымъ намѣреніемъ, чтобы никогда не перемѣнить слова сего. Нѣтъ! естьли тѣ люди, кои языкъ нашъ лучше меня знаютъ, и коихъ я всегда за то почитаю; естьли такіе, говорю я, мнѣніе мое опровергнутъ; то я въ минуту съ ними соглашуся. Но и тогда тѣмъ утѣшаться буду, что мною понуждены они къ истребленію сего иноплеменническаго слова, которое въ нашъ языкъ со всѣмъ почти внѣдрилось, и которое, естьли его, такъ какъ и многихъ, не истребятъ, можетъ на долгое время остаться.“

„Чтожъ принадлежитъ до переговорки такихъ людей, которые будутъ сіе мною возобновленное слово опорочивать, не показавъ неоспоримаго на мои доказательства опроверженія; то я таковымъ сказываю, что ихъ не основательная хула меня не тронетъ; ибо я знаю, что они большею частію все то хулятъ, чего не разумѣютъ.„

(21). Французской языкъ раздѣлялся на два нарѣчія, на Южное и Сѣверное; послѣднее превозмогло надъ первымъ, и есть нынѣ господствующее во Франціи. Генрихъ IV воспитанный въ Южной Франціи, удержалъ нѣкоторые слова и реченія отъ прежняго своего нарѣчія. Малербъ любившій правильность и точность языка до излишества, немогъ иногда не поправлять самого Короля, когда онъ ошибался.

(22). Колико ясность потребна при чистотѣ языка, сіе покажетъ намъ слѣдующій примѣръ изъ Волтера. „Всякая Метафора, которая не представляетъ образа точно и живо, погрѣшаетъ, говоритъ онъ; сіе правило не требуетъ никакого исключенія.“ И приводя стихъ изъ Корнелія.

Ce dessein avec lui seroit tombé par terre, присовокупляетъ. „Какой живописецъ могъ бы представить себѣ *намѣреніе упадающее на землю:*“ Но приводя сіе Волтерово разсужденіе, я желалъ показать только, съ какою строгостію разбиралъ онъ своихъ сочинителей, хотя приведенный мною примѣръ совсѣмъ не относится къ русскому выраженію: ибо стихъ Корнеліевъ погрѣшаетъ только противу правильности изображенія, а Руское и противу правильности изображенія и противу правилъ словоискусства; да и Волтерово примѣчаніе клонится единственно къ неправильности Метафоры, а отнюдь не языка; хотя судъ его въ семъ случаѣ и слишкомъ строгъ, а особливо въ отношеніи языка Французскаго; ибо разбирая на немъ съ такою строгостію, изчезло бы все очарованіе стихотворства. Справедливо говоритъ Паллисотъ: „Не льзя довольно надивиться, какъ могла столь странная мысль и столь пагубная для всего стихотворства войти въ голову такого человѣка, которой не токмо что цѣлый вѣкъ упражнялся въ стихотворствѣ, но который самъ сочинялъ еще превосходные стихи. Ни что сильнѣе сего на показываетъ, что и

самый лучшій знатокъ бываетъ подверженъ заблужденіямъ, когда разбираетъ съ хладнокровіемъ то, что должно чувствовать съ страстію" . . . . . Впрочемъ не безполезно замѣтить здѣсь что и самые Метафоры не должны изъ языка въ языкъ переводиться отъ слова до слова, но составляться по образу понятія каждаго народа: ибо есть изъ нихъ такія, которыя будучи такимъ образомъ переведены, не токмо что потеряютъ всю свою силу, важность и ясность, но и сдѣлаются смѣшными. Тотъ же Паллисотъ, въ опроверженіе Волтеровой мысли, приводитъ изъ лучшихъ Французскихъ писателей слѣдующія Метафоры и говоритъ: „Какой живописецъ осмѣлился бы попытаться, по правиламъ Волтера, изобразить на картинѣ des mains avides de Sang qui volent à des parricides, des yeux qu' on voit venir de toutes parts, des mains qui promettent, то есть, руки жаждущія крови и летящія для совершенія отцеубійства, очи отвсюду притекающія, руки обѣщающія. По нашему понятію мы должны сказать въ первомъ случаѣ, человѣкъ жаждущій омочить руки въ крови отца своего; ибо жажду имѣть, показываетъ хотѣніе, желаніе чего въ высшемъ степени, и даже сопряженное уже съ нѣкоторымъ томленіемъ, изнеможеніемъ, мученіемъ; а сего мы ни какъ не можемъ придать рукамъ, которыя ни какого подобнаго хотѣнія или желанія имѣть не могутъ; также какъ и свойство летѣть равно не можетъ быть имъ придано. Мы можемъ еще сказать *ноги летятъ*, отъ того, что они быстрымъ своимъ шествіемъ какъ бы носятъ насъ на крылахъ, и чемъ нетерпѣливѣе мы будемъ желать дойти до какого мѣста, тѣмъ шествіе наше будетъ скорѣе, которое обращаясь почти въ бѣгъ, уподобитъ быстроту онаго летанію птицы; но поелику не руки а ноги носятъ насъ, слѣдственно и сіе свойство птицы придано имъ быть можетъ. Впрочемъ выраженіе сіе употребляется весьма рѣдко, да и едва ли кромѣ сего случая, гдѣ мы можемъ еще сказать *ноги летятъ у него, такъ скоро онъ идетъ*: свойственнѣе же дѣйствіе сего движенія относить къ самому человѣку и говорить *онъ летитъ*, а не идетъ. У Французовъ, можетъ быть ни что не мѣшаетъ отнести сіе дѣйствіе къ рукамъ въ подобіе того, что крылья даются птицамъ вмѣсто

рукЪ, и что напротивЪ того ноги ихЪ не суть способны кЪ летанію. И такЪ Французы перенесли сіе свойство отЪ крылЪ кЪ рукамЪ, потому можетЪ быть, что у человѣка тамЪ руки, гдѣ у птицы крылья; а мы кЪ ногамЪ потому, что какЪ птицѣ крылья способствуютЪ быстрѣе переносится отЪ одного мѣста кЪ другому, такЪ и ноги служатЪ на сей конецЪ человѣку. Естьли бы Рускому вздумалось представить быстроту Гермеса, то безсомнѣнія онЪ привязалЪ бы ему крылья кЪ ногамЪ какЪ то сдѣлали и Греки. ТакЪ составляются понятія у различныхЪ народовЪ а потому и Метафоры ихЪ могутЪ между собою быть весьма не сходны. Вторая Метафора des yeux qu' on voit venir de toutes parts, очи отвсюду притекающія (появляющіяся), и des mains qui promettent, руки обѣщающія, также нашему языку несвойственны. РавнымЪ образомЪ Руской не можетЪ сказать; Time will melt her frozen thoughts, время растопитЪ ея замерзшія мысли вмѣсто, время смягчитЪ суровость ея мыслей. На противЪ того, un Dieu qui met un frein á la fureur des flots, БогЪ обуздывающій (налагающій узду) свирѣпость волнЪ, какЪ у ФранцузовЪ такЪ и у насЪ сЪ пользою употреблено быть можетЪ. ВЪ разсужденіи МетафорЪ нужно вообще замѣтить, что онѣ бываютЪ смѣлѣе на тѣхЪ языкахЪ, которыя составилися случайно. а тѣмЪ удобнѣе вводятЪ вЪ заблужденіе и вЪ ложныя изображенія, каковому упреку подвержены всѣ почти новѣйшія языки. НапротивЪ того Руской языкЪ, имѣющій свои собственныя коренныя слова, производитЪ отЪ нихЪ другія, долженствующія имѣть правильныя и точныя, своему предмету соотвѣтствующія значенія. отЪ коихЪ составляются уже чистыя понятія и пристойныя изображенія, могущія и живописцу служить сЪ пользою. какЪ то угодно Волтеру.

(23). Разсуждая объ АглинскомЪ языкѣ, БлерЪ говоритЪ: „Какія бы ни были какЪ преимущества такЪ и недостатки Аглинскаго языка онЪ заслуживаетЪ, чтобы мы приложи кЪ нему все наше раденіе и вниманіе потому, что онЪ есть нашЪ природный. Не безЪизвѣстно намЪ, что Греки и Римляне вЪ самое просвѣщенное и цвѣтущее для себя время, старались о усовершенствованіи языковЪ своихЪ. Не безЪизвѣстно намЪ и то, сЪ какимЪ раче-

ніемъ Французы и Италіанцы трудилися надъ исправленіемъ своихъ. Какія знанія ни были бы пріобрѣтены посредствомъ изученія чужихъ языковъ, они никогда не могутъ быть сообщены съ пользою, какъ токмо одними тѣми кои въ состояніи писать и говорить правильно на своемъ отечественномъ.“ (*).

(24). Французскій языкъ похваляется всѣми ради его естественнаго порядка въ распредѣленіи словъ и теченіи рѣчи. „Естественный порядокъ, которому принуждены слѣдовать въ изъясненіи своихъ мыслей и при составленіи реченій, говоритъ Волтеръ, сообщаетъ сему языку пріятность и легкость, которая нравится всѣмъ народамъ. Изъ всѣхъ языковъ одинъ языкъ Французскій объясняетъ со всей удобностію, ясностію и нѣжностію всѣ предмѣты встрѣчающіяся въ разговорахъ людей благородныхъ; и способствуетъ во всей Европѣ къ величайшимъ пріятностямъ въ жизни (**): Но Лами называетъ словотеченіе Французскаго языка случаемъ *необходимости* (***) (effet de la nécefsité).“ Смыслъ выраженія, на какомъ бы то ни было языкѣ, не прежде можно понять совершенно, говоритъ онъ, какъ уже по окончаніи онаго: посему для содѣланія рѣчи ясною, естественный порядокъ не есть еще толико необходимъ какъ то воображаютъ себѣ. . . . . Въ языкѣ Французскомъ все отрывисто: слова наши не связываются между собою; отъ сего онѣ бываютъ вялы; особливо ежели вещи, о коихъ разсуждаютъ, не поддерживаютъ собою связи оныхъ“. . . . Многіе у Французовъ разсуждали о семъ предметѣ, и были разныхъ мнѣній. Иные защищали его составленіе, другіе почитали за недостатокъ въ немъ то что онъ слишкомъ единообразенъ въ своемъ словосочиненіи. Любопытствующіе знать о семъ подробнѣе могутъ читать Батте (****), Плюша

(*) Lectures on Rhetoric and Belles-Lettres. Tom. I.

(**) Langues.

(***) Rhetoric ou art de parler.

(****) Construction Oratoire.

(*), Марсе (**), Бозе (***), Кондильяка (****), и другихъ съ успѣхомъ о семъ разсуждавшихъ: Но я приведу здѣсь мнѣніе одного славнаго ихъ писателя. „Разнообразіе, происходящее отъ употребленія сихъ различныхъ словосочиненій, великолѣпіе представленія, изъ ихъ смѣшенія учреждающееся, согласіе сопровождающее оныя, свойство ихъ поражать насъ: все доказываетъ говоритъ онъ, что сіе разнообразіе есть дѣйствіе природы, и что оно въ самой природѣ находится. Богатая и обильная природа, никогда съ точностію единому пути не слѣдуетъ: она непрестанно измѣняетъ свои образы, никогда подобна сама себѣ не бываетъ, даже и тогда, когда всего болѣе на себя походитъ. Таково ея свойство: такова расточительность, посредствомъ которой въ своихъ твореніяхъ одного роду производитъ она толико удивительное и пріятное разнообразіе.“

„Почему не можетъ быть сего и съ нашими понятіями? Почему должны мы непремѣнно слѣдовать одному пути, и ни подъ какимъ видомъ не перемѣнять его? Ужели всѣ наши изображенія должны быть единообразны? Почему невластны мы восходить отъ дѣйствія къ причинѣ такъ точно, какъ мы переходимъ отъ причины къ дѣйствію? Ужели, подобно животнымъ, должны мы, никогда несовращаяся, слѣдовать однимъ предписаніямъ природы (*****), и какъ попугаи, всегда повторять на-

---

(*) Mechanique des Langues et l'art de les enseigner.

(**) Traité de la Construction grammaticale.

(***) Grammaire Generale.

(****) Essai sur l'origine des Connoifsances humaines.

(*****) Мнѣ кажется сей вопросъ не есть здѣсь настоящій. Человѣкъ не можетъ не слѣдовать предписанію природы, а ежели онъ и совращается отъ него, то идетъ противъ природы, и слѣдотвенно противъ порядка. Приличнѣе было бы сказать противъ обычая или предразсудка. Ежели бы природа ограничила и людей, какъ животныхъ, однимъ закономъ, то бы ни одинъ человѣкъ не выступилъ изъ ея воли: но человѣкъ, имѣю-

ши слова въ одномъ порядкѣ? Не естьли тотъ языкъ всѣхъ совершеннѣе, въ которомъ реченіе мо-

---

щій свободу, можетъ удаляться отъ законовъ природы, хотя всегда со вредомъ себѣ. Въ разсужденіи же языковъ должно примѣчать слѣдующее. Языки бываютъ твореніемъ природы и человѣка; какъ твореніе природы они бываютъ совершенны, а какъ твореніе человѣка они бываютъ совершенны и несовершенны, по мѣрѣ того, какъ содѣйствовалъ человѣкъ природѣ. Ежели данныя природою человѣку вещества слова, онъ устроивалъ сообразно съ ея законами, или по возможности ихъ придерживаясь ближе, тогда и языкъ будетъ совершеннѣе: но когда болѣе отъ нее удаленный, онъ станетъ учреждать его по своимъ предразсудкамъ, тогда и языкъ сей будетъ несовершеннѣе; тогда не противъ природы итти должно, но стараться побѣдить упорство предразсудковъ народа и преобразить свойства языка, приблизивъ его опять къ природѣ. Но сіе можно дѣлать, когда языкъ еще, такъ сказать, въ младенчествѣ и довольно удобенъ къ такой перемѣнѣ; когда же онъ, слѣдуя сообщенному ему движенію и сохраняя данный ему образъ, возмужаетъ и временемъ утвердится, тогда скажемъ съ Волтеромъ, "должно непремѣнно придерживатся того наречія, которымъ хорошіе писатели говорили; и естьли есть довольное число писателей, признанныхъ таковыми, тогда языкъ утвержденъ. По сему всякая перемѣна въ языкахъ Италіанскомъ, Испанскомъ, Аглинскомъ и Французскомъ не можетъ не послужить какъ токмо къ порчи языка. Причина сему ясна; ибо такая перемѣна вскорѣ учинила бы непонятными тѣ книги, кои наставляютъ и утѣшаютъ народы". . . . . Другое же примѣчаніе есть слѣдующее, что языкъ образовавшійся самъ собою, всегда сообразнѣе съ природою; разумъ содѣйствовавшій природѣ въ составленіи онаго, былъ самъ ближе къ ней; напротивъ того, новѣйшіе языки, изникли изъ развалинъ языка Латинскаго, который палъ отъ развращенія нравовъ народа на немъ говорившаго; слѣдственно они изникли во времена развратные, грубые и варварскіе,

жетъ принимать разныя обороты, между коими властны мы избирать любое, сообразно съ свойствомъ понятій нашихъ; въ которомъ учреждая слова соотвѣтственно спокойствію нашего глубокомыслія, мы можемъ, давъ словамъ иное теченіе, слѣдовать за нашими чувствами, изображать ихъ смятеніе, заставляющее ихъ, какъ бы скачками переходить то, за чемъ мысль влечется шагъ за шагомъ; и слѣдственно такой языкъ, которой несравненно болѣе другихъ удобенъ принимать на себя сіе удивительное разнообразіе, какое являетъ намъ природа, и которому нашъ разумъ не престанно покушается слѣдовать."

„И такъ да отвергнется нами всякой языкъ, который, будучи съ природою несходенъ, влечется по единому пути, имѣетъ единый только способъ представлять наши мысли; на которомъ хотя бы и пожелалъ дать иное обращеніе своей рѣчи, принужденъ бываешъ непрестанно прибѣгать къ употребленному уже въ первый разъ; и который мучитъ и стѣсняетъ разумъ, воображеніе и вкусъ тѣхъ, кои принуждены говорить на немъ, и

когда умы омрачены были предразсудками, сердца растлѣнны пороками: словомъ, когда царствовали ужасы, раждаемые заблужденіями, развратами, рабствомъ, междоусобіемъ, и когда всего менѣе была познаваема природа. Чего же ожидать хорошаго отъ такого порожденія? Станемъ паче удивляться всеоживляющему дарованію человѣка, который посредствомъ онаго торжествуетъ надъ всѣми трудностями, и прежде веществу неустроенному, тѣлу до толѣ безобразному, умѣетъ по возможности давать устройство и благозрачность. Вотъ все что можетъ искуство человѣческое; далѣе оно не простирается. Съ языками бываетъ тоже, что и съ людьми; какъ бы они ни украшались и ни возвышалися, никогда не скроютъ первоначальнаго своего низкаго происхожденія; носящій долгое время оковы всегда сохраняетъ на себѣ ихъ знаки. Впрочемъ сочинитель и самъ въ другомъ мѣстѣ уже не называетъ сего дѣйствіемъ природы, но искуства, привычки и примѣра.

кои посему уже достойны сожалѣнія. Никогда онъ не плѣнитъ тебя пріятнымъ изображеніемъ, стихословіе ему не извѣстно, и самая свободная рѣчь на немъ будетъ безъ пріятства, груба, лишенная всякаго согласія и лишь всегда сама себѣ подобна; вездѣ онъ однозвученъ; и разумъ не имѣя отдохновенія, скоро онымъ скучаетъ и утомляется единообразіемъ, неимѣющимъ противуположности."

„Нѣтъ, можетъ быть, ни единаго языка, какое бы свойство его ни было и какъ бы онъ ни былъ стѣсненъ въ своемъ теченіи, который не старался бы преодолѣть того единообразія, коему онъ подверженъ; который не чувствовалъ бы удручающаго его принужденія, и который не употреблялъ бы всѣхъ своихъ усилій для сокрушенія своихъ узъ, и для внесенія разнообразія въ свои изображенія."

„И такъ не станемъ обвинять великихъ писателей за то, что имѣя творческій разумъ и нѣжное чувство, они избрали пріятный путь, природою имъ предначертанный въ разнообразіи падежей; которые соглашая съ сими видами языкъ свой, содѣлали его удобнымъ какъ можно ближе подражать природѣ; не станемъ оскорблять ихъ почитая за людей совратившихся съ пути и отъ природы удалившихся."

„Не станемъ также охуждать и тѣхъ, которые способствовали образованію языка нашего. Провождая въ лѣсахъ своихъ жизнь грубую, видя природу не столь пріятную, небо не столь ясное, будучи мѣнѣе извѣстны съ прелестями общества, усовершенствованнаго изящными искуствами, сими произведеніями странъ несравненно щастливѣйшихъ, они говорили языкомъ менѣе перемѣнчивымъ, но болѣе суровымъ, болѣе важнымъ, который, сколько ему можно было, подходилъ ближе къ природѣ, бывшей у нихъ передъ глазами. И такъ языкъ нашъ толикожъ естественъ какъ и другіе, и естьли онъ менѣе обилуетъ несходствами, то не менѣе того имѣетъ свои пріятности, и сими преимуществами, коимъ удивляются въ немъ, вознаградилъ ему не достающія (*)."

(*) Monde primitif, par M. Court de Gebelin. Tom. II.

Сей же самый писатель разсуждая о превосходствѣ изобрѣтенія падежей, о разнообразіи и живости, какую получаетъ чрезъ то рѣчь, говоритъ: „Съ того времени слова не будучи уже пригвождены къ единому мѣсту, могли ставится по произволу тамъ, гдѣ ихъ дѣйствіе казалось быть ощутительнѣе; отъ сей растущей въ нихъ силы необходимо произошло то, что изображенія стали совершеннѣе, согласнѣе, разнообразнѣе, и въ своихъ пораженіяхъ несравненно вѣрнѣе: тогда тоже слово могло попеременно стоятъ и въ переди представленія и на концѣ онаго, смотря потому, какую важность желали придать ему: отъ нихъ-то мыслящій писатель заимствуетъ пособія для своего воображенія и вкуса, ведетъ читателя отъ одного удивленія къ другому, и возбуждая въ немъ любопытство, до самаго конца оное поддерживаетъ.“